

Т. В. Станюкович

Музей антропологии и этнографии за 250 лет

ВВЕДЕНИЕ

В системе научных учреждений, призванных раскрывать и популяризировать достижения науки, искусства и других областей общественной деятельности человека, значительное место в нашей стране принадлежит музеям.

В наглядной форме они показывают и объясняют трудящимся историю развития Земли с ее флорой и фауной, историю материальной и духовной культуры человеческого общества, историю классовой борьбы трудящихся за свое освобождение, историю строительства нового общества и т. п.

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство уделяют огромное внимание развитию музейного дела в нашей стране. В числе первых декретов, изданных еще в период гражданской войны, были декреты о национализации и конфискации ценностей, имеющих музейное значение. Музейные богатства стали достоянием народа.

За годы советской власти создана широкая сеть музеев краеведческого, областного и всесоюзного значения по самым различным отраслям знания, в результате чего наша страна заняла ведущее место в мире по музейному строительству.¹

Появились многочисленные музеи по истории нашей родины, истории революционного движения и славной истории Коммунистической партии Советского Союза, мемориальные музеи, посвященные вождям партии и правительства, великим полководцам и деятелям науки и культуры нашей страны, а также широкая сеть музеев специализированного характера и музеев по истории науки и техники. В условиях грандиозного строительства, намеченного постановлениями XXII съезда партии, создание новых музеев, отражающих в своих экспозициях великие дела эпохи построения коммунизма, приобретает еще более важное значение.

Многие из наших музеев возникли еще до Великой Октябрьской революции и имеют богатое прошлое.

Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР занимает видное место среди научных учреждений, несущих науку и просвещение в широкие народные массы. На базе последних достижений науки, в наглядной и занимательной форме экспозиции его знакомят с происхожде-

¹ Сов. музей, 1935, № 3, стр. 25.

нием и развитием человека, с основными этапами истории человеческого общества, с историей материальной и духовной культуры, созданной человечеством, и ее разновидностями, с конкретной историей ряда народов, их борьбой за свое освобождение, за мир.

В фондах Музея хранятся многочисленные и разнообразные коллекции по антропологии, истории материальной культуры и быту. Сбор и накопление этих коллекций происходили в течение двух с половиной веков существования Музея и успешно продолжаются в наше время.

Предлагаемая работа прослеживает характер комплектования фондов Музея, начиная с первых шагов его в XVIII в. и кончая плановым сбором материала силами комплексных экспедиций Института этнографии Академии наук в наши дни; видоизменения экспозиций от наивно развлекательных выставок до разработанной по единому плану современной экспозиции, построенной на базе марксистско-ленинской методологии на вещественных материалах трех наук — антропологии, археологии, этнографии.

Материал статьи разбит по главам, в основу их положены организационные видоизменения, которые Музей претерпевал за свое более чем двухвековое развитие.

С 1714 по 1836 г. коллекции его входили в состав соответствующих отделов первого государственного общедоступного Музея — Петербургской Кунсткамеры. Этот период освещается двумя главами работы, первая из которых характеризует начальные шаги в истории Музея, вторая — путь, пройденный им с середины XVIII до первой четверти XIX в.

В 1836—1878 гг. Музей этнографии и Музей анатомии вели раздельное существование. Глава III работы излагает историю этнографического и анатомического музеев в условиях развития антропологической и этнографической науки этого периода.

В 1879 г. музеи были слиты в единый Музей антропологии и этнографии, существующий под этим названием и по сей день. Истории этого периода посвящается вторая половина работы. Глава IV рассматривает историю Музея конца XIX—начала XX в., главы V и VI — историю его послереволюционного развития.

Глава I

ПЕТРОВСКАЯ КУНСТКАМЕРА. ПЕРВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ

Музей антропологии и этнографии Академии наук существует под современным своим названием с 1879 г. Однако дата его основания восходит к значительно более раннему времени, а именно к началу XVIII в.

Конец XVII—начало XVIII в. были переломным периодом в истории России. Мероприятия Петра I по поднятию экономики страны и укреплению военной мощи России потребовали чрезвычайного напряжения народных сил. Эти реформы не могли быть проведены в жизнь без подъема общего культурного уровня, и, конечно, в первую очередь подъема культуры дворянства, в руках которого были сосредоточены все ведущие посты.

Опираясь в проведении культурных реформ на группу передовых деятелей России, Петр начал решительную борьбу за повышение куль-

туры и образованности, применяя как метод убеждения, так и принудительные меры, «не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».¹

Культурные сдвиги, происшедшие в этот период, трудно переоценить: основывается ряд светских профессиональных школ, вводится упрощенный гражданский шрифт, открывается несколько типографий, начинает издаваться первая русская газета «Ведомости».

Придавая большое значение развитию отечественных наук, в частности наук естественных, Петр I большое внимание уделяет развитию медицины.² Для использования в качестве наглядных пособий он передает в московскую Аптекарскую канцелярию ряд препаратов по зоологии и анатомии из своего личного собрания и отдает распоряжение наладить производство подобных же препаратов в Москве.

Производство их вскоре и налаживается в Анатомическом театре, созданном в 1703 г. при Московском госпитале. Материал для вскрытий и препаратов первоначально поступал из полиции, а затем от населения в соответствии с указами 1704—1718 гг. («О приносе родившихся уродов, так же найденных необыкновенных вещей» и др.).³

В связи с переносом столицы в Петербург Петр I распорядился перевезти туда свое личное собрание и коллекции по анатомии и зоологии, которые хранились в Аптекарской канцелярии. К 1714 г. все они были перевезены и расставлены в Летнем дворце новой столицы. Коллекции оказались столь обильными, что для обслуживания их потребовался специальный штат. «Главное смотрение» над ними было поручено президенту Аптекарской канцелярии лейб-медику Роберту Арескину, который в свою очередь назначил «надсмотрителем редкостей и натуралиев» Иогана Шумахера. В первые годы своего существования Музей, получивший наименование Кунсткамеры, был мало доступен для обозрения и лишь четыре года спустя, в 1718 г., будучи вывезен за пределы царской резиденции, превращается в доступное для сравнительно широкого круга лиц научно-просветительное учреждение.

Первое здание, в котором коллекции Кунсткамеры открылись для публичного обозрения (1719 г.), находилось недалеко от Смольного. Это был двухэтажный, очень большой для того времени дом, конфискованный у опального боярина Александра Кикина. Пять «хором», где разместились музейные коллекции, были отделаны очень нарядно. Потолки их были обиты холстом, стены побелены и покрыты росписью или шпалерами «по зеленой земле золотом».⁴

К этому времени петербургская Кунсткамера уже располагала значительным количеством экспонатов по антропологии и этнографии. На первой экспозиции ее, открытой в конце 1718—начале 1719 г., было представлено такое количество редкостей, «что можно было, по свидетельству современников, совсем растеряться».⁵

Член голштинского посольства в России камер-юнкер Бергольц, хорошо знакомый с музеями Европы, оставил в своем дневнике за 1721—1725 гг. заметки о замечательных собраниях Кунсткамеры. Он подробно

¹ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 36, М., 1962, стр. 301.

² В. Рихтер. История медицины в России, ч. III. М., 1920, стр. 37.

³ Полное собрание законов Российской империи, т. IV. СПб., 1830, №№ 1964, 3159 и др.

⁴ Материалы для Истории Академии наук (далее: Материалы), т. I. СПб., 1885, стр. 379—380.

⁵ G. F. Neickelius. Museographia oder Anleitung zum rechten Begriff und nützlicher Anlegung der Museorum oder Raritäten-Kammer, T. I—III. Leipzig und Breslau, 1727 (далее: Museographia), стр. 331.

описывает анатомические, эмбриологические и другие естественно-исторические коллекции и удивляется обилию «предметов по части естественной истории и самых разнообразных уродов»,⁶ собранных здесь.

Крупнейшим источником, из которого Музей пополнялся в этот период — и уже не отдельными экспонатами, как из Аптекарской канцелярии, а целыми коллекциями, — были отечественные экспедиции, в которых участвовали крупнейшие ученые того времени.

Широкий размах государственного, экономического и культурного строительства Российской империи начала XVIII в. вызвал к жизни формирование новых отраслей наук. Был организован ряд экспедиций, призванных собрать фактический материал о природных особенностях и населении ряда районов России. Большая часть собранных экспедициями вещественных памятников передавалась в Кунсткамеру. Таким путем она получила «редкости Каспийского моря»,⁷ две большие археологические коллекции, включавшие в себя золотые и серебряные украшения и сосуды, найденные в окрестностях Астрахани,⁸ древности, обнаруженные в 1716—1718 гг. в языческих молельнях «на восточном краю Каспийского моря в стране Самарканд», «всякого рода жертвенную утварь и ветхие, но разборчивые рукописи на пергаменте», «прелюбопытное собрание идолов» и ряд других предметов,⁹ по всей вероятности из экспедиции А. Бековича-Черкасского, обследовавшей в 1714—1717 гг. побережье Каспийского моря вплоть до персидских владений. В поисках старого русла Аму-Дарьи и удобных гаваней отряды участников ее неоднократно предпринимали длительные разведки в глубь прибрежной полосы, где, видимо, и собрали коллекции.¹⁰

Поступившие в этот период рукописи положили начало рукописному фонду Кунсткамеры по азиатским народам.

Богатейшее этнографическое собрание поступило в Кунсткамеру в 1725 г. от доктора Д. Г. Мессершмидта, обследовавшего по поручению Академии наук ряд районов Сибири, Даурии и Монголии и собравшего разнообразные коллекции по естественной истории и этнографии народов Сибири, а также по их изобразительному искусству и письменности.¹¹

Немалую роль сыграли и добровольные пожертвования. Многие патриоты, понимая просветительную ценность Музея и стремясь внести в это благородное дело свою лепту, присылали различные предметы, обогащавшие этнографический и главным образом сравнительно-анатомический отделы Музея. В числе этих подарков могут быть названы: «монстр человеческий», «теленки двухголовый», «медальное татарским письмом внутри и снаружи насеченное блюдо при старом японском зеркале», «старинный веер с японскими письменами», «чулки дикие и многие другие»¹²

⁶ Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого. М., 1875, стр. 153.

⁷ *Museographia*, стр. 82—83.

⁸ I. B a k m e i s t e r. Essai sur la Bibliotheque et le Cabinet de curiosithés et d'histoire naturelle de L'Academie des Sciences de Saint Petersburg. SPb., 1776 (далее: Б а к м е й с т е р), стр. 159.

⁹ Ф. Х. Вебер. Преобразованная Россия. Русский архив, 1872, стр. 1419.

¹⁰ В. Б. В и л и н б а х о в. Походы князя Александра Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву (1714—1717 гг.). Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ, т. XIV, Нальчик, 1959, стр. 59—79.

¹¹ G. F. M i l l e r. An die versammlung der Keiserlichen Academie der vissenschaften. Материалы, т. VI, СПб., 1890 (далее: М и л л е р), стр. 151.

¹² Материалы, т. I, стр. 50, 59, 60, 67, 70, 141 и др.

Кроме экспедиционных материалов и пожертвований, в различных странах Западной Европы по распоряжению Петра I приобретались лучшие собрания того времени, состоящие из различных «редкостей». В 1716—1717 г. в Голландии были приобретены: «Альберта Себы славное собрание животных четвероногих, птиц, рыб, змей, ящериц, раковин и других диковинных произведений из Ост и Вест-Индии»¹³ и коллекции анатомических препаратов известного анатома того времени — «славного доктора Руйша».¹⁴

Современный вид дома А. Кикина, где первоначально размещалась Кунсткамера.

В числе предметов, входивших в них, имелись анатомические препараты и «искусством сделанные вещи». Эти последние и положили основу этнографическим коллекциям Кунсткамеры по зарубежным народам. С коллекцией Себы, например, в Музей поступили изделия из слоновой кости, редких сортов дерева, жировика и других материалов, привезенных «из Восточной и Западной Индии и других далеких стран». К этому же времени относится поступление в Кунсткамеру деревянных сапог из Дании¹⁵ и собрания по нумизматике.¹⁶

Первая экспозиция Кунсткамеры разместилась в пяти комнатах и открывалась собранием анатомических препаратов, заключенных в стеклянные сосуды, — головки детей, которые «так хорошо сохраняются в спирте, что кажутся живыми», «с иных чуть не брызжет

¹³ Палаты Санкт-Петербургской Академии наук. СПб., 1741, Введение.

¹⁴ Правильнее — Рейса, однако в связи с тем, что это написание прочно утвердилось в русской научной литературе, мы продолжаем его называть по традиции Рюйшем.

¹⁵ Musei Imperialis Petropolitani, v. II, rars II, serin 96. Petr., 1742, № 42.

¹⁶ Бакмейстер, стр. 114.

кровь», а также руки и ноги, «на которых видны жилы через кожу как будто живую». ¹⁷ Это, видимо, была коллекция Рюйша, которая содержала свыше двух тысяч препаратов по анатомии и эмбриологии, ¹⁸ и препараты по тем же дисциплинам, изготовленные в России, среди которых особенно много имелось эмбриологических и тератологических. Анатомическая коллекция Кунсткамеры была необычайно ценной и богатой для своего времени.

В следующей комнате были расставлены склянки с образцами развития человеческого плода «от первого зародыша до полной зрелости», «различные чудовища» (*monstra*), чучела животных, изделия из слоновой кости, тростник, т. е. эмбриологические, зоологические, ботанические и этнографические коллекции. В остальных трех комнатах также (видимо, без особой системы) размещались этнографические и исторические экспонаты вперемешку с зоологическими, геологическими и ботаническими препаратами. ¹⁹ Перечисленные экспонаты и коллекции далеко не исчерпывали богатств Музея. По свидетельству современников, к середине 20-х годов в нем «имелся еще столь большой запас вещей, не приведенных в порядок, что потребовалось бы еще 30 или более комнат, чтобы их расположить». ²⁰

Следует добавить, что Музей первоначально имел в своем составе даже живые «экспонаты». Это были дети или юноши с различными видами уродства, которые жили при Кунсткамере и демонстрировались посетителям наряду с другими экспонатами Музея. ²¹ Так, например, в 1722 г. здесь содержалось три монстра — Яков, Степан и Фома. Фома был карликом, а на руках и ногах имел по два «мунструозных пальца», похожих на клешни рака.

Повышенный интерес к монстрам или уродам был заимствован Петром I из-за границы. При дворах европейских владетелей имелись слуги и шуты, увеселявшие царственных особ своими физическими недостатками. Особенно «в моде» были карлики и великаны; первые использовались главным образом как шуты, а вторые — как гайдуки и личная охрана. Из своего путешествия за границу Петр I привез в Россию гайдука гигантского роста (217 см) по имени Буржуа. После смерти скелет Буржуа и препараты отдельных его органов были помещены в Кунсткамеру. ²²

Данью времени следует считать и то, что все экспонаты Музея были сгруппированы «занимательно», в виде композиций. Особенно показательны в этом отношении эмбриологические композиции Рюйша. Среди них имелись: «человеческий плод, примерно семи недель, который схвачен маленькой восточной змеей», «лежащий в гробнице труп человеческого плода 6-ти месяцев, украшенный венком из цветов и естественных плодов и букетом, запах которого он как бы вдыхает».

«Убирание» или художественное оформление приобретенных у Рюйша и отечественных коллекций производилось «кунсткамерской маляршей» Марией Доротеей Гзель. Из документов того времени можно установить, что для этих целей широко использовалась разноцветная бумага, перга-

¹⁷ *Museographia*, стр. 330—333.

¹⁸ В. В. Г и н з б у р г. Анатомические коллекции Ф. Рюйша в собраниях Петровской Кунсткамеры. Сб. МАЭ, т. XIV, М.—Л., 1953, стр. 276.

¹⁹ *Museographia*, ч. III, стр. 330—332.

²⁰ Краткое описание г. Питербурга и совершившегося в нем в 1720 г. Записки поляка-очевидца. Русская старина, 1879, июнь, стр. 171—173, 265.

²¹ Дневник камер-юнкера Берхгольца. . . , стр. 156.

²² С. С о л о в ь е в. История России с древнейших времен, т. XVI. М., 1889, стр. 249.

мент, стекла разноцветные, красивые минералы, пузыри говяжьих, листовое золото, «цветки которые не блекнут», проножки, подставки точеные, а также разноцветные ткани: бархат, тафта и др. Особенно широко применялось сусальное золото, употреблявшееся для различных нужд — вплоть до позолоты клешней крабов.²³

Таким образом, в первое же десятилетие существования петербургской Кунсткамеры в ней сосредоточиваются крупные и для своего времени хорошо подобранные отечественные и зарубежные собрания, главным образом по анатомии. Этнографические же коллекции только еще начинали комплектоваться.

Несмотря на то, что выставленные в петербургской Кунсткамере коллекции по своему богатству «едва ли не оставляли за собой все другие музеи Европы»,²⁴ состав и принцип экспонирования их заставляли желать лучшего.

Экспозиция включала в себя наряду с интереснейшими экспонатами предметы, не имеющие научного и познавательного значения. Существенным недостатком этой первой экспозиции было отсутствие четкого плана размещения и чередования коллекций.

Однако просветительное значение выставленных в Музее коллекций бесспорно было велико. Они в наглядной форме знакомили посетителя с этнографией, ботаникой, зоологией и анатомией человека и животного.

Огромную роль в культурном развитии России сыграло учреждение Академии наук (1724 г.), с первых же лет существования весьма оживившее научную жизнь страны. Большая организационная работа, курсы публичных лекций, заседания с широким составом приглашенных, активная издательская деятельность содействовали быстрому росту популярности вновь созданного центра наук, сплачивали вокруг него все научные силы страны. Планомерно производимые комплексные экспедиции устанавливали широкие связи Академии с периферией.

В числе учреждений, послуживших научной базой для молодой Академии наук, была и Кунсткамера. Работники Академии получили возможность пользоваться для научных изысканий ее коллекциями; Музей же в свою очередь получил большие возможности для приобретения и дальнейшего сбора экспонатов, а также помощь и руководство со стороны лучших научных сил страны как в обработке, так и в экспонировании коллекций.

Трансформация Кунсткамеры из собрания раритетов в подлинно научное учреждение происходила медленно и не без борьбы. Привилегированное общество вполне удовлетворяло собрание раритетов, в то время как экономическая жизнь страны, требования науки и просвещения диктовали иное.

Первая группа планомерно проводимых русских академических экспедиций начала свою работу в 1733 г. Результаты их были очень плодотворны: «ни одно ученое предприятие не принесло столь много славы Академии и столь много пользы Отечеству, как путешествия Академиков по России».²⁵

Экспедиции носили комплексный характер и существенно обогатили все отделы Кунсткамеры. Первые этнографические собрания поступили в нее от участников так называемой второй Камчатской экспедиции —

²³ Миллер, стр. 115.

²⁴ М. Ш. Фандербек. О состоянии просвещения в России в 1725 г. Сын отечества, 1842, ч. I, № 1, стр. 22.

²⁵ Полное собрание ученых путешествий по России, т. I. СПб., 1818—1825, стр. XII.

Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина и С. П. Крашенинникова. За десять лет работы они обследовали Приуралье и Сибирь вплоть до восточной оконечности ее, а именно до Камчатки. Г. Ф. Миллер наряду с историческими и лингвистическими изысканиями занимался и этнографией, ярчайшим доказательством чего является разработанная им программа (1740 г.). Она должна была служить пособием для сбора материалов, подразделялась на ряд параграфов (состоявших, в свою очередь, из статей) и имела ряд приложений.

§ 1. «О ведении журнала» (20 ст.);

§ 2. «О географическом описании» (75 ст.);

§ 3. «О теперешнем состоянии городов и подведомственных им земель» (38 ст.);

§ 4. «О просмотре архивов и описании сибирской истории» (22 ст.);

§ 5. «Об описании древностей» (100 ст.);

§ 6. «Об описании нравов и обычаев народов» (923 ст.).

Приложение № 3 — «О собирании различных предметов для Кунсткамеры» (16 ст.) — было снабжено рекомендательным списком.²⁶ Как явствует из перечисления, основная масса статей этой программы была посвящена этнографической тематике. Она была разработана на основе программы Татищева²⁷ (см. ниже) и сыграла большую положительную роль в сборе данных по истории, культуре и быту народов, населяющих Сибирь и Приуралье. Результаты исследования были впоследствии изложены Г. Ф. Миллером в ряде статей и незаконченных рукописей, опубликованных лишь частично.²⁸

И. Г. Гмелин, будучи естествоиспытателем, интересовался этнографией лишь попутно. Однако собранные им материалы, в частности материалы по шаманству, представляли большой интерес и были им опубликованы в «Путешествии по Сибири в 1733—1743 гг.».²⁹

Крупнейшим исследованием, написанным на основе изучения материалов этой экспедиции, был труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» — по сей день незаменимый источник по этнографии народов этого полуострова. Коллекции по этнографии, собранные участниками этой экспедиции, И. Бакмейстер — автор написанного в 70-е годы путеводителя по Кунсткамере — называет «сокровищами» и указывает, что они явились «обильными приращениями, состоявшими в таком количестве изысканных по разным азиатским странам и народам редкостей, что таковым множеством ни один в Европе кабинет славиться не мог».³⁰ Среди этих сокровищ — коллекции мужской и женской одежды, головных уборов, утвари и украшений, собранные у юрацких, тавгийских и аванских самоедов (ненцев) (31 предмет), остяков (хантов) (14 предметов), якутов (15 предметов), юкагиров (13 предметов), ламутов (эвенов) (21 предмет), коряков (24 предмета), тунгусов (эвенков) (13 предметов), качинских татар (хакасов) (14 предметов), «курильцев», мордвы и некоторых других народов, обитающих в Сибири и Приуралье.

²⁶ Эта программа была опубликована лишь частично на грани XX в.: § 5 («Об описании древностей») — в книге В. В. Радлова «Сибирские древности» (Материалы по археологии России, № 15, т. I, вып. 3, 1894, стр. 106—114); § 6 («Об описании нравов и обычаев народов») и приложения — в сборнике МАЭ (т. I, 1900, стр. 37—99).

²⁷ А. И. Андреев. Труды и материалы Татищева о Сибири. СЭ, 1936, № 6, стр. 93—104.

²⁸ Н. О. Косвен. Этнографические результаты великой северной экспедиции 1733—1743 гг. Сибирский этнографический сборник, III, М.—Л., 1961, стр. 189—194.

²⁹ S. G. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733, bis 1743, 4 vls. (Sammlung neuer und merkwürdiger Reisen zu Wasser und zu Land), VI—VII. Göttingen, 1751—1752.

³⁰ Бакмейстер, стр. 124.

Было собрано и значительное количество предметов культа, среди которых «три деревянных тунгусских идола», «коряцкий идол», «бубен с палочкой», «самоедский идол», «два деревянных самоедских сосуда», «самоедская сумка из коры», «ложка», «самоедская лодка», «образец саний, которыми пользуются коряки», «молоток, усаженный острыми косями, которыми коряки пользуются на войне» и многое другое.³¹

В числе научных деятелей, не работавших в Академии наук, но тесно связанных с ней, был В. Н. Татищев, внесший большой вклад в изучение истории и этнографии народов, населяющих Россию. В своих трудах он призывал к изучению истории, культуры и быта, разъяснял, «колько история в мире пользы приносит», и для облегчения сбора материалов, необходимых для воссоздания ее, в 1734 г. разработал и разослал по губернским канцеляриям подробную, состоящую из 195 пунктов инструкцию. Она охватывала огромный круг вопросов, связанных с историей, экономической географией и этнографией, и подразделялась на разделы: «о границах», «о водах», «о природном строении земли», «о жителях», «о жилище» и др. Она имела три варианта, первый из которых рекомендовался при изучении «всех губерний», второй — «только до Архангелогороцкой, Казанской, Астраханской, Сибирской и частью Нижегородской губерний, где многие разные идолопоклоннические народы находятся», а третий — «только для одних татар магометанского закона».³²

Программа, составленная В. Н. Татищевым, как упоминалось выше, легла в основу более подробной программы Миллера и сыграла значительную роль при сборе материалов для Кунсткамеры.

Помогал В. Н. Татищев обогащению Музея и личными пожертвованиями. Из своих путешествий и поездок он нередко присылал в нее всевозможные коллекции.³³

Немалое число главным образом этнографических предметов поступило в эти годы от различных частных лиц путем приобретения и наследования.

Одним из интереснейших собраний, завещанных Академии, было собрание Я. Брюса, этнографическая часть которого состояла из 67 предметов, нумизматической коллекции (367 номеров), рисунков и «прочих личин».³⁴ Основная масса предметов, входивших в нее, характеризовала искусство и быт народов Китая.

Как источник пополнения Музея этого периода следует упомянуть и частные собрания, поступающие из Канцелярии конфискаций.

Вследствие дворцового переворота 1741 г. многие лица, игравшие крупную роль в предшествующие царствования, попали в опалу. Имущество большинства из них было конфисковано в казну, а предметы, имевшие музейное значение, переданы в Кунсткамеру.

В 1741 г. в нее поступили две нумизматические коллекции, конфискованные вместе с остальным имуществом у Артемия Волинского и Платона Мусина-Пушкина. Они насчитывали свыше 500 номеров, главным образом восточных и западноевропейских медалей и монет.³⁵ В октябре того же года из Канцелярии конфискаций поступили «лаковый китай-

³¹ Выборка из рукописных дополнений к каталогу «*Musei Imperialis Petropolitani*» (vol. II, p. I, СПб., 1742), разделы: «одежда», «что было включено в имп. Кунсткамеру уже после завершения каталога 1744 г. относящиеся к описанию северных племен», «Перечень того, что передал студент Крашенинников в августе 1743 г.».

³² Н. П о в. Татищев и его время. М., 1861, стр. 666—696.

³³ Материалы, т. V, СПб., 1889, стр. 872; т. VII, СПб., 1895, стр. 414 и др.

³⁴ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 16, лл. 349—350, 433—450, 536—544, 561 об.—568 об и др.

³⁵ Материалы, т. IV, СПб., стр. 661—684, 696—697.

ский кабинет с российскими и другими деньгами и медалями из остермановых пожитков»³⁶ и другие предметы, характеризующие быт и искусство, в основном китайское: «53 штуки медных больших и малых разных китайских фигур», «две штуки китайских плетеных», «кукол больших китайских фарфоровых, по белой земле с разными цветами — 7», «5 кукол фарфоровых зеленых на лошадях», 8 таких же красных, «ящичек сандаловый, в котором кувшинчик с крышкой, кальянов золотых — 2, серебряных — 3, да один с финифтью», «чашечка китайская медная резная и вызолочена, на ножках», «9 картинок туманных за стеклом», «платье китайское атласное»,³⁷ большое количество медалей, картин и этнографических предметов.³⁸

Представители царствующей династии не часто удостаивали Кунсткамеру своими посещениями, но рассматривали все хранящиеся в ней экспонаты не как государственную, а как свою личную собственность. Часто поступали приказы доставить во дворец тот или иной экспонат, и он далеко не всегда возвращался обратно.

Особенно велик был урон, нанесенный коллекциям Музея знаменитой «Ледяной свадьбой» — нелепым празднеством 6 февраля 1740 г. по случаю «потешной свадьбы» придворного шута императрицы Анны Иоанновны, князя М. А. Голицына, с шутихой ее — калмычкой А. Н. Бужениновой. Как известно, в программу увеселений праздника было включено «шествие народов», населяющих Российскую империю или обитающих по соседству с ней. Мысль о создании этого «природного маскарада», по всей вероятности, была порождена теми разнообразными этнографическими коллекциями, в частности национальными костюмами, которые поступали в Кунсткамеру из Второй камчатской экспедиции. Эти коллекции, характеризующие культуру и быт доселе почти не известных народов, вызывали большой интерес. В шествии должны были принять участие следующие народы: «мордва, чуваша, черемиса, вотяки, тунгусы, якуты, камчадалы, остяки, мунгалы, башкирцы, кингисы, юнаки, кантыши, каракалпаки, арапы белые и черные, и прочие, какие есть поданные российские»³⁹ и ряд зарубежных народов.

Во все концы России было разослано «высочайшее распоряжение» от 27 декабря 1739 г. с приказом срочно прислать в Петербург по типичной молодой паре представителей всех перечисленных выше народностей, а также описание «их платья, в чем ходят, и гербов на печатях или на других на чем и на каких скотах ездят, оружия, музыкальных инструментов и национальных кушений».⁴⁰

Академии было поручено представить описание и зарисовки «пастуха с его убором, из народов кроме России и Европы», «одного осла», «индейского, епонского, монгольского, китайского воинов с копьём, в их приборах», «музыкантов, со описанием их игры, от тех же народов», «эпонцев, манзуров, мунгальцев, контошинцев, киргисцов, калмык, каракалпаков и жен их по одному», «осинского народа, которые под владением Грузии, по одному мужской и женской персоны и музыкантов их».⁴¹

Из Музея было затребовано большое количество костюмов, музыкальных инструментов, оружия и различной утвари, главным образом сибирских народов. В эти костюмы, переделанные без учета этнографи-

³⁶ Там же, стр. 747—750.

³⁷ Там же, т. V, стр. 323, 365, 366.

³⁸ Там же, т. VII, стр. 164—166.

³⁹ Там же, стр. 276.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, т. IV, стр. 277—278.

ческих особенностей, и были наряжены приехавшие «иностранцы», составившие шуточный свадебный поезд. Для этого они были рассажены парно в фантастические сани и колымаги, запряженные верблюдами, волами, оленями, собаками и даже свиньями, которые двигались под различную национальную музыку за женихом и невестой, восседавшими на слоне в железной клетке. Несколько месяцев спустя Музей получил лишь часть выданных коллекций — в попорченном и переделанном виде. Много экспонатов, в частности 8 чувашских и мордовских костюмов с вышивкой и др., были безвозвратно утеряны.⁴²

К началу 40-х годов XVIII в. в Кунсткамере оказалось сосредоточено громадное количество различных экспонатов, насущно требовавших классификации. Нужен был каталог.

Первые упоминания о работе над каталогами музейных коллекций встречаются еще в 1723 г. К 1727 г. «каталогус на российском диалекте» был закончен. Однако к 40-м годам он уже совершенно не отражал лица Музея. Профессора, собиравшие музейные коллекции и пользовавшиеся ими для научной работы, охотно взялись за их каталогизацию. Итогом этой работы был каталог на латинском языке.

В описываемое время (20—40-е годы XVIII в.) Кунсткамеру и Библиотеку возглавлял И. Д. Шумахер. Этот ловкий делец, сумевший оказаться полезным при подборе первых академиков и организации Академии наук, забрал в свои руки делопроизводство и постепенно стал самовластным управителем.

Блестящая карьера, сделанная им, указывал Ломоносов, определялась отнюдь не его научными достоинствами, ибо «в науках» он был «скуден», а умением ловко маневрировать и интриговать. «Сегодня того лаская, кого угнетал вчерась. Переменяя, как понадобится. Президента же и других знатных особ улещая, то подарением разных книг в хороших переплетах, грыздорованных листов, на что много тысяч рублей истрачены. . . Все сие дела для удержания и укрепления своего самовластия, о приращении наук и о чтении лекций не имея ни малого попечения».⁴³

Происходя из Западной Европы и преклоняясь перед ее культурой, но не имея знаний и опыта, Шумахер часто следовал несовершенным образцам, ибо у музеев Западной Европы того времени мало чему можно было поучиться. Прекрасный знаток естественной истории Даламбер в статье, посвященной кабинетам натуралиев (1751 г.), отмечал, что благоустроенные музейные экспозиции встречаются в Европе крайне редко. «Гораздо больше таких, которые отличаются лишь богатством своих собраний, но лишены всякого порядка». «Какая же польза в собранном с большим трудом и большими затратами множестве произведений, если они выставляются в полном беспорядке, без всякого внимания к природе вещей и к принципам естественной истории?» — вопрошает он. Царящий там беспорядок приводит к тому, «что ценнейшие произведения природы брошены, как в колодезь», — добавляет он и картинно описывает: «Вы подбегаете к краю этого колодца, вы следуете за толпой, вы стремитесь пронизать мрак, окутавший столько редкостей, но он слишком густой. Вы устаете от напрасных усилий, и вы уносите с собой лишь горькое чувство обиды, что вы лишены стольких богатств или из-за беспечности их владельцев, или из-за небрежности и халатности тех, кому они поручены». Даламбер уподобляет неумелых храни-

⁴² Там же, т. III, СПб., 1886, стр. 367.

⁴³ Биляцкий И. Материалы для биографии М. В. Ломоносова. СПб., 1865, стр. 049 и 443.

телей и владельцев подобных кабинетов каменотесам, которые способны лишь обтесывать камни в глубине каменоломни, но не в состоянии возвести само здание, и рекомендует им: «Отправьте все ваши раковины в море; верните земле ее растения и почвы, очистите ваши комнаты от этой кучи трупов птиц, рыб, насекомых, если из всего этого вы не сумели создать ничего, кроме хаоса».⁴⁴

Примером такого богатейшего, но беспорядочного собрания мог служить Лейденский музей, в котором экспонаты были сгруппированы следующим образом: в одном помещении были выставлены головы двух слонов и четыре ноги одного из них, две шкуры тигра, раковина устрицы, крокодил, деревянный дом, «как их делают в Норвегии», клюв неизвестной птицы из Бразилии, несколько индейских стрел, дудочка, клобук московского монаха, финские лыжи, модель лодки для ловли китов, хирургические инструменты, скелет орла, кресло для родов и др. В другом были сосредоточены скелеты, сгруппированные «занимательно», но без попытки введения какой-либо системы: скелет обезьяны и коровы, «скелет осла, который несет на себе женщину, убившую ребенка своей дочери», скелет кошки, «скелет девушки 17-лет, убившей своего ребенка», «скелет пирата», «скелет овцы», «скелет слуги некоего капитана, который был задушен» и т. д. Пошкафные описи этого собрания показывают, что внутри шкафов также отсутствовала какая-либо система. Так, например, в шкафу «А» соседствуют клюв птицы, беленое и небеленое египетское полотно, камень, найденный «в чреслах девушки», «каралловый кустик», «горшок, полный пива, из Китая», «сабля из Индии», «рука сирены», «голова тигра». В шкафу «Д» — мумия, морской паук, «кровь крокодила», кусок хлеба, «сделанного из неизвестной муки», «молоток, которым дикари Голландии убивали иностранцев», «недоносок» и др.⁴⁵

В 1727 г. Кунсткамера и Библиотека Академии наук были перемещены в специально выстроенное для них по распоряжению Петра I здание. Оно было возведено силами лучших архитекторов того времени, И. Маттарнови и М. Г. Земцовым, на стрелке Васильевского острова, в непосредственной близости с другими учреждениями Академии наук. Эта близость способствовала тому, что многие профессора, пользовавшиеся книгами в Библиотеке и экспонатами Кунсткамеры в качестве материалов для своих исследований, все более настойчиво начали высказывать недовольство системой расположения книг в Библиотеке (расставленных так, «дабы красота, которая в Публичной библиотеке требуется, не утратилась»)⁴⁶ и экспонатов в Кунсткамере.⁴⁷ В числе таких лиц, систематически работавших в этих учреждениях и корректировавших с научной точки зрения избранную Шумахером систему, был историограф Академии наук XVIII в. Г. Миллер, профессор Гмелин и Вейтбрехт. В 1732 г. они подадут в Сенат доношение, где сообщают, «что академическое собрание от ведомства тех вещей весьма и во всем выключены», и указывают, что «всяк особливо с охотою старание имел бы, чтобы оные в лутчем порядке, как по искусству всякого порознь возможно, содержаны были».⁴⁸

⁴⁴ J. D a l a m b e r. Cabinet d'histoire naturelle. Encyclopedie ou Dictionnaire raisonne, t. II, 1751, стр. 490.

⁴⁵ Catalogue de ce qu'un voit de plus Remarquable dans la chambre de l'Anatomie Publique de l'Université de la ville de Leide par François Schayl, mis en ordre les Nombres suivans. Leiden, 1741.

⁴⁶ Отчет библиотекаря Шумахера о его путешествии 1721—1722 гг. В кн.: П. П. П е к а р с к и й. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, прилож. II. СПб., 1862, стр. 553.

⁴⁷ М и л л е р, стр. 167.

⁴⁸ Материалы, т. II, 1886, стр. 192.

Доношение возымело свое действие, академики допускаются к изучению коллекций и начинают принимать участие в классификации материалов, составлении каталогов и разработке экспозиций.

С 1738 г., «понеже при библиотеке и кунст-камере книги и натуральные вещи от времени до времени наиболее размножаются», на должность «кунсткамерского помощника» на постоянную работу был «определен» профессор Амман, в обязанности которого входило «воспомоществовать... в истории натуральной сколь возможно».⁴⁹ Это первый штатный «кунсткамерский помощник», на которого были возложены не хозяйственные и технические, а чисто научные обязанности.

Наличие штатного работника не исключало участия других академиков в жизни Кунсткамеры. В каталогизации ее коллекций приняли участие лучшие силы Академии.

Первоначально (1742 г.) был выпущен второй том каталога,⁵⁰ который состоял из трех частей: часть первая (212 страниц) содержала описание «искусно сделанных вещей», или собственно Кунсткамеры; часть вторая (583 стр.) — описание античных монет; часть третья (477 стр.) — описание монет более позднего времени.

Каталог «Искусно сделанных вещей» подразделялся на более мелкие рубрики. Во всех разделах его, за исключением первого (представляющего собой перечень физических инструментов), имелись экспонаты, в большей или меньшей мере характеризующие культуру и быт различных народов мира. Так например, среди экспонатов, занесенных в рубрику «художественных произведений и редких вещей», наряду с портретами и скульптурой описывались «резные изделия и другие произведения из воска, свинца, меди и гипса», — иначе говоря, произведения народного искусства. В «каталоге картин, которые хранятся в Академических зданиях и Кунсткамере», имелись картины, гравюры, миниатюры и рисунки на самую разнообразную, в том числе и бытовую тематику. Однако максимальное количество этнографических предметов было закаталогизировано в разделе под названием «Каталог драгоценных вещей, сделанных из золота и серебра» и «Коллекции скифских, китайских, индийских вещей, а также тех предметов, которые сохраняются будучи достойные изучения и состоят из одежд, оружия, шкур, столовой и всякой посуды и других предметов восточных и северных племен».

Последний раздел каталога, в свою очередь, имеет рубрики: «Одежда» (в которую занесены одежда, обувь, головные уборы и украшения), «Инструменты» (шаманские бубны, утварь), «Идолы, статуи и печати», «Сосуды и столовая посуда» (включавшие также и утварь, главным образом из металла — шкатулки, полированные зеркала, оружие, чернильницы), «Таблицы, картины» (главным образом гравюры), «Ожерелья и украшения», «Столовая и всякая посуда и безделушки» (в числе которых были занесены и мемориальные вещи, связанные с личностью Карла XII), «Разные иностранные вещи» (музыкальные инструменты, сосуды, инструментари различных ремесел, предметы, связанные с погребальными обычаями различных народов, мемориальные предметы, связанные с Персидским походом Петра I, оружие всех народов и т. д.).

В конце печатного текста этого каталога, имевшего, видимо, чисто служебное назначение, на специально вклеенных чистых листах в большинстве разделов имеются рукописные дополнения. Так, например, в интересующем нас этнографическом разделе каталога имеются сле-

⁴⁹ Там же, т. III, стр. 714—715.

⁵⁰ *Musei Imperialis petropolitani*, vol. II. Pt., 1742.

дующие дополнения, внесенные от руки: «Одежда», «Что было включено в Имп. Кунсткамеру уже после завершения каталога 1744 г. относящиеся к описанию северных племен» и «Перечень того, что передал студент Крашенинников в августе 1743 г.»

Как в рукописном, так и в печатном тексте каталога встречаются многочисленные записи и пометки, характеризующие количественные изменения экспонатов и степень их сохранности. Большая часть этих дополнений внесена рукой асессора юстиц-коллегии И. И. Мелиссино, временно прикомандированного в 1742 г. к Кунсткамере.

Кто был автором каталога, документально не известно, и мы можем лишь предполагать, что к работе над ним был привлечен Г. Ф. Миллер, назначенный в 1730 г. профессором истории Академии наук, а в 1733 г. по собственному желанию принявший участие во второй Камчатской экспедиции. Составленная им упоминавшаяся выше инструкция показывает, что для своего времени он был широко эрудирован в области этнографии.

В 1742—1745 гг. был отпечатан первый том того же каталога, первая часть которого содержала описание «естественных предметов из животного царства». Начинался он описанием анатомических коллекций, выполненным профессором физиологии Академии наук И. Вейтберхтом.

Эта часть, в свою очередь, также была подразделена на ряд рубрик (по органам чувств, внутренним органам и частям тела и т. д.).

Одновременно с этим каталогом, носившим деловой служебный характер, было предпринято парадное издание — иллюстрированный путеводитель по Кунсткамере. В 1741 г. он вышел на немецком языке и лишь 3 года спустя увидел свет в русском переводе под названием «Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в ней художественных вещей, сочиненное для охотников, оные вещи смотреть желающих».

К оформлению этого парадного издания были привлечены известные художники и граверы того времени. Автором титульной гравюры, изображавшей покровительницу наук и искусств Минерву на фоне здания Кунсткамеры, был придворный живописец Бартоломей Тарсия; автором таблиц и планов — академический архитектор Яков Шумахер; гравировали же их академические граверы А. Поляков, Х. Вортман, И. Соколов, Г. Качалов и Ф. Маттарнови. Таблица I путеводителя представляет собой план Петербурга 1737 г., II—VIII — разрезы и фасады «академических палат», а IX—XI — музейные залы. Эти планы и таблицы дают нам возможность довольно точно представить себе экспозицию Кунсткамеры 1730—1740 гг.

В архивах сохранились незаконченные зарисовки экспозиции⁵¹ и отдельных экспонатов⁵² Музея. Они были выполнены, по всей вероятности, с натуры и предназначались для тех же «Палат» или для подготавливаемого — уже после их выпуска — более подробного каталога, который, судя по сохранившимся документам, должен был быть богато иллюстрирован. Из рапорта от 10 апреля 1747 г. мы узнаем, что в «грыдировальную палату для вырезания из меди древних курьезных кунсткамерных достопамятных вещей» было передано 67 листов, «рисованных водяными красками»,⁵³ с которых, как сообщает «грыдированного дела

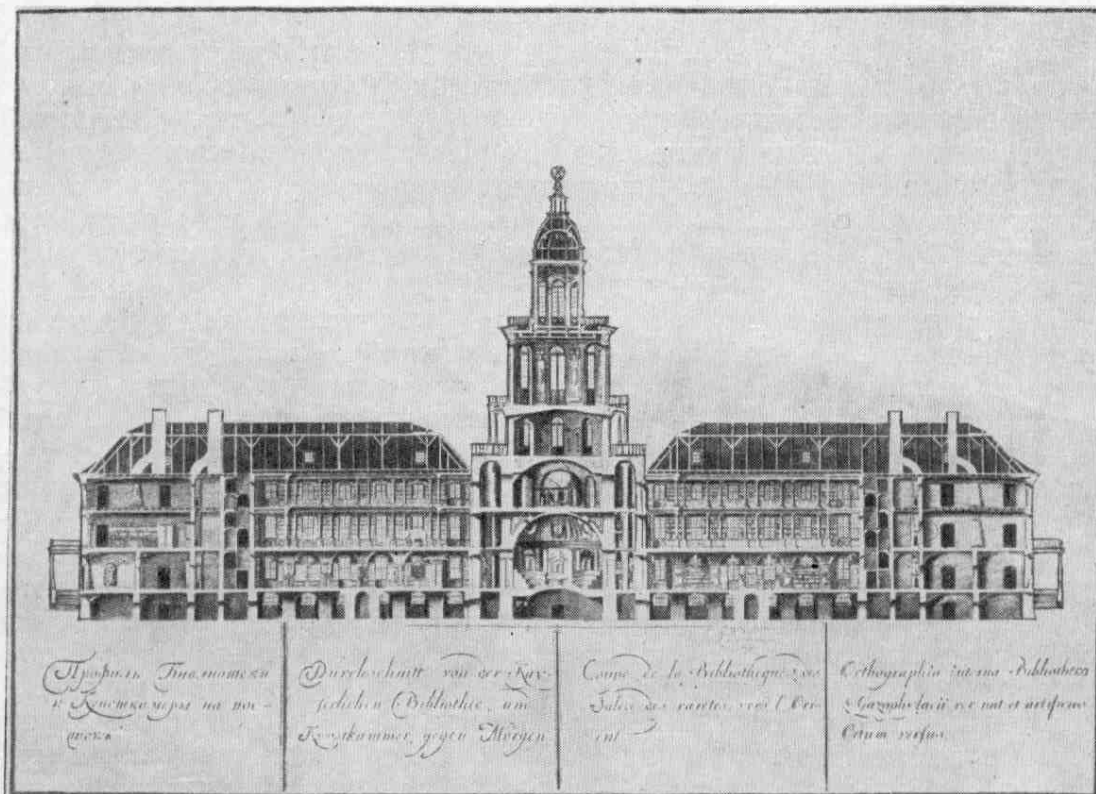
⁵¹ До нас дошло шесть таких зарисовок, исполненных акварелью, которые в настоящее время хранятся в Архиве Гос. музея истории г. Ленинграда (№ 25595/1—6).

⁵² Архив АН, р. IX, оп. 4, №№ 1—107, 108—173, 174—244, 245—327, 328—427; Гос. Русский музей, отдел рисунка, №№ 39783—39855.

⁵³ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 107, л. 205.

мастер Иван Соколов», уже «вырезано им на меди разных курioзных вещей на двадцати шести досках». Для производства пробных отпечатков с этих досок наборщику Ильину была выдана александрийская бумага.⁵⁴

В этом же году была произведена зарисовка «имеющихся в Минц кабинете медалей и денег».⁵⁵ Упомянутые выше доски и пробные оттиски с них, к сожалению, до сих пор нигде не обнаружены, что, однако, несколько восполняется наличием значительного числа акварельных зарисовок.

Разрез здания Кунсткамеры. Гравюра 1741 г. («Палаты Санкт-Петербургской Академии наук», табл. VII).

совок «кунсткамерных редкостей», которые, возможно, и послужили для них оригиналами. В фондах Архива Академии наук СССР и Государственного Русского музея сохранилось свыше 860 рисунков, выполненных в 1732—1739 гг. Андреем Грековым, Михаилом Семеновым, Григорием Качаловым, Петром Ермолаевым, Иваном Соколовым, Андреем Поляковым, Михаилом Махаевым, Григорием Абумовым, Филиппом Маттарнови, Яковом Нечаевым, Иваном Шереметевым, Францом Берном, Иоганном Беркманом, Максимом Рыковым и другими.

Наряду со слабыми, в полном смысле этого слова ученическими рисунками имеется значительный процент мастерски выполненных зарисовок, прекрасно передающих форму и материал изображаемых предметов. Здесь представлены этнографические экспонаты (одежда, украшения, утварь, орудия производства) различных народов мира, математические и физические инструменты, зоологические коллекции, а также

⁵⁴ Материалы, т. VIII, СПб., 1895, стр. 434.

⁵⁵ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 108 (расписка от 22 мая 1747 г.).

анатомические препараты животных и человека. Все они выполнены на отдельных листах «водяными красками» и лишь в редких случаях (№№ 485, 486, 553) снабжены указанием размера или масштабом и названием изображаемого предмета. Чаще всего единственной пометкой на листе является нанесенный чернилами номер по каталогу «*Musei Imperialis Petropolitani*».

Эти рисунки и иллюстрированный путеводитель позволяют почти совершенно точно восстановить структуру Музея, состав его коллекций, размещение и оформление их на экспозиции начала 40-х годов XVIII в.

Структура Музея к этому времени была такова: Кунсткамера с входившим в ее состав физическим кабинетом, Натуркамера с Анатомическим театром, а также Мюнц и Императорский кабинеты. Крупнейшим из отделов как по количеству экспонатов, так и по экспозиционной площади была Натуркамера. Она занимала два больших зала и несколько мелких покоев. В зале 1-го этажа, обозначенном на плане Кунсткамеры буквами «00», размещались анатомические коллекции, а также амфибии, рыбы и насекомые.

В зале имелось 43 шкафа, 19 из них были размещены в простенках между окнами, перенумерованы и заполнены по порядку анатомическими коллекциями. Каждый из шкафов вмещал в себя лишь однородные препараты: шкаф III — «мышцы», шкафы IV и V — «мозги», шкаф VI — «органы чувств», шкафы VIII и IX — «желудок, кишечник и принадлежащие к нему части», шкаф XI — «почки и мочевой пузырь» и т. д. В остальных демонстрировались зоологические коллекции.

Экспонаты были расставлены красивыми группами на полочках с фигурными кронштейнами, которые, судя по изображению, были выполнены из лѣфкаса и позолочены. Шкафы, стоящие между колонн, помимо этого, были украшены профильными портретами, заключенными в круглые медальоны,⁵⁶ и скульптурной фигурой человека, сидящего на троне.

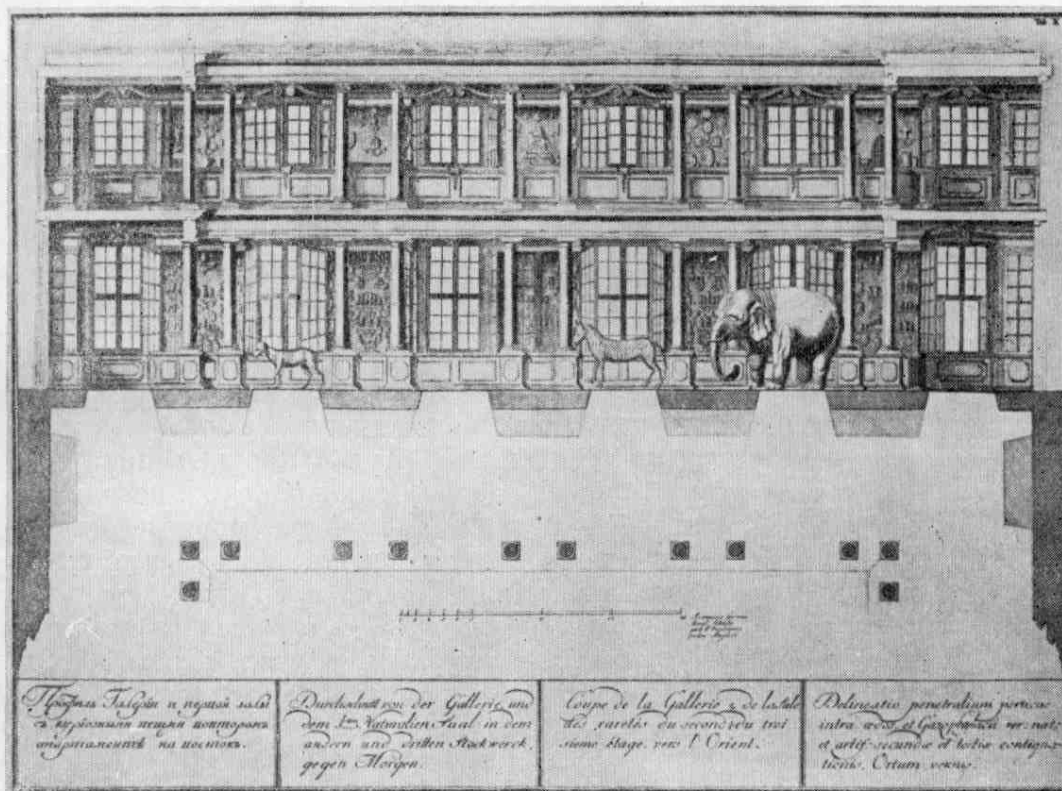
Из описаний приобретенных еще в начале XVIII в. коллекций Рюйша и Себы известно, что коллекция Рюйша была снабжена портретами мудрецов древности, а коллекция Себы в числе экспонатов имела китайский лаковый кабинет со сценой, изображавшей «суд царя Соломона».⁵⁷ При пересмотре всех коллекций перед выставлением их в новом здании обе эти коллекции были приведены в надлежащий вид, систематизированы, а аналогичные препараты объединены в общую группу. Объединились, по-видимому, и украшения, во всяком случае сохранился восседающий на троне царь Соломон. В руках его находился жезл, а из складок ткани балдахина выглядывали два черепа. Любопытно отметить, что сей библейский мудрец считался покровителем музейного дела. Историк музеев, писавший в XVIII в. под псевдонимом Ниескелио, в своей книге «Музеография» с полной серьезностью утверждает, что невольным создателем первой Кунсткамеры мира был прародитель Ной, собравший перед потопом в своем ковчеге «каждой твари по паре», а первым «подлинным» коллекционером, сознательно собиравшим различные редкости, — иудейский царь Соломон, построивший для своей сокровищницы специальное здание. Ниескелио подробно описывает это собрание.⁵⁸

⁵⁶ В 1740 г., по всей вероятности, эти же самые 8 портретов были повторены из свинца. Они были отлиты «свинцовой работы мастеровым человеком Петром Лукошкиным» и вставлены в рамы, выполненные резчиком Тимофеем Михайловым (Материалы, т. IV, стр. 174, 439 и 494).

⁵⁷ П. П. Пекарский, ук. соч., стр. 520—521.

⁵⁸ *Museographia*, ч. III, стр. 10.

Однако, судя по имеющимся материалам, стремление к украшательству не было характерно для новой экспозиции Кунсткамеры, так как все остальные шкафы, видимые на рисунке, заполнены сосудами, расставленными в сугубо систематическом порядке. Единственными красочными пятнами, встречающимися здесь, были крышечки, надеваемые поверх горла сосудов, обтянутых пузырем. По сохранившимся рисункам можно установить, что они окрашивались в разные цвета и иногда

Экспозиция Кунсткамеры. Гравюра 1741 г. («Палаты Санкт-Петербургской Академии наук», табл. X).

покрывались орнаментом.⁵⁹ Предметы с крышечками, украшенными кораллами, раковинами и красивыми минералами, в фондах Кунсткамеры сохранялись,⁶⁰ но на новой экспозиции представлены не были.

Продолжением этого зала служила ротонда, через которую нужно было проходить, чтобы попасть в Анатомический театр, где были выставлены коллекции по сравнительной анатомии. В самом же Анатомическом театре в 12 шкафах были расставлены различные анатомические препараты, здесь же приготовленные.

Коллекции «искусством сделанных вещей», т. е. собственно Кунсткамеры, были размещены в камерах VV, ДД и СС, о которых нам известно только то, что они вмещали «курьезы и другие драгоценности из золота, серебра и драгоценных камней», а также «собрание отечественных и иноземных предметов искусства и курьезитетов». Основная масса предметов этого отдела была сосредоточена на галерее. Табл. X в «Палатах Санктпетербургской императорской Академии наук» воспроизводит часть экспозиций, расположенных в галерее.

⁵⁹ Архив АН, р. IX, оп. 4, №№ 713, 717, 718, 720 и др.

⁶⁰ Там же, №№ 590, 591, 715, 720 и др.

Существенную помощь в раскрытии этой композиции также оказывает хранящийся в Музее архитектуры г. Ленинграда чертеж, изображающий крупным планом два шкафа этого отдела.⁶¹

Всего на «галдырейке» было 22 шкафа, в шести из них размещалась выставка одежды, в двух шкафах экспонировалась одежда народностей, живущих «в Сибири и других провинциях Российского государства», в одном — одежда зарубежных народностей, а в трех остальных хранились «колдовская одежда, ведемские шаманские барабаны и идолы языческих народностей России». В каждом шкафу имелись дополнительные градации и размещалось, в зависимости от размера, от 20 до 50 предметов.

Остальные витрины были заняты «различными портретами и фигурами из воска» (3 шкафа), «китайскими идолами», «различными сосудами, предметами роскоши и другими вещами азиатских народностей», «различными древностями» и «резными и выточенными на токарном станке предметами из дерева, камня и слоновой кости». Изобилие последних легко объяснить личной заинтересованностью Петра I, который, как известно, сам увлекался токарными работами. На сохранившемся чертеже легко можно рассмотреть различные бокалы, сосуды и шары, выточенные, по всей вероятности, из слоновой кости. Все они, так же как и экспонаты в других шкафах, были расставлены в строго симметричном порядке на фигурных лепных полочках и кронштейнах.

Экспозиция этого отдела, посвященная народностям, населяющим Россию, освещала культуру и быт русских, марийцев, мордвы, чувашей, татар, калмыков, бурят, монголов, эвенков, «лапландцев», ненцев, хантов, «камчадалов», якутов, эвенов, коряков, юкагиров, нагайцев и других. Имеющиеся на выставке «различные и странные вещи» характеризовали культуру китайцев, японцев, «бухарцев», персов, турок, а в ряде случаев одежду и художественные ремесла народов Южной Америки (Аргентина) и Западной Европы (Финляндия, Швеция, Дания и Франция).

Таким образом, к 40-м годам XVIII в. в Кунсткамере имелись экспонаты, собранные во всех частях света, за исключением Австралии. Такого обширного и разностороннего этнографического собрания не было в середине XVIII в. ни в одном из музеев Европы.⁶²

Разделение Музея на ряд отделов, строгая система расположения внутри каждого из них — все это выгодно отличало экспозицию петербургской Кунсткамеры от экспозиций западноевропейских музеев, так метко охарактеризованных Даламбером.

В 30—40-е годы XVIII в. большая часть этих музеев еще продолжала оставаться на стадии «собираательства» и в их экспозициях продолжал царить беспорядок. Известно, например, что Королевский кабинет в Париже, который Даламбер считал лучшим музеем Европы, начал превращаться из собрания раритетов в подлинно научное учреждение лишь в конце 40-х годов XVIII в. Эта перестройка была осуществлена крупными естествоиспытателями XVIII в. — Бюффеном и упомянутым выше Дебантоном. Начало подобной же перестройки в петербургской Кунсткамере относится к значительно более раннему времени — к моменту размещения ее в новом здании, т. е. к 1728 г.

Осуществление перестройки стало возможным лишь благодаря помощи ученых Академии наук, проводивших большую работу по системати-

⁶¹ Архив Гос. музея истории г. Ленинграда, № 25595/3.

⁶² Л. Штернберг. Музей антропологии и этнографии. Человек и природа, 1925, сентябрь, стр. 48.

зации поступивших коллекций, каталогизации их, устройству экспозиции. Кунсткамера Петербургской Академии наук постепенно становится действительно научным учреждением. Коллекции ее служат материалом, на базе которого создаются научные работы.⁶³

Бесспорно, данью времени в экспозиции Кунсткамеры было многое такое, что не только не помогало, но и зачастую затрудняло научную работу над материалами музея. Однако здесь наблюдается сравнительно меньшая, чем в западноевропейских музеях, перегрузка вещевым и декоративным материалом; декоративные элементы, не связанные непосредственно с экспозицией, как правило, отсутствовали. Судя по имеющимся изображениям, оформление Музея было более или менее единообразным, выдержанным в одном стиле.

Все эти данные позволяют утверждать, что Кунсткамера Петербургской Академии наук за неполные тридцать лет своего существования завоевала — как по составу своих коллекций, так и по классификации и экспозиции их — исключительное место среди музеев Европы. Сравнительно высокий научный уровень Музея объяснялся принадлежностью его Академии наук, тесной связью с активно развивающейся русской наукой и культурой. Обширная и разнообразная экспозиция Кунсткамеры, а в особенности анатомический и этнографический разделы ее, привлекали внимание широких слоев населения русского общества и в свою очередь способствовали развитию науки и просвещения в России.

Глава II

МУЗЕЙ НА СТЫКЕ ДВУХ ВЕКОВ (1750—1836 гг.)

Жизнь любого музея находится в зависимости от основных общественных явлений времени и в какой-то мере отражает их. Вторая половина XVIII и первая треть XIX в. были особенно благоприятны для становления и развития этнографии. Включение в Российскую империю ряда новых областей (казахи Младшего и Среднего жузов), расширение связей с восточными соседями (Китай, Япония) естественно пробуждали стремление познакомиться ближе с народами этих областей и стран. Пытливые глаза исследователей проникают все глубже в необъятные просторы родной земли и все больше собирают вещественных памятников жизни народов, ее населяющих.

В стенах Петербургской Академии наук в 50—60-е годы работает корифей русской науки М. В. Ломоносов, выдающиеся ученые — С. П. Крашенинников, П. С. Паллас, И. Г. Гмелин, И. И. Лепехин, С. К. Котельников, Н. Я. Озерецковский, П. А. Загорский и многие другие. Именно в эти годы были написаны «Краткое описание разных путешествий по северным морям» Ломоносова, «Описание земли Камчатки» Крашенинникова, «Путешествие по различным областям Россий-

⁶³ Из них следует отметить: И. Г. Дювернуа. 1) Описание анатомических сосудов млечных. СПб., 1728; 2) О мёху, в котором первопитательный сок отовсюду скопляется и его протоке грудном, в катапарде фока и в слоне устроенном. СПб., 1728; Y. Weitbrecht. Syndesmologia sive Historia Legamontorum corporis Humani. СПб., 1742; С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. СПб., 1756, и др.

ского государства» Палласа и другие труды, содержавшие значительное количество материалов по этнографии и истории народов России. Некоторые из них не утратили своего значения вплоть до наших дней. Все вещественные памятники, собираемые при этих исследованиях, неизменно шли на пополнение Академического музея.

Коллекции с каждым годом возрастали, систематизация, каталогизация и экспозиция их производились крупнейшими учеными. Однако сдвиги, происшедшие в русской науке, получили отражение в экспозиции Музея лишь в 70-х годах XVIII в. Пятого декабря 1747 г. большая часть коллекций погибла из-за пожара в здании Кунсткамеры. Урон, нанесенный огнем, был очень значителен. Сильнее всего от огня пострадала галерея и находившиеся в ней этнографические коллекции: «разные китайские вещи, платье сибирских разных народов, их идолы, и сим подобные вещи», в меньшей мере — «вещи анатомические». Большое количество предметов «от скорого бросания» на снег было повреждено, подмокло и требовало значительного ремонта.

Этнографические коллекции Кунсткамеры были уничтожены полностью. Отдельные сохранившиеся предметы перенесли в арендованный Академией дом, расположенный близ стрелки Васильевского острова, где они и экспонировались вплоть до восстановления музейного здания, законченного к 1766 г.

За период с 1747 по 1766 г. Академия предприняла ряд мер для восстановления погибших коллекций. Списки утерянных предметов были разосланы по губернским канцеляриям в сопровождении указа, требовавшего «прилежное старание прилагать в собирании по приложенному реестру».¹

В ответ на этот указ в 1762 г. из Сибирской губернской канцелярии поступило «остецкое и самоедское платье»,² из Иркутской канцелярии — «различных сибирских народов платье и другие сибирские вещи», в том числе «из Верхотурска тунгусская мужская парка оленья с нагрудником, шапка с рукавами, штаны с унтами; женская парка оленья, шапка с рукавицами, штаны с унтами». С Алеутских островов (?) — «парка из кож птичьих, кои там живут на камне, выкрашена и с нашивными по их манеру кистями и ремешками», «шапка деревянная выкрашена и наставлена зверей морских усами», костяная статуя, «венец с прикрасою», «сумка травяная», ложка костяная с резьбой и другие «вещи из Охотска взятые морского флота шхипером Юрловым в Камчатке от промышленных кои ходят на купецких судах для промысла всякого рода зверей в восточном море».³

Поступали коллекции и сверх реестров, в том числе и коллекции археологические. В 1764 г. генерал-поручик Мельгунов прислал в Кунсткамеру «многие золотые и серебряные древности, вынутые из одной в Новороссийской губернии могилы» — из так называемого «Литого кургана» в верховьях р. Ингула.⁴ Среди них имелась «глиняная без головы статуя» и большое количество золотых и серебряных драгоценностей, описанию которых была посвящена статья Г. Ф. Миллера, опубликованная в «Ежемесячных сочинениях».⁵

¹ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 1, рапорт 469.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Б а к м е й с т е р, стр. 129.

⁵ Г. Ф. М и л л е р. Известия о ученых делах. Ежемесячные сочинения, 1764, стр. 483—515.

Для восполнения коллекций, приобретенных в свое время за границей и погибших во время пожара, также принимались реальные меры. Так, например, в 1753 г. для восстановления китайского собрания было решено отправить специального представителя в Пекин. Это поручение было возложено на академического лекаря Франца Луку Елачича, который в прошении с предложением своих услуг сообщал, что, бывая уже и ранее в Китае, имеет там знакомства, которые и помогут ему «в исцелении тамошних курьезных вещей для Кунсткамеры». ⁶ Весь путь туда и обратно Елачич должен был проделать совместно с русским торговым караваном, направляющимся «до самого столичного города Пекина». Перед отъездом ему были вручены деньги и подробная, состоящая из 16 пунктов инструкция, предписывающая «все в Сибири и Китае достопамятное собрать и оное с собой привезть». Особое внимание предлагалось обратить «на женское целое платье сибирских народов, со всеми к ним уборами, также имеющих у них идолов, ружье, домовую сбрую и прочие сем подобное». ⁷ Часть выданных денег должна была быть истрачена в Москве на приобретение обменного фонда: «ножей всяких сортов, ножниц, игл, булавок, сафьяна, мыла, полотенец, книг и других вещей, кои в Китае курьезными почитаются». Эти вещи по приезде на место предписывалось продать и на собранные средства приобрести для Петербургской Кунсткамеры экспонаты по врученному Елачичу иллюстрированному каталогу на 144 листах. Каталог был составлен из упоминавшихся выше рисунков для подготавливавшегося иллюстрированного путеводителя.

В отчете, поданном 26 июля 1756 г., по возвращении из Китая, Елачич сообщил, что «сибирских народов платье, идолов, ружья и прочее... в Сибири достать было невозможно, за тем, что с дороги по которой караван шел, должно для покупки ехать в стороны по тысяче верст, а что касается до китайского платья оного привезено с излишеством». ⁸

«Реестр китайским и манчжурским книгам и вещам», составленный им, насчитывал 274 номера, из которых 50 составляли книги, а под остальными числились коллекционные предметы. Среди них имелась обувь мужская и женская, головные уборы, одежда, седла, сбруя, трубки, ножи, «четки каменные чиновных людей которые носят в праздник в лаковом ящике», зеркала, чернильницы, «восемь штук фигур библейских животных механических», «различные идолы из кости, фарфора и камня, рисунки и лаковая посуда». ⁹

Помимо поступления от Елачича, китайские коллекции Кунсткамеры в 1754 г. пополнились экспонатами из собрания известного коллекционера, иркутского «товарища губернатора» Ланга, побывавшего в Китае в 1721—1722 гг. ¹⁰ Таким образом, к 1756 г. одна из лакун в этнографических коллекциях Музея — китайские коллекции — была заполнена.

Появление большого количества коллекций, с лихвой восполнявших утраченные, свидетельствовало об оживлении общественных и экономических связей с Китаем. Русские давно были знакомы с китайскими товарами и охотно покупали их — первоначально через купцов Средней Азии, а затем непосредственно. Начиная с XVII в., в связи с установлением официальных сношений с этой страной, приток китайских товаров особенно усилился. ¹¹ Декоративное оформление китайских тканей, фар-

⁶ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 808, лл. 5, 13—13 об.

⁷ Там же, л. 14 (инструкция от 5 апреля 1753 г.), №№ 76—81, 86 и др.

⁸ Там же, № 808, л. 110 об.

⁹ Там же, лл. 92, 140 об., 171.

¹⁰ Б а к м е й с т е р, стр. 128.

¹¹ Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Днепрпетровск, 1929, стр. 11.

фора и других художественно-промышленных изделий, резко отличное от отечественных и европейских, привлекало внимание ученых и будило желание ближе познакомиться с культурой и бытом страны.

Капитальные работы по восстановлению здания Библиотеки и Кунсткамеры производились по оригинальному проекту Саввы Чевакинского. К работе по внешней и внутренней отделке были привлечены «обретающиеся при Академии художники» и «лучшие искуснейшие мастера»; резчики, токари и лепщики — В. Григорьев, К. Васильев, Н. Радионов и А. Баженов — работали над скульптурным оформлением фасада; Г. Партьер выполнил украшения на сводах Мюнц-кабинета Кунсткамеры. Фасад здания украсил барельеф, символизирующий науки и искусства, внутренняя отделка должна была иметь соответствие с коллекциями, которые в данном помещении предполагалось выставить. В прихотливые извивы растительных побегов, украшающих потолок Мюнц-кабинета, вплетались монеты и медали; потолок минералогического кабинета украсили различные раковины.

Параллельно велись работы по росписи потолков и стен здания. Большая часть их была исполнена художником Н. Любецким, работавшим в течение ряда лет при Кунсткамере.¹²

В различных местах здания, главным образом над дверьми, были вмонтированы портретные и аллегорические барельефы (из которых до нашего времени сохранился лишь барельефный портрет Л. Эйлера работы М. Павлова) и композиции «Празднующая Европа» и «Торжествующая Россия» работы неизвестных мастеров, а также барельефы, символизирующие науки, работы Ф. Розэ.

Все залы Кунсткамеры получили новую дубовую мебель «самой чистой работы», которая «в отвращение всякой пыли и сырости» была снабжена двойными остекленными дверцами. Простенки и столбы залов обивались дубовыми панелями. Для расстановки экспонатов внутри шкафов применялись фигурные кронштейны, расписанные подмастерьем Максимом Рыковым в различные цвета «водяными красками». Внутренняя поверхность самих шкафов также была окрашена краской белого и розового цвета.¹³

Ремонтные работы производились под руководством сопровителя Шумахера, а после смерти его (1761 г.) — полновластного распорядителя академическим хозяйством И. И. Тауберта. Тауберт умышленно тормозил и затягивал ремонт, из которого извлекал громадные материальные выгоды.¹⁴

Во вновь отделанном здании экспозицию по-прежнему предполагалось развернуть в шкафах, используя для фона различные светлые оттенки, которые преобладают в музейном деле и по наши дни. В 1766 г. коллекции были перенесены и размещены в новых, изящно отделанных шкафах, расставленных по тому же плану, что и до пожара.

Экспозиция 1766 г., однако, производила далеко не то же впечатление. Помимо того, что к этому времени не все коллекции, уничтоженные огнем, были восстановлены, сказалось и то, что ученые не работали в Музее последние годы.

Стройная, научно обоснованная система, лежавшая в основе музейной экспозиции Кунсткамеры до пожара, нарушилась, и в ней воцарился

¹² Росписи, выполненные Н. Любецким, не сохранились.

¹³ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 766, лл. 15, 27, 30—30 об., 86, 99—99 об., 123, 124, 146 и др.

¹⁴ И. Г. С п а с с к и й. Очерки по истории русской нумизматики. Нумизматический сборник, Труды Гос. исторического музея, ч. I, вып. 25, М., 1955, стр. 72.

беспорядок. Осматривавший в 1767 г. Кунсткамеру проф. Гмелин в своем рапорте писал: «Весьма сожалею, что такой кабинет, который может быть больше стал нежели все знатные вещи на свете, поныне от неразумного смотра в такое худое состояние пришел, что едва оный исправить возможно будет».¹⁵

В связи с этим Канцелярия, учрежденная при Академии наук взамен существовавшей до этого времени Конференции, 9 августа 1767 г. постановила: «Из кунсткамерских вещей все, что до животного царства принадлежит, включая анатомические, препоручить г-ну профессору Палласу, так чтобы расположение оных каким образом в лучшей порядок привести и сохранить прямо и единственно от него зависело; те же люди, которые при тех вещах находятся должны непосредственно от него зависеть поелику принадлежат к тому делу, притом должен он принимать вещи по каталогу находящемуся в библиотеке слича оный с тем, который у себя будет хранить и другой, который ему придется из комиссии. . . На том же основании анатомические вещи препоручить г-ну Вольфу, а травы г-ну Гмелину»;¹⁶ «порядочное содержание разного звания моделей, математических и прочих инструментов, китайского, камчадалского и прочих разных народов платья и других достопамятных и курьезных вещей»,¹⁷ — т. е. собственно Кунсткамеры, — поручалось помощнику библиотекаря Осипу Петрову. В этой должности он проработал недолгий срок и был заменен студентом А. Сумароковым,¹⁸ а впоследствии И. Бакмейстером, которые несли те же обязанности.

Помимо этих основных работников, при Кунсткамере и Библиотеке имелся штат истопников, сторожей и 12 караульных солдат.¹⁹

Научные руководители отделов Музея оказались избраны весьма удачно. Каждый из них показал себя крупным специалистом в своей области. Возглавивший анатомический отдел Музея К. Ф. Вольф был талантливым эмбриологом. Он изучал анатомию уродов, собранных в значительном количестве в Кунсткамере, и проявил особый интерес к исследованию мышц сердца. Результаты его исследований изложены в работе «О расположении мышечных волокон сердца», опубликованной в периодических изданиях Академии наук — «Актах» и «Новых актах» — за 1780—1794 гг. Его же перу принадлежало значительное число трудов по механизму наследственности и постоянству видов, в которых он излагал оригинальные теории, явившиеся, как указывает Энгельс, «гениальным предвосхищением», которое было победоносно проведено в науку «ровно сто лет спустя, в 1859 г. Дарвином».²⁰

Академик П. С. Паллас (1741—1811) большую часть своей жизни посвятил изучению природы и культуры России. Результаты его кипучей экспедиционной и исследовательской деятельности были изложены в многочисленных научных трудах,²¹ давших очень много нового мировой науке, в частности этнографии.

В первые десятилетия своего существования Кунсткамера определенного бюджета не имела, а получала средства эпизодически из общеакадемической кассы. По Сенатскому указу 30 июля 1747 г. бюджет Академии наук увеличивался на 28 386 рублей, причем специально ого-

¹⁵ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 309, л. 244—244 об.

¹⁶ Там же, № 307, л. 90—90 об.

¹⁷ Там же, № 302, л. 280.

¹⁸ Там же, л. 282.

¹⁹ Там же, № 303, л. 175.

²⁰ Ф. Э н г е л ь с. Диалектика природы. М., 1952, стр. 11.

²¹ Список сочинений П. С. Палласа. ЖМНП, 1895, апрель, стр. 400—437.

варивалось, что эта дополнительная сумма должна расходоваться исключительно на «содержание академических художников и на распространение. . . Библиотеки и Кунсткамеры».²² Чему равнялись расходы на ежегодное содержание двух последних учреждений, по имеющимся материалам сказать трудно. Известно только, что в 1758 г. были, наконец, выделены особые суммы «на приумножение Библиотеки и Кунсткамеры». Распоряжение Академической канцелярии по этому поводу предписывало выдавать ежегодно: «от комиссарства по 500, из кунсткамерских доходов по 2000 (рублей, — Т. С.) на год».²³

Средства эти тратились на приобретение русских и иноземных собраний. Однако громадный процент отечественных коллекций поступал из губернских канцелярий, от частных лиц и различных экспедиций совершенно безвозмездно.

С 1765 г. Академия наук начинает работу по организации сбора материала, «который мог бы служить впредь к физическому описанию Российской империи».²⁴ Видное место в этом важнейшем для развития производственных сил страны предприятии отводилось Кунсткамере. Она должна была принимать, систематизировать поступающие коллекции и производить их научную обработку. По ходатайству Академии был издан правительственный указ, предписывающий всем губернским канцеляриям собирать и доставлять в Музей птиц, зверей, «гадов», насекомых, семена «всяким лесным, степным и водным плантам и растениям» и другие «куриозные натуральные вещи».²⁵

Во второй половине XVIII в. Академия наук взяла на себя задачу составить физико-топографическое описание России. Организованные с этой целью экспедиции работали с 1768 по 1774 г. и, как указывает акад. Ф. И. Рупрехт, «навсегда остались блестящими памятниками деятельности Академии».²⁶ Эти экспедиции получили наименование «физических»; ими были обследованы громадные пространства от западных границ Российской империи (Белоруссия, Молдавия, Бессарабия) до крайнего северо-востока Сибири (Байкал) и от Северного Ледовитого океана до южного побережья Каспийского моря; частично охвачены Персия, Кавказ и мало обследованные степные просторы юга России. «Грандиозный план исследований, широта размаха и удачный подбор руководителей, — указывает акад. Л. С. Берг, — до сих пор вызывают у нас изумление».²⁷ Эти экспедиции по существу открыли Россию ученому миру и способствовали распространению правильных данных о ней за рубежом. Они собрали и увековечили в своих трудах для потомства множество фактов по этнографии, археологии, ботанике, зоологии и географии — фактов, используемых учеными самых разных специальностей вплоть до наших дней.

Подводя итоги научным результатам этих экспедиций, будущий академик и директор Кунсткамеры, а тогда еще начинающий ученый Н. Я. Озерецковский в своей речи, произнесенной на заседании Конференции Академии наук (1779 г.), говорил, что в результате их стали «нам известны отдаленнейшие Российской империи страны, какова, на-

²² Материалы, т. VIII, стр. 522.

²³ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 303, л. 74.

²⁴ Там же, оп. 8, № 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Ф. И. Рупрехт. Материалы для истории Академии наук по части ботаники. Записки имп. Акад. наук, т. VII, № 3, СПб., 1865, Приложение, стр. 9.

²⁷ Л. С. Берг. Роль Академии наук в истории географических открытий. Природа, 1925, № 7—9, стр. 148.

пример, Камчатка; что теперь мы знаем, как живет башкирец, остяк, самоед, лопарь; что имеем истинное описание их нравов, их вер, их обряды». «Производившие эти обследования академики, — продолжает он, — описали не только внутренние российские промыслы, но еще все внешние торговли с азиатскими народами производимые. Ими во всех трех натур царствах многие очень важные сделаны откровения».²⁸

В разработке планов и маршрутов отрядов «физических экспедиций» активное участие принимал акад. П. С. Паллас, возглавлявший первую Оренбургскую физическую экспедицию.²⁹ В состав отряда входил Николай Дмитриев — художник, работавший при Кунсткамере в качестве чучельщика, «кунсткамерский помощник» Павел Шумский³⁰ и в качестве практикантов учащиеся Академической гимназии.

С 1769 г. в Кунсткамеру из экспедиций начинают прибывать различные экспонаты. Количество их было настолько велико, что ведавший Кунсткамерой в эти годы (1771—1797 гг.) С. К. Котельников производит перепланировку внутри здания и отводит специальный зал для экспонирования поступавших коллекций.

С. К. Котельников был крупным ученым. Его мировоззрение сложилось под непосредственным влиянием корифея русской науки — М. В. Ломоносова, совместно с которым он проработал много лет. Специальностью Котельникова была математика. Его оригинальные исследования получили высокую оценку современников.³¹ По своим склонностям, однако, Котельников был прежде всего педагогом и популяризатором научных знаний. Эти качества в сочетании с прекрасными административными способностями делали его незаменимым на посту руководителя Музея.

Энергичная деятельность Котельникова охватила все стороны музейного дела — от научного руководства до различных хозяйственных мелочей. За время его работы улучшились хранение и консервация экспонатов, научная документация коллекций, показ их.

С. К. Котельников.

²⁸ Архив АН, ф. 5, оп. 1, № 3, л. 25 об. — Н. Я. Озерцовский участвовал в одном из отрядов экспедиции в качестве практиканта.

²⁹ План и маршрут экспедиции были опубликованы в «Прибавлении» к «Московским ведомостям» от 24 июля 1769 г. под названием «Начертание пути на нынешнее лето первой Оренбургской экспедиции, расположенного господином Академиком Палласом, то же, другой Оренбургской экспедиции под предводительством г. адъютанта и доктора Лепехина; то же, Астраханских экспедиций под предводительством г. академика Гмелина и адъютанта и доктора Гильденштедта». См. также: Архив АН, ф. 21, оп. 5, № 82.

³⁰ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 317, л. 57.

³¹ А. П. Юшкевич. Эйлер и русская математика в XVIII веке. Труды Института естествознания, т. III, М.—Л., 1949.

Вернувшиеся в 1774 г. из экспедиции академики Паллас и Лепехин получили предписание «помянутые вещи, кои из них, так и из других экспедиций присланные обще с академиком Лаксманом разобрав как надлежит сделали оным подробную опись и представить оную в комиссию». ³² Такие описи были сделаны и легли в основу печатного каталога, перечислявшего все поступления из «физических экспедиций». ³³ Для нумерации экспонатов в Кунсткамере пользовались специальными номерами, отпечатанными в академической типографии. ³⁴ Такие наклейки с римскими и арабскими цифрами, обозначающими разряд и номер, сохранились и по сей день на различных экспонатах, принадлежавших некогда Кунсткамере, а ныне хранящихся в различных музеях Ленинграда и Москвы. В типографии также печатались различные этикетки, на которых обозначалось «сколь возможно на русском и французском языках то, что та вещь представляет». ³⁵

Большую работу по Кунсткамере несли помощники Котельникова — С. Бухвостов и унтер-библиотекарь И. Бакмейстер, а также научные консультанты.

Особенно много по разбору и систематизации коллекций сделал акад. Паллас. Наряду с обработкой музейных коллекций он подготовил и издал собранные в экспедиции и содержащие большое количество сведений по этнографии материалы под названием «Путешествие по разным провинциям Российской Империи». Многие предметы из его коллекций дошли до наших дней. В Музее антропологии и этнографии АН СССР, например, сохранилась собранная Палласом в Поволжье ³⁶ коллекция предметов одежды и украшений марийцев, мордвы, чувашей и башкир, ³⁷ а также любопытное собрание монгольских и калмыцких бурханов и других предметов, связанных с культом тибетского и других народов Востока, насчитывающее более 100 номеров. Эта коллекция была приобретена Палласом в 1770 г. у яицких казаков, с тем чтобы помочь разобратся «ученым людям к объяснению митологических (мифологических, — Т. С.) древностей и религии Далай Ламы». ³⁸

Академия наук, деятельность которой в ряде случаев была неразрывно связана с хранилищем музейных коллекций — Кунсткамерой — и в известной мере зависела от качества работы этого учреждения, начинает (конечно, не без стараний Котельникова) обращать большее внимание на работу Музея. Красноречивым подтверждением этого явился тот факт, что в 1778 г. состоялось награждение трех сотрудников Академии золотыми медалями за успешную работу в Кунсткамере. Первая из них — «за приложенные им труды, тщание и искусство в порядке к установлению натуральных вещей в Кунсткамере» — была вручена акад. Палласу, ³⁹ вторая — «за музейную работу» — акад. Лаксману, а третья — «за сочинение описания библиотеки (а также и Кунсткамеры, — Т. С.), коего у нас не доставало и которое всегда было нужно и которого не всякий мог сделать», ⁴⁰ — унтер-библиотекарю Бакмейстеру.

³² Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 1 (документы от 7 и 10 октября 1774 г.).

³³ Там же, оп. 1, № 348, л. 67; оп. 8, № 65, л. 1.

³⁴ Там же, оп. 8, № 41, л. 35.

³⁵ Там же, № 2, л. 1.

³⁶ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 766.

³⁷ Описание коллекции см.: Т. А. Крюкова. Коллекция С. П. Палласа по народам Поволжья. Сб. МАЭ, т. XII, М.—Л., 1949, стр. 139—160.

³⁸ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 326, л. 339.

³⁹ Там же, оп. 8, №№ 1, 3, 36, лл. 1, 2.

⁴⁰ Там же, № 36.

Как уже упоминалось выше, в 40-х годах XVIII в. был составлен и издан подробный каталог Кунсткамеры (*Musei Imperialis Petropolitani*) и краткий путеводитель по залам ее («Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук»), однако в результате пожара 1747 г., — а также потому, что были приобретены новые многочисленные коллекции, — размещение, состав и объем коллекций Музея к 70-м годам настолько изменились, что ощущалась насущная потребность в новом каталоге-путеводителе, каковой и был поручен унтер-библиотекарию Иоганну Бакмейстеру. В 1776 г. путеводитель был опубликован на французском языке и лишь 3 года спустя издан по-русски в переводе Василия Костыгова.⁴¹ Эта небольшая книга является ценным источником, так как в ней чрезвычайно добросовестно собран довольно значительный материал. Она состоит из введения, содержащего общие, ныне совершенно устаревшие сведения по истории русской культуры и письменности, и двух глав. Первая глава знакомит с историей создания и составом Академической библиотеки (72 страницы в восьмую листа), а вторая (84 страницы) — с историей Кунсткамеры. Кратко и последовательно автор перечисляет не только основные поступления в Кунсткамеру с момента ее создания вплоть до 1775 г., но в ряде случаев указывает также источники этих поступлений, сообщает гипотезы того времени и даже подводит некоторые научные итоги, как например при описании истории находки Мельгуновым упомянутой выше статуи и драгоценностей из захоронения близ Днепра.⁴² В ряде случаев в путеводителе даются ссылки на современную литературу,⁴³ а кое-где приводятся краткие исторические справки. Так, например, характеристике нумизматического собрания Кунсткамеры предпосылается справка о времени появления монет на Руси, видах их и районах распространения.⁴⁴ Однако составитель пользовался, видимо, не всегда проверенными данными, как это случилось при описании собрания Рюйша. Тем не менее описание коллекций составлено очень добросовестно и подробно. Выполнить такую работу мог лишь человек, очень хорошо знакомый с экспозицией, каким, по всей вероятности, и являлся Бакмейстер, руководивший работой технических сотрудников Кунсткамеры и осуществлявший их связь с научными консультантами.

Состав и размещение музейных коллекций в середине 70-х годов XVIII в., насколько можно проследить по путеводителю Бакмейстера, остались в Кунсткамере прежними, хотя коллекции обновились и дополнились настолько существенно, что позволили Бакмейстеру с полным основанием писать, «что в нашем хранилище находится не только все, что в иностранных Кунсткамерах между редчайшими и достопамятнейшими почитается вещами, но и такие вещи, которых нигде не обретаются».⁴⁵ Это утверждение было совершенно справедливо.

В 70-е годы Кунсткамера располагала уникальными коллекциями по естественной истории и по этнографии. Последние размещались по-прежнему на галерее Кунсткамеры и были пополнены «одеждой и другими вещами» — китайскими, персидскими, мордовскими, «самоед-

⁴¹ Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Академии наук. СПб., 1779.

⁴² Бакмейстер, стр. 130.

⁴³ Там же, стр. 156.

⁴⁴ Там же, стр. 186.

⁴⁵ Там же, стр. 140.

скими», «остяжскими», киргизскими, «буратскими», «тунгузскими», «якутскими», «ламутскими», «татарскими», «чукскими», «камчадалскими», «курильскими» и «алеутскими».⁴⁶

В начале 1780 г. скульптор И. Павлов получил распоряжение Котельникова, предписывающее ему «для великолепия Кунсткамеры» срочно изготовить «для разного курioзного платья Азиатского несколько манекенов с натуральными к тому платью лицами и прочим прибором».⁴⁷ Павлов выполнил и установил 13 таких фигур, в числе которых имелись китаец и китайка, японец, алеут, остяк (хант), самоед (ненец), киргиз, тунгус (эвенк) и фигуры шамана и шаманки не известной нам народности.⁴⁸ Первые 8 манекенов были сделаны из холста и войлока, имели стеклянные глаза, на голове волосы, а лица и руки их были отлиты из воска. Фигуры шамана и шаманки были вырезаны из дерева.⁴⁹

Использование манекенов позволяло зрителю не только лучше рассмотреть все особенности костюма той или иной народности, но и давало известное представление об ее антропологическом типе.

Богатая и занимательная экспозиция Музея привлекала большое количество посетителей, которые, как указывают современники, скапливались в залах толпами. Количество желающих осмотреть Кунсткамеру значительно превосходило ее пропускную способность, в связи с чем Академия решила ввести для входа в Музей специальные билеты, которые можно было получить в ее конторе. Билеты печатались в академической типографии и раздавались бесплатно, но предоставляли возможность регулировать количество и классовый состав посетителей. В специальном извещении публике было объявлено, что Кунсткамера будет открыта 2 раза в неделю (по вторникам и четвергам) с 9 до 11 часов до полудня и с 2 до 6 после него. «Чтобы установить порядок и дать возможность рассмотреть вещи с достойным вниманием», одновременно в Музей будет впускаться по билетам не более 50 человек.⁵⁰ Это правило для впуска в Музей сохранилось вплоть до начала XIX в. и неоднократно публиковалось в «Ведомостях».

Просветительное значение Кунсткамеры, учитывая ограниченное количество общественных культурно-просветительных учреждений в то время, трудно переоценить.

Интерес, вызываемый Кунсткамерой, и рост ее популярности подтверждается также тем, что упоминания и описания Музея имеются в значительном количестве отечественных и иноземных мемуаров того времени. Один из образованнейших людей эпохи, С. А. Порошин, излагает в своих записках мнение о происшедшем в ней пожаре и описывает ряд демонстрируемых там экспонатов;⁵¹ тульский мещанин оружейник Абрам Булыгин указывает, что видел «разные вещи», выставленные для обозрения,⁵² а член Берлинской Академии наук И. Бернули,⁵³ английский

⁴⁶ Там же, стр. 136, 137.

⁴⁷ Архив АН, ф. 142, оп. 1, № 146.

⁴⁸ Там же, ф. 3, оп. 8, № 30, л. 2. — См. также: О. П. Беляев. Кабинет Петра Великого, ч. I. Изд. 2-е, СПб., 1800, стр. 159, 160, 178, 182, 185, 188, 191, 195, 198, 200.

⁴⁹ Архив АН, ф. 142, оп. 1, № 146, лл. 1—2 об.; ф. 3, оп. 8, № 42, лл. 28, 31 и др.

⁵⁰ Там же, ф. 3, оп. 8, № 3.

⁵¹ С. А. Порошин. Записки. СПб., 1881, стр. 114 и 238.

⁵² История города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и об работах. 1797, стр. 13.

⁵³ I. Bernulli. Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preusser, Curland, Russland und Pohlen (1777—1778), Leipzig. 1780, стр. 2.

историк В. Кокс⁵⁴ и французские путешественники,⁵⁵ посетившие Россию в 70—90-х годах XVIII в., дают подробное описание всех выставленных в Музее коллекций.

Сведения о пополнении Кунсткамеры систематически публиковались в «Санктпетербургских Ведомостях», а описание истории создания и коллекций ее было помещено в популярнейшей книге для чтения XVIII в. — «Письмовнике». Эта книга, не имевшая ничего общего со своим названием в позднейшем его значении, представляла собой сборник статей и рассказов на самые разнообразные темы. Автором и составителем ее был Н. Г. Курганов, талантливый математик и педагог. Выпущенный им сборник вышел впервые в 1777 г. и до 1837 г. выдержал 10 изданий. Книгу эту можно было встретить буквально в каждой семейной библиотеке XVIII—начала XIX в. «Чтение „Письмовника“, — говорит А. С. Пушкин устами одного из своих героев, — долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые, незамеченные красоты».⁵⁶ Имелась в «Письмовнике» и глава, посвященная Кунсткамере. Н. Г. Курганов излагает историю создания ее и подробно описывает музейную экспозицию.⁵⁷

Популярность Кунсткамеры среди ученых характеризуется значительным количеством научных работ по анатомии, этнографии и другим дисциплинам, для которых Музей представлял соответствующую базу. Эти работы публиковались отдельными изданиями (например «Синдезмология» Вейтбрехта) и в периодических сборниках Академии наук.

Таким образом, к 80-м годам XVIII в. Кунсткамера завоевала прочное место в системе научных и научно-просветительных учреждений страны. Коллекции ее за 30 лет, прошедших после пожара, значительно превысили прежний уровень.

Ученые, много сделавшие для сбора коллекций Музея, принимали также непосредственное участие и в создании его экспозиций. Это обстоятельство способствовало тому, что экспозиция Кунсткамеры Петербургской Академии наук приобрела научный характер в отличие от экспозиций большинства западноевропейских музеев того времени.

По мере приближения к XIX в. изменяется характер деятельности Академии наук. Если в начале XVIII в. она являлась единственным крупным научным учреждением страны, то теперь, в связи с возникновением значительного количества научных обществ и учебных заведений, взявших на себя функции разработки отдельных отраслей наук и воспитания юношества, роль Академии несколько снижается. Это, бесспорно, не могло не отразиться и на музейных поступлениях конца XVIII в. Теперь основная масса их прибывала из внеакадемических источников. Коллекции поступали главным образом из экспедиций других ведомств и от отдельных собирателей. Из числа работников Академии активность по-прежнему проявляли члены-корреспонденты. Проживая в самых различных пунктах нашего обширного государства и вне его и находясь в постоянной переписке с Академией наук, они снабжали ее экспонатами, большая часть которых передавалась в Кунсткамеру.

⁵⁴ W. C o x e. Voyage en Polagne, Russie, Suède, Dannemarc, p. II, 1786, стр. 352—385.

⁵⁵ Voyage de deux Erancais dans le nord de L'Europe, t. III. Paris, 1796, стр. 205, 206, 214, 216.

⁵⁶ А. С. П у ш к и н. История села Горюхина. Соч., Л., 1936, стр. 511.

⁵⁷ Н. К у р г а н о в. Письмовник, содержащий в себе науку Российского языка со многими присовокуплениями разного учебного и полезно-забавного вещесловия, СПб., 1809, стр. 201—208.

Опубликованные к тому времени труды «физических экспедиций» и коллекции, выставленные для обозрения, вызвали широкий интерес к изучению культуры отечества, а также к собирательству и способствовали дальнейшему сбору вещественных материалов. Материалы жертвовали и продавали люди самых различных профессий: ученые и ремесленники, инженеры и миссионеры, военные и мореплаватели, чиновники и геодезисты.

Интерес к народам, населяющим Камчатку, Курильские и Алеутские острова, а также западную оконечность Северной Америки, возник в нашей стране во второй половине XVIII в., в связи с освоением этих недавно открытых областей. Ряд коллекционных предметов с Курильских и Алеутских островов имелся в Кунсткамере и раньше, в 30-е годы XVIII в., однако крупные коллекции стали поступать лишь в конце XVIII—начале XIX в. Они прибывали от геодезистов, купцов, промышленников, но чаще всего присылались местными административными учреждениями, действовавшими как по специальным правительственным инструкциям, так и самостоятельно. В одной из сохранившихся инструкций того времени (1772 г.), предназначенной для иркутского губернатора, в числе распоряжений военного и административного характера, касающихся Курильских островов, мы находим и предписание вести «наблюдение над нравами и обычаями жителей».⁵⁸

В Архиве Академии наук и в Журнале поступлений Музея антропологии и этнографии Академии наук (т. I) имеются записи о поступлении коллекций от одного из правителей Камчатки — майора М. К. Бема: «пятнадцать эстампов (по-видимому, зарисовок, — Т. С.), на коих изображены различных островов жители» («отаитская дама», «каледонский житель», «житель шаркачада» и др.), «камчадалское праздничное платье, парка называемое», «подушки», «каменный топор», «музыкальные инструменты», несколько опахал, ножи «из острова Уналашка, который лежит против американского мыса Аляска», «алеутская одежда», модель байдары и др. Им же были привезены и переданы в Кунсткамеру «разные вещи, вывезенные с Сандвичевых островов», собранные там английской экспедицией, возглавлявшейся капитаном Д. Куком. 18 апреля 1779 г. в Петропавловск-на-Камчатке зашли два английских корабля под командой капитана Кларка. Это были «Резолюция» и «Открытие», возвращавшиеся из третьего путешествия, во время которого был убит капитан Кук. Встреченные гостеприимно, корабли простояли в порту 7 месяцев, произвели необходимый ремонт и были безвозмездно снабжены богатым запасом продовольствия. В благодарность за оказанное гостеприимство капитан Кларк при отъезде преподнес Бему для передачи в Петербург коллекцию редкостей, собранных им во время этого путешествия.⁵⁹ Коллекция эта сохранилась и в настоящее время находится в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР. Она состоит из 33 предметов и включает в себя опахала и шишаки из разноцветных перьев,⁶⁰ образцы оружия (Гавайские острова), мантии, нагрудники и ряд других принадлежностей мужского парадного костюма (о. Таити), циновки (о. Тонга) и другие предметы быта.⁶¹ Появление перечисленных экспонатов в Кунсткамере вызвало громадный интерес, ибо это была первая

⁵⁸ А. Сгибнев. Исторический очерк главных событий в Камчатке 1772—1816. Морской сборник, т. III, 1869, № 7, стр. 9—10.

⁵⁹ Там же, стр. 24.

⁶⁰ Шишак из перьев красного и желтого цвета является неперенным элементом одежды воина.

⁶¹ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 505.

этнографическая коллекция с Сандвичевых островов, введенная в научный обиход, так как остальные коллекции, собранные экспедицией Кука, шли морским путем и попали в Англию на полгода позже, чем Бем доставил подарок Кларка в Петербург.

В 1810 г. Кунсткамера обогатилась полным парадным костюмом «короля» с Сандвичевых островов. Этот костюм был поднесен Музею членом-корреспондентом Академии наук, директором Российско-Американской компании М. М. Булдаковым и состоял из жезла красного дерева, шлема и мантии, искусно вытканых из мелких перьев красного и желтого цвета.⁶² Каким путем этот костюм поступил к Булдакову, сведений не сохранилось; мы можем лишь предполагать, что он является тем самым костюмом, который был в 1807 г. поднесен гавайским королем Камеомео I в знак уважения бывшему правителю русских областей на территории Северной Америки — Александру Андреевичу Баранову.⁶³

Первые упоминания о поступлении в Кунсткамеру коллекций с Американского континента относятся к 1782 г. Что это были за предметы, неизвестно, так как в сохранившейся записи имеется лишь глухое упоминание о поступлении «американских вещей».⁶⁴ В 1794 г. из личного собрания Екатерины II — Эрмитажа⁶⁵ — поступила коллекция, собранная «секретной» экспедицией под руководством капитана Н. И. Биллингса и Г. А. Сарычева, предпринятой в 1785—1793 гг. для исследования Берингова пролива и северо-западных берегов Северной Америки. В результате обследований, произведенных экспедицией, было составлено описание Чукотского полуострова и быта народов, населяющих его, а также собрано большое количество экспонатов для отечественных музеев.

Основная масса собранных предметов характеризовала быт чукчей, ламутов и других народов, населяющих крайний северо-восток Азии, а также предметы с «островов против Америки лежащих» («алеутская парка из птичьих животов», «рубаша из кишек морских животных», «ожерелье из зубов», корзины и др.), с Гавайских островов (одежда из меха суслика, стрелы, лук) и от «американцев» (т. е. североамериканских индейцев, — Т. С.), которые живут «против чукчей», а именно: два лука, кинжал, очки против ослепления, краски и кисти американских женщин, стрелы, накидка военная из перьев и ряд других предметов.⁶⁶

Особенно увеличился приток коллекций, характеризующих быт народов Северной и Южной Америки, к началу XIX в. Сбор их и доставка большей частью были связаны с деятельностью Российско-Американской

⁶² Mémoires de l'Académie Impériale de Sciences de St.-Petersbourg (далее: Mémoires), t. III. Avec l'histoire de l'Académie pour les années 1809 et 1810. SPb., 1811, стр. 40—41. — Этот костюм хранится в Музее антропологии и этнографии (Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 517, №№ 1—2).

⁶³ Так называемый король Камеомео (Камегамега, Томеомео) был по существу военным вождем, подчинившим себе все Гавайские острова. О его взаимоотношениях с Барановым см.: П. И. Тихомиров. Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании, ч. I. СПб., 1861, стр. 169.

⁶⁴ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 2.

⁶⁵ Эрмитаж как личное собрание царствующей фамилии основан в 60-х годах XVIII в. Екатерина II увлекалась коллекционированием, и во время ее царствования было приобретено большое количество картин, гравюр и медалей, но особенно богатым было собрание гемм, достигшее 10 тысяч подлинных образцов и более 34 тысяч слепков. Здесь же в 80-е годы подбирается богатейшая коллекция минералов, собрание которых было поручено акад. П. С. Палласу (А. Сулов. Эрмитаж. Краткий исторический очерк. Л., 1927, стр. 18).

⁶⁶ Архив АН, ф. 1, оп. 2 (1894), § 164; ф. 2, оп. 1 (1827), № 3, л. 13; ф. 3, оп. 8, № 14.

компаний и кругосветными путешествиями, ею организованными. Значительная часть коллекций по этнографии сохранилась до наших дней и представляет собою уникальную ценность, так как включает предметы, характеризующие культуру и быт ряда племен североамериканских индейцев, которые вымерли или были физически уничтожены американской «цивилизацией».⁶⁷

Кругосветные путешествия, совершенные русскими мореплавателями в начале XIX в., «составили эпоху в истории географической науки».⁶⁸ Они возникали в поисках более удобных и дешевых путей сообщения с русскими владениями в Америке и обогатили мировую науку крупнейшими открытиями.

Первое кругосветное плавание русскими было совершено на морских судах «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского и продолжалось более 3 лет (1803—1806 гг.). Чтобы облегчить сбор коллекций, экспедиция запаслась инструкцией от Академии наук и различными предметами для обмена: яркими тканями, инструментами, безделушками и т. д. Инструкторская деятельность Академии не пропала даром,⁶⁹ и уже в скором времени в Петербург были привезены экспонаты, пересланные с различными okaziyami. Основные собрания путешественники привезли сами в 1806 г. Одна часть их была передана в Музей, имевшийся при Адмиралтейском департаменте,⁷⁰ другая 9 декабря 1806 г. была поднесена капитаном Лисянским петербургской Кунсткамере с описью, озаглавленной «Каталог искусственным вещам и одежде разных европейских, азиатских и американских народов».⁷¹ В этом каталоге имелось 83 номера, причем под некоторыми числилось по несколько различных этнографических предметов с Сандвичевых островов («идол сандвичский», оружие, утварь, веера, куклы, сетки для рыбы, 7 образцов тапа — материала из подкоркового слоя дерева), с Маркизовых островов (6 образцов ткани, миска, топор и «голова маркезская, разбитая камнем во время сражения»),⁷² а также значительное число экспонатов из Северной Америки. Последняя группа предметов характеризовала одежду и утварь, средства передвижения, промыслы и религию колошей⁷³ и других североамериканских племен, обитавших близ центра русских поселений в Тихом океане — о. Кадьяка.⁷⁴

В 1819 г. для открытия новых земель в Антарктике Морское министерство снарядило экспедицию на судах «Восток» и «Мирный». Начальником Первой русской антарктической экспедиции и капитаном флагманского корабля «Восток» был назначен участник первого русского кругосветного путешествия Ф. Ф. Беллинсгаузен, а командиром «Мирного» — опытный моряк, впоследствии знаменитый адмирал М. П. Ла-

⁶⁷ См. коллекцию И. Г. Вознесенского (Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 570, 571, 593, 620, 868 и др.).

⁶⁸ Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1949, стр. 127.

⁶⁹ Работники Академии инструктировали и участников других экспедиций. В Архиве АН сохранились инструкции В. М. Севергина, А. Ф. Севастьянова и Г. А. Смеловского, составленные для отправлявшегося в Бухару офицера генерального штаба Гавердовского, инструкция для членов «духовной миссии» в Китай и др. См.: Архив АН, ф. 1, оп. 2 (1802), § 345; ф. 2, оп. 1 (1819), лл. 3—109 и т. д.

⁷⁰ Там же, ф. 2, оп. 1 (1827), № 3, л. 13.

⁷¹ Там же, ф. 142, оп. 1 (1719—1927), № 108, л. 1.

⁷² Там же, ф. 1, оп. 2 (1807), § 20.

⁷³ Там же, ф. 142, оп. 1, № 108, лл. 2—8; Архив МАЭ, Журнал поступлений за 1719—1836 г., стр. 44 и др.

⁷⁴ Остров Кадьяк считался административным центром русских владений в Америке с 1784 по 1804 г.

зарев. Экспедиция должна была «приумножить сведения о земном шаре и ознакомить дикие народы с европейцами, а европейцев с дикими».⁷⁵

В числе заданий, перечисляемых в инструкциях, имелись также задания по антропологии и этнографии. «По анатомической части... вникать в познание всего того, что относится до изменений в человеческом роде, как-то: в цвете, росте, сложении и проч., не упуская также возможности разузнать внутреннее строение тела неизвестных народностей». Живописцам предписывалось «увековечивать верное изображение всех заслуживающих любопытство предметов»: ⁷⁶ «виды всех мест, примечательных, где случится быть, также портреты народа, их одеяние и игры».⁷⁷

Плавание «колумбов» Антарктики, Беллинсгаузена и Лазарева, имело своим результатом значительное количество географических открытий. Коллекции, собранные ими и состоящие главным образом из «одежды и орудий диких народов», были переданы в 1928 г. в Кунсткамеру.

Одновременно с этими коллекциями в Кунсткамеру из Адмиралтейского музея поступило большое количество экспонатов от русских путешественников, совершивших плавание вокруг света.⁷⁸

В 1826—1829 гг. было совершено очередное кругосветное плавание, на этот раз на кораблях «Сенявин» и «Моллер», под командованием Ф. П. Литке и М. Н. Станюковича, описанию которого посвящен специальный труд Ф. П. Литке. Из этого описания известно, что экспедицией были собраны коллекции по различным дисциплинам, в том числе и по этнографии («общими трудами составлено богатое собрание одежды, орудий, утвари и украшений»)⁷⁹.

Много коллекций, характеризующих этнографию зарубежных народов, Кунсткамера Академии наук получила, как впоследствии и другие музеи страны, от русских людей, выезжавших за пределы страны в составе торговых или дипломатических миссий.

В 1795 г. от А. К. Лаксмана, посланного в Японию для переговоров об установлении торговых отношений, в Кунсткамеру поступила коллекция из предметов искусства и быта японцев. В числе их имелись рисунки, исполненные на бронзовых досках черным лаком и золотом, напр. вид Петербурга, зарисованный, по всей вероятности, с завезенной туда современной русской гравюры. Любопытен сам факт изготовления панно на подобную тему, свидетельствующий об интересе друг к другу японского и русского народов и, в частности, японцев к Русскому государству и к облику его столицы. Помимо указанных выше предметов, в реестре Лаксмана числились образцы портретной живописи, акварели, различная лакированная утварь, монеты, разноцветная бумага, тушь, модель паланкина, оружие и т. д.⁸⁰

Поступление японских коллекций в Кунсткамеру представляло большой интерес, так как вплоть до середины XIX в. Япония не впускала на свою территорию иностранцев и отказывалась торговать с ними, почему и культура этой страны была весьма мало изучена.

⁷⁵ Ф. Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в южном Ледовитом Океане и плавания вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов, совершенные в шлюпах «Восток» и «Мирный» под начальством капитана Беллинсгаузена, ч. I. СПб., 1831, стр. 12—13.

⁷⁶ Там же, стр. 40—41.

⁷⁷ Л. С. Берг. Русские открытия в Антарктике. Изв. Геогр. общ., 1949, № 2.

⁷⁸ Архив АН, ф. 1, оп. 2 (1827), § 462; ф. 2, оп. 1 (1827), № 3, л. 12.

⁷⁹ Ф. П. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». М., 1848, стр. 10—11.

⁸⁰ Архив АН, ф. 3, оп. 8, №№ 12, 14, лл. 6, 7.

В 1821 г. в Музей поступила коллекция одежды от генерального консула Филиппинских островов Добеля,⁸¹ в 1814 г. — от правителя Российско-Американской компании М. М. Булдакова: «Кумирни с идолами из залива Янива Острова Сахалина», «ящик лаковый со свечами», «раковина оправленная, употребляемая скитающимися духовными», «шапка духовными употребляемая», разные книги.⁸²

Анатомические собрания в указанный период поступали менее интенсивно, чем в предыдущий. Сведения же о них сохранили нам литературные источники⁸³ и документы. В числе пополнителей Музея были представители самых различных слоев русского общества. Так, например, мастеровой Сестрорецкого завода Исаак Панружев подарил в Музей двуголового теленка — монстра,⁸⁴ а «двух мертвых младенцев женска пола сросшихся грудью и животами вместе и имеющие настоящее основание человека» — знаменитый полководец Михаил Илларионович Кутузов.⁸⁵

В историческом обзоре формирования и развития Музея нельзя обойти деятельность таких видных ученых, как В. М. Севергин и Н. Я. Озерецковский. Н. Я. Озерецковский был по существу последним директором Кунсткамеры. Он руководил Музеем с 26 мая 1800 г.⁸⁶ вплоть до смерти, последовавшей 28 февраля 1827 г.⁸⁷ Попав семнадцатилетним юношей в экспедицию И. И. Лепехина и живо заинтересовавшись деятельностью краеведа-натуралиста, он проработал в области краеведения всю свою жизнь. Будучи широко образованным человеком, он написал значительное количество ученых трудов, но более всего увлекался полевыми исследованиями.

Озерецковский был страстным популяризатором научных достижений и много сил и времени положил на издание различных трудов для «распространения полезных знаний и возбуждения любопытства к оным». Он стремился донести до народа эти знания, устраивая публичные лекции непосредственно в помещении Кунсткамеры, сопровождая их демонстрацией музейных коллекций. Вынув из шкафа чучело животного (вспоминает слушавший эти лекции в 1800 г. литератор Н. И. Греч),⁸⁸ Озерецковский передавал его по кругу, «объясняя признаки стоявшим вокруг него слушателям». «С чувством искренней благодарности, — добавляет Греч, — вспоминая об этих лекциях, доставивших случай к развитию моих понятий и к приобретению основательных сведений о некоторых предметах».

Помощником Озерецковского по Музею был Осип Петрович Беляев. Он работал при Кунсткамере и Библиотеке с 1783 г., первоначально в качестве переводчика,⁸⁹ с 1789 г. в качестве кунсткамерского «помощника»,⁹⁰

⁸¹ Там же, ф. 1, оп. 2 (1821), § 389; оп. 1 (1805), № 1, оп. 1 (1805—1828), л. 87.

⁸² Там же, оп. 2 (1814), § 117; оп. 2 (1819), § 166; ф. 2, оп. 1 (1816), № 195 и др.

⁸³ О. П. Б е л я е в, ук. соч., ч. II, стр. 18.

⁸⁴ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 552, л. 82 об.

⁸⁵ Там же, оп. 8, № 59, л. 2.

⁸⁶ Протоколы АН, т. IV, 1911, стр. 815, § 90.

⁸⁷ С 6 марта 1797 г. вплоть до мая 1800 г. руководство Кунсткамерой было временно возложено на адъюнкта Академии — Ивана Фомича Буссе (Протоколы АН, т. IV, стр. 558, § 61), который был принят в Академию 19 сентября 1788 г. на место умершего унтер-библиотекаря Бакмейстера (Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 365, лл. 169, 170). Недолгая работа Буссе носила чисто хозяйственный характер и особого интереса не представляет.

⁸⁸ Н. И. Г р е ч. Воспоминания. Русский архив, 1873, кн. I, стр. 710.

⁸⁹ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 365, лл. 165—170, № 371, л. 160, № 384, л. 163 и др.

⁹⁰ Там же, оп. 1, № 565, л. 833; оп. 2, № 155.

а с 1797 г. — унтер-библиотекаря, в должности которого и проработал до конца жизни (1807 г.).

В 1793 г. Беляев опубликовал каталог-путеводитель по Императорскому кабинету.⁹¹ Этот каталог описывал мемориальную экспозицию Кунсткамеры, посвященную Петру I, и был снабжен многочисленными историческими справками и случаями из жизни, заимствованными как

Н. Я. Озерецковский.

из уст очевидцев,⁹² так и из капитального труда о Петре I — «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова.⁹³

В 1800 г. путеводитель был переиздан с прибавлением второй и третьей частей, включающих «историческое описание всех вообще, как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере сохраняющихся».⁹⁴

Издание, как указывает сам автор, было рассчитано не столько на тех, кто мог лично видеть собственными глазами все сохраняющиеся в Музее «сокровища, как для таковых, кои или по причине отдаленности, или

⁹¹ Первое издание состояло из одной части.

⁹² О. П. Беляев, ук. соч., ч. I, стр. 48, 51 и др.

⁹³ Там же, стр. 40, 41, 52, 59, 63 и др.

⁹⁴ Там же, ч. II, стр. 287.

по другим каким-либо препятствиям, лишены удовольствия самолично оные видеть».⁹⁵

Часть вторая каталога начиналась с исторической справки, перечисляющей основные поступления до 1799 г. включительно, приводила цифровые данные о фондах Академической библиотеки и давала описание анатомических, зоологических и этнографических коллекций Кунсткамеры.

Путеводитель был снабжен маршрутом, таблицами, в которых указано, в каком «ярусе» что выставлено, и приводил забавные анекдоты, а также справки о нравах различных народов и животных, представленных на экспозиции. Особенно большое количество примечаний сопровождало описание этнографических коллекций. Здесь имелись сведения по антропологии и этнографии японцев, китайцев, алеутов, хантов, ненцев, эвенков, бурят, киргизов, чукчей, персов, североамериканских индейцев и многих других, заимствованные из работ русских путешественников второй половины XVIII в., частично опубликованных к этому времени.

Тщательно составленное описание хранящихся в Музее коллекций, наличие многочисленных примечаний, а также имеющиеся в ряде случаев ссылки на использованные источники указывают на то, что описанная работа переросла рамки каталога. Для своего времени она послужила энциклопедией, дающей в несколько своеобразной форме довольно значительный запас фактических данных по естественным наукам, истории и этнографии.

Назначение О. П. Беляева унтер-библиотекарем не оторвало его от столь хорошо изученных им коллекций Кунсткамеры. Как указывалось выше, носитель этой должности объединял в своих руках всю работу по Библиотеке и Кунсткамере, подчиняясь лишь директору этих учреждений, избираемому из числа академиков.

На место «помощника» с 1797 г. был назначен титулярный советник Иван Алексеев, работавший до этого времени много лет при Музее в качестве чучельщика. Помимо него, в 90-е годы XVIII и в начале XIX в. при Кунсткамере работали: студент Александр Кондратович, «у исправления письменных дел» Богдан Гер, рисовальщики — Александр Захаров, Николай Астапов и Иоган Пецольт.⁹⁶

Популярность Кунсткамеры к началу XIX в. еще более возросла. Приток посетителей был неистощим, и служащие Музея постоянно жаловались на «всегдашнюю доuku, причиняемую канцелярии любопытствующими видеть Кунсткамеру, настоятельными требованиями для входа билетов».⁹⁷

Кто же составлял основной контингент посетителей Музея? Помещенная над дверями первого зала Кунсткамеры выдержка из Наказа⁹⁸ Екатерины II: «Хотите предупредить преступление? Сделайте, чтобы просвещение распространялось между людьми!» — казалось бы, должна была нацеливать на обслуживание наименее культурных слоев населения. Однако эта выдержка, — впрочем, как и весь «Наказ» в целом, — являлась не более как лицемерной фразой, которыми императрица так любила прикрывать свою далеко не «демократическую» внутреннюю политику.

⁹⁵ Там же, предисловие.

⁹⁶ Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 365, лл. 165—169, № 384, л. 163 и № 390, лл. 187—270; оп. 2, № 155 и др.

⁹⁷ Там же, оп. 8, № 24, л. 3.

⁹⁸ О. П. Беляев, ук. соч., ч. II, стр. 19.

В объявлениях, периодически помещаемых администрацией Академии наук в «Санктпетербургских ведомостях», классовая политика дворянско-помещичьего государства сказывалась более откровенно. В конце объявлений имелся особый пункт, извещавший, что «ливрейные слуги и чернь совсем не будут впускаемы».⁹⁹

Основной контингент посетителей составляли, по-видимому, представители так называемых «средних классов» русского общества: мелкие чиновники и иной служилый люд, передовое купечество, учащая молодежь и количественно растущая с каждым годом военная и гражданская интеллигенция. В цитировавшихся выше записках Греча, в частности, упоминается, что «в числе слушателей были многие морские и горные офицеры».

К началу XIX в. относится появление даже своего рода «заявок» на коллективное посещение Музея. Так, например, среди документов сохранилось доношение правления Александровской мануфактуры, датированное июнем 1803 г., с просьбой предоставить ей 15 билетов на вход в Кунсткамеру.¹⁰⁰ В ответ на эту просьбу администрация Академии объявила, а позже поместила в «Прибавлении к „Санктпетербургским ведомостям“» официальное уведомление, что в связи с большим количеством «любопытствующих» Музей будет открыт с 4 июля ежедневно целую неделю и впуск в него будет «беспрепятственно без билетов».¹⁰¹ «Дабы от стечения множества любопытствующих зрителей не произошло какого-либо беспорядка», приказ по Академии гласил: «отрядить на то время в помещении унтер-библиотекарю Беляеву из канцелярии г. советника Попова, губернского секретаря Михайлова и канцеляриста Шиюхина, из гимназии студентов Тенигина, Горюнкова и Рябинина, равномерно быть при впуске эскуперу Ларионову и губернскому секретарю Кесареву, что им и объявить».¹⁰² Иначе говоря, ожидался очень значительный наплыв посетителей, поскольку, помимо штатных работников Библиотеки и Кунсткамеры, назначено было 8 дополнительных дежурных от Академии.

За время руководства Кунсткамерой Озерецковским она значительно пополнилась новыми зарубежными коллекциями, поступившими из морских и сухопутных экспедиций, а также из вновь осваиваемых областей Дальнего Востока и русских владений в Америке. Сам ученый, однако, на передний план ставил изучение родной страны, которое, по его мнению, должно было проводиться прежде всего русскими учеными, входившими в состав Академии. «Чужестранные оной члены для России, — утверждал он, — бесполезны — ибо всякий чужестранец, пища не на русском языке, сообщает свои труды не России, собственно, но тому государству, на языке которого пишет». Мысль эта высказывалась Озерецковским в записке о состоянии Академии наук, которая была составлена группой русских академиков с ним во главе и подана Александру I при вступлении его на престол. В этой же записке констатировалось, что наука в России и, в частности, ведущее научное учреждение страны — Академия наук — находятся в совершенном тупике: одни из ценнейших членов ее умерли, другие состарились, а подготовка молодых кадров отечественных специалистов находится не на должной высоте. Этим объяснялся и тот факт, что в начале XIX в. большая часть коллекций при-

⁹⁹ Санктпетербургские ведомости, 1802, № 54.

¹⁰⁰ Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 28, л. 1.

¹⁰¹ Там же, л. 2; см. также: Прибавление к Санктпетербургским ведомостям.

¹⁰² Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 28, л. 4.

бывала в Кунсткамеру от лиц, формально не связанных с Академией. Записка подчеркивала и тот факт, что экспериментальная база отечественной науки — Химическая лаборатория и Анатомический театр — не функционируют; Физический кабинет и Музей задыхаются от тесноты. Музейное собрание «не только не приумножается, но еще убывает, ибо, истребляющиеся от времени вещи не возобновляются другими, даже такими, которые в области России в изобилии находятся».¹⁰³ Все изложенные факты достаточно ярко иллюстрировали плачевное состояние, в котором находилась к началу XIX в. Академия наук в целом и Музей ее в частности. Необходимо было принять коренные меры. Требовал реформ и Академический музей.

Война 1812 г. несколько отсрочила реформу музеев, однако непосредственно после окончания ее на базе отделов Кунсткамеры создается ряд самостоятельных академических музеев, в том числе и музеи Азиатский, Египетский, Этнографический, Нумизматический и Сравнительно-анатомический.

Тревожное международное положение, предшествующее войне, отразилось на деятельности Кунсткамеры. Средства, отпускаемые ей, сократились, а затем, в целях предосторожности, была свернута экспозиция. В сентябре 1812 г. ценнейшие экспонаты Музея — «все иностранные редкости», «весь кабинет Петра I с принадлежащими к оному редкостями»¹⁰⁴ — были погружены на галиот «Святой Николай» и отправлены в Петрозаводск и лишь в конце года реэвакуированы в столицу.

После возвращения коллекции разместили в 11 залах Музея, в той же последовательности, что и ранее, однако из-за тесноты многие из них стояли нераспакованными в ящиках. В особенно плачевном положении находились этнографические коллекции. Специального помещения для экспонирования их не было. Интереснейшие собрания, а также новейшие поступления выставлялись, но не в специальном помещении, а вкрапывались как бы островками в залы с коллекциями по другим дисциплинам. Так, например, в круглом зале 1-го этажа экспонировались «этнографические предметы и планетарий»,¹⁰⁵ а в круглом зале 2-го этажа были выставлены «разные произведения человеческого искусства».

Таким образом, к началу XIX в. положение Музея значительно ухудшилось. В первой четверти века в Музее сосредоточилось большое количество коллекций, освещающих искусство и этнографию самых разнообразных областей и районов России — Финляндии, Кавказа, Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока, — а также характеризующих культуру и быт различных зарубежных народов: Японии, Китая, Тибета, Филиппин, Австралии, Северной Америки, Бразилии, Гавайских и других островов, носящие в наше время наименование Океании. Однако теснота, мизерный штат музейных работников, отсутствие в нем среднего научного персонала, необходимого для успешного разбора, определения и научного описания коллекций, приводило к тому, что большая часть поступавших экспонатов не использовалась в музейном и научном обиходе. В выставочных залах царил неимоверная теснота. Экспозиции ряда разделов Музея, в частности этнографического, находились не на должном уровне.

¹⁰³ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии. Сб. Отд. русск. яз. и словесн. имп. Акад. наук, вып. 2, СПб., 1875, стр. 364.

¹⁰⁴ Архив АН, ф. 4, оп. 2, № 280, лл. 6—7, 51, 52 и др.

¹⁰⁵ Ф. Ф. Брандт. Зоологический и Зоотомический музеи. В сб.: Очерки истории музеев имп. Академии наук, СПб., 1865, стр. 7.

Плохо обстояло дело и с обслуживанием. Ввиду разнообразия выставленных в Музее коллекций он притягивал к себе лиц самых разнообразных специальностей в таком количестве, которое совершенно не был в состоянии удовлетворить. Все усиливавшаяся тяга широких слоев населения к ознакомлению с музейными коллекциями не поддерживалась Академией. Впуск простого народа, ранее ограниченный под предлогом использования материалов, в научных целях, теперь был вовсе запрещен.

Глава III

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ АКАДЕМИИ НАУК (1836—1878 гг.)

Развитие капиталистических отношений в недрах феодально-крепостнической России в первой половине XIX в. сопровождалось интенсивным ростом отечественной культуры и науки. Растущее производство требовало от науки решения практических задач. Внутри каждой области знаний появляется деление на теорию и практику, а затем и дополнительная дифференциация в недрах каждой из наук. Намечается подобная специализации также в области исторических и биологических дисциплин — процесс, нашедший отражение и в истории Музея.

Период, которому посвящена настоящая глава, имел свои отличительные особенности для наук исторического профиля. Появление в эти годы самостоятельного Этнографического музея — не случайность. Именно в XIX в. этнография складывается как отдельная, самостоятельная ветвь истории, что порождает потребность в специальном Этнографическом музее. Это, однако, не обозначает полного обособления этнографии от других наук. Как раз наоборот, характерной особенностью этнографии этого периода является ее тесная связь с филологией и антропологией. Этими науками интересовались и много сделали для развития их такие непосредственно связанные с историей Музея ученые, как К. М. Бэр, Н. Н. Миклухо-Маклай, Л. И. Шренк и некоторые другие.

Русские революционеры-демократы поддерживали и глубоко ценили науку о народах — этнографию. Они понимали ее роль для оценки современного положения народа, выявления его нужд и для выработки правильных путей дальнейшего развития. В своих изданиях («Современник») они помещали большое количество материалов по этнографии и фольклору,¹ в статьях — призывали более активно собирать материалы. Особенно ярким сторонником развития антропологии и этнографии был Н. Г. Чернышевский. Он доказывал необходимость более широкого изучения и фиксации всех сторон истории и современной жизни не только народов, отставших в своем развитии, но и «цивилизованных», славянских народов.² Чернышевский высоко ценил работы Бэра — «одного из тех ученых, которыми можем мы гордиться», — и так же, как он, ратовал за совместное изучение антропологии и этнографии. Музейные

¹ В. Е. Гусев. Проблемы этнографии и народной поэзии в русских журналах 50—60 гг. XIX в. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, т. I, М., 1956, стр. 235.

² М. Г. Левин. Этнография и антропология в работах Н. Г. Чернышевского. Очерки истории русской этнографии. М., 1956, стр. 236—264.

коллекции по этим дисциплинам ему, видимо, были хорошо известны, ибо он упоминает о них в своих работах.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, в 1818 г. на базе коллекций Кунсткамеры был создан Восточный кабинет, получивший впоследствии наименование Азиатского музея Академии наук.³

К созданию Азиатского музея имелись давнишние предпосылки:⁴ соседство России со странами Востока, разнообразные культурные и торговые связи, сложившиеся с ним на протяжении многих веков, порождали взаимный интерес.

Присоединение в XVIII в. к России значительной части Казахстана, усиление торговых связей со Средней Азией, а впоследствии, под влиянием дальнейшего роста капиталистического земледелия и капиталистической промышленности, завоевание ее еще более усилили интерес к Востоку. Русское купечество было заинтересовано в «развитии капитализма вширь, т. е. распространении сферы господства капитализма на новые территории».⁵

Министру народного просвещения С. С. Уварову, вскоре назначенному президентом Академии наук, как никому другому были близки интересы капиталистической экономики. Созданный им «*Projekt d'une Academie asiatique*» послужил программой для создания Азиатского музея, оказавшегося, в силу своей тенденциозности, в качестве музея учреждением недолговечным.

Профиль этого учреждения в первые десятилетия существования только еще складывался. Первоначально он, видимо, был задуман именно как музей, в связи с чем и получил из Кунсткамеры коллекции. Все коллекции по народам собственно Востока, Дальнего Востока, Сибири и даже Поволжья были переданы в его фонды. В числе их были прекрасные собрания промысловой и парадной одежды якутов, хантов, юкагиров, коряков, чукчей, эвенов, эвенков, татар, мордвы, марийцев, а также зарубежных народов (преимущественно китайцев и турков), большое собрание по принадлежностям культа — «колдовская одежда» народов Сибири, уникальное собрание шаманских бубнов, «идолы» (видимо, духи предков) и др. Особенным богатством отличались коллекции по народам Китая и Японии, в которых, помимо одежды, имелись художественные изделия мастеров — резчиков по камню, алебастру, лаку, образцы фарфора, оружия, художественных изделий из металла и многое другое.

Все эти коллекции (в связи с переездом Зоологического музея и других академических музеев биологической группы в новое музейное здание)⁶ были выставлены в зале второго этажа здания Кунсткамеры, где и экспонировались до середины века. Пополнением и изучением их работники Азиатского музея не занимались.

Уже к началу 50-х годов стало ясно, что Азиатский музей выливается в научно-исследовательское учреждение, близкое по профилю к архиву. В противоположность вещевому фонду, архив и библиотека его систематически изучались, публиковались и пополнялись, в результате чего и превратились в богатейшие собрания книг и рукописей по народам Кавказа, Средней и Передней Азии, Египта, Дальнего Востока и Африки,

³ Архив АН, ф. 4, оп. 1 (1918), № 16, § 862.

⁴ В. D o r n. Das Asiatische Museum der Keiserlich Academie der Wissenschaften in St.-Petersburg. SPb., 1846.

⁵ В. И. Л е н и н, Полное собр., т. 3, М., 1958, стр. 595.

⁶ В. D o r n. Das Asiatische Museum. . . ; В. Д о р н. Азиатский музей. СПб., 1836, стр. 68; Архив АН, ф. 4, оп. 2 (1836), № 306, лл. 1—9; ф. 1, оп. 2 (1837), §§ 310, 388.

на базе которых уже в советское время (1930 г.) был создан Институт востоковедения Академии наук.

Несколькими годами позже, чем Азиатский, — в 1825 г., — был создан Египетский музей. В первом этаже восточного крыла здания Кунсткамеры были ему предоставлены и отделаны в египетском стиле две комнаты.⁷ Однако существование этого учреждения продолжалось недолго. Некоторая часть его коллекций, в частности саркофаги, мумии и археологические предметы, были переданы Этнографическому музею (1883 г.), остальные же коллекции (свыше 2000 номеров) — Эрмитажу в виде компенсации, за что Академия наук получила 11 500 рублей «на свои нужды».⁸

Из оставшихся предметов Египетского музея, а также археологических коллекций, имевшихся при библиотеке («некоторое количество греческих ваз», «разные предметы из обожженной глины», «гипсовые слепки с различных камней» и др.), и нумизматического собрания Академии был создан новый музей, получивший название «Музея классической археологии». Этот музей просуществовал до 90-х годов, а затем коллекции его также были разделены между Музеем антропологии и этнографии и Эрмитажем.⁹

Совершенно естественно, что при наличии большого количества этнографических материалов, с одной стороны, и развитием этнографической науки, получившей большой толчок в связи с общественным движением 20—30-х годов, с другой, — оформляется как самостоятельное учреждение и музей Этнографический.

По регламенту 1836 г. Этнографический музей числится уже самостоятельным учреждением.¹⁰ Бюджет, штат и фонды его первоначально были невелики. По данным 1848 г. в нем имелся 3101 предмет, относящийся «к следующим землям:

Китайских коллекций	— 1027
Японских предметов	— 116
Сибирских предметов	— 549
Из остальной Азии	— 54
Грузинских	— 59
Американских	— 714
Из Полинезии	— 582». ¹¹

Фонды Музея первоначально были искусственно обеднены, однако постепенно большая часть изъятых коллекций возвратилась: в 1857 г. Музей получает этнографические коллекции из Азиатского, а в 1883 г. — из Египетского музея Академии наук.

Бюджет Этнографического музея был более чем скромнен: из 700 рублей, ассигнованных ему на год, большая часть (500 рублей) предназначалась на жалование хранителю, остальные 200 — на текущие расходы.¹²

Первым хранителем Этнографического музея был Егор Иванович Шредер, несший одновременно аналогичные обязанности в Зоологическом музее Академии наук; вторым (с 1846 до 1865 г.) — Леопольд Федорович

⁷ Архив АН, р. IV, оп. 6, № 86, л. 3.

⁸ Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях. Зап. Вост. отд. имп. Русск. археолог. общ., т. XI, вып. 1—4, СПб. 1899; V. S. Golenischev. Inventaire de la Collection Egyptienne Ermitage. SPb., 1891.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142 (1894—1895), л. 1277.

¹⁰ Устав и штат имп. С.-Петербургской Академии наук 8 января 1836 г. СПб., 1836.

¹¹ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 29, л. 5.

¹² Там же, ф. 2, оп. 1 (1873), № 8.

Радлов. Будучи специалистом по северо-западной Америке и северо-восточной Азии, он работал главным образом в области лингвистики и, в частности, написал ряд статей по тлинкитскому языку,¹³ оставшихся в рукописях. Как первый, так и второй хранитель несли в Музее главным образом технические обязанности и существенного следа в истории Музея не оставили.

В соответствии со Штатом 1836 г. директор Этнографического музея, как и других академических музеев, должен был быть избран из академиков и выполнять возложенные на него обязанности безвозмездно. Он отвечал за целесообразность собраний, не имел права «по своей воле делать никакой важной перемены» во вверенном ему Музее, «но, имея в виду улучшения оных, или умножение», мог подавать «представления конференции, которая, если найдет оное выгодным, доносит о том Президенту».¹⁴

Первым директором Этнографического музея был избран академик А. М. Шегрен, который и руководил им с 1844 по 1855 г.¹⁵ Будучи академиком «по истории и древностям российским», он вел активную экспедиционную деятельность по обследованию ряда областей Крыма и Кавказа,¹⁶ русского севера и северо-запада, а также соседствующих с этими областями районов Финляндии (финская Лапландия).¹⁷ На основании собранных полевых материалов по этнографии, истории, географии и лингвистике грузинского, черкесского и осетинского языков, а также естественной истории им был написан ряд работ.¹⁸ В своих трудах «О древних местах жительства Еми», «Когда и как обрусели Заволочье и Заволоцкая чудь», «О финском народонаселении С.-Петербургской губернии и о происхождении названия Ингерманландия»¹⁹ он первый обращает внимание ученых на наличие в пределах России многочисленных ветвей «чудского племени», а в работах «Об этнографии Лифляндии» и «О значении эстонского наименования радуги»²⁰ — на этнографию и лингвистику ливов.

В последние годы своей жизни ученый увлекался изучением Кавказа, который, по его словам, представлял «неисчерпаемый источник для географии и других с нею связанных наук, а особливо этнографии, ибо сколько там разнородных народов, из коих многие до сих пор известны только по одному их наименованию, и то еще не всегда совсем верному!». Поэтому он приветствовал намерение Кавказского отделения Русского географического общества «приложить все возможное старание к разъяснению этих покуда еще темных и запутанных этнографических взаимных отношений народов кавказских» и разработал инструкцию, где «выставил те главные пункты, на которые надобно обратить внимание при этнографических исследованиях». Вот некоторые из них: «пространство, занимаемое народом», «название народа, какими именно каждый сам себя и других соседственных и дальних называет», «телосложение», «нравы и склонности», «одежда», «жилище», «образ жизни» («занятия»), «пища и питье», «обряды», «род правления», «военное дело», «религия»,

¹³ Там же, ф. 4, оп. 4а (1857), № 5, л. 6; ф. 1, оп. 1а (1865), № 112, ИФ, § 126.

¹⁴ Устав и штат... стр. 72.

¹⁵ Архив АН, ф. 4, оп. 4а (1845), № 2, л. 5.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 12 (1830—1840), д. 424, лл. 84, 99, 102, 109 и др.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Bulletin de la Classe physico-mathématique de l'Académie impériale des Sciences de St.-Petersbourg, t. XIV, 1856, №№ 21—24, S.-Pt.—Leipzig, стр. 326—331, 347—352.

¹⁹ См.: Mémoires, VI s., t. I—II, SPb., 1832—1834.

²⁰ Bulletin Scientifique Publié par l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg, t. VII—IX, S.-Pt.—Leipzig, 1840—1842.

«образованность»,²¹ язык, народное творчество и т. д. В своих многочисленных путешествиях он приобретал коллекции для Этнографического музея.²²

В это время Этнографический музей имел крайне неудобное помещение. Коллекции экспонировались частично в зале II этажа здания Кунст-

А. М. Шегрен.

камеры, частично в комнатах Азиатского музея, в специальных «надстройках» над шкафами. Комната для работы и кладовые находились в соседнем здании (в Таможенном переулке), предоставленном академическим музеям биологической группы.²³

Здание не отапливалось, поэтому в зимние месяцы впуск посетителей прекращался. В летний же сезон (с апреля или мая по середину октября)

²¹ Архив АН, ф. 30, оп. 1 (1854), № 451, лл. 45—52; р. XV, оп. 1 (1816—1853), № 4; ф. 2, оп. 1 (1841), № 6.

²² Там же, ф. 194, оп. 1, №№ 256—261, 274 и др.

²³ Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 31, лл. 1—4, № 30, лл. 3—4, № 29, лл. 3—Зоб., 18 и др.

он был открыт для обозрения два раза в неделю — по четвергам и понедельникам (или только по понедельникам) — с 10 до 2 часов дня.

Билеты на право посещения Музея выдавались бесплатно в Комитете правления Академии наук по субботам с 10 до 11 часов утра,²⁴ такой порядок давал возможность регулировать количество и состав посетителей. Рядовой народ был занят в утренние часы на работе, в воскресные же дни впуск в Музей не производился. Естественно, что Музей могли посещать главным образом представители нетрудовых слоев общества.

Экспозиция Этнографического музея 40—50-х годов по своей скученности походила скорее на склад. Она демонстрировала три группы коллекций: 1) «Китайские и другие азиатские вещи из Азиатского музея» (японские, китайские и монгольские коллекции); 2) «Лучшие предметы этнографической коллекции, хранившиеся в бывшей Кунсткамере» («вещи египетские и сирийские», «не азиатские») и 3) «Новейшие обогащения». К последней группе относились «вуали сотканые» и «одежды из перьев», привезенные в 1845 г. из Америки, прочие же предметы, поступившие после 1837 г., хранились в нераспакованном виде в кладовой Музея.²⁵ Как помещение для демонстрации, так и кладовые плохо проветривались, и коллекции страдали от пыли, сырости и моли.

В конце 40-х—начале 50-х годов в кладовой стояли нераспакованными такие интересные коллекции, как «тунгусское платье от г. Хлебникова», «кавказские костюмы от г. Коленати», «якутские вещи от г. Миддендорфа», «оружие от Д. Кастрена», «вещи жителей северо-восточных берегов Америки от г. Вознесенского, Загоскина и Лазарева», «платье алеутское от Хлебникова», «платье лапландское от г. Бэра» и многое другое.²⁶

Как указывает первый историк Музея — Ф. К. Руссов, начиная с 1858 г. Музей фактически становится недоступным для широкой публики и мало доступным для научной работы.²⁷

Между тем, фонды его неуклонно, хотя и неравномерно, продолжали пополняться из самых различных источников. Так, например, в 1847 г. поступил 1 предмет, в 1848 г. — 320 предметов, в 1849 г. — 78 предметов, в 1850—1851 гг. поступлений не было, в 1852 г. поступило 2 предмета, в 1853 г. — 17 предметов, в 1854 г. — 71 предмет, в 1855 г. — 238 предметов, в 1859 г. — 183 предмета; в 1861 г. — 365 предметов, в 1862 г. — 128 предметов, в 1863 г. — 38 предметов, и т. п.²⁸ Коллекции поступали как отечественные, так и зарубежные.

В первой половине XIX в., в связи с присоединением Грузии к России, громадный интерес вызывали культура и быт народов Кавказа, Передней и Средней Азии. Существенный вклад в раскрытие истории и этнографии народов Востока внес директор Азиатского музея академик

²⁴ Санктпетербургские ведомости, 1838, № 220; 1839, № 242; 1840, № 85; 1841, №№ 106, 220; 1842, №№ 102, 142, 213; 1843, № 215; 1844, № 216; 1845, № 145; 1846, №№ 105, 210; 1847, №№ 125, 238; 1848, № 110; 1849, №№ 115, 225; 1850, №№ 117, 226; 1851, №№ 120, 227; 1852, №№ 126, 209; 1853, № 138; 1854, №№ 134, 214; 1855, №№ 123, 214; 1856, № 126; 1857, № 123; 1859, №№ 121, 243; 1860, № 127; 1861, №№ 12, 246; 1862, № 105, и др.

²⁵ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 30, лл. 1—3; ф. 4, оп. 2 (1836), № 306, лл. 1—9.

²⁶ Там же, лл. 4—5.

²⁷ Fr. Russow. Beiträge zur Geschichte der Ethnographischen Anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St-Petersbourg. Сб. МАЭ, т. I, вып. I, СПб., 1900 (далее: Руссов), стр. 26.

²⁸ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 29, лл. 6, 10—14, 20—25 и др.

Х. Д. Френ, написавший значительное количество трудов, главным образом по нумизматике и палеографии. Составленный им каталог нумизматического собрания Академии, по мнению специалистов, до сих пор является настольной книгой каждого нумизмата, занимающегося изучением мусульманских монет.²⁹ От него в Музей поступили коллекции по этнографии народов Сибири и Египта.³⁰ Он же первый опубликовал и ряд рукописей, комментируя которые, доказал, какое богатство материалов они представляют для историков и этнографов народов Кавказа, а также славянских и других народов, населявших в древние времена территорию Российской империи.

Кавказские коллекции Музея в этот период были значительно пополнены генералом Г. А. Емануэлем и Ф. А. Коленати. Первый из них, выходец из Венгрии, поступил на службу в России в 1797 г., участвовал в Бородинском сражении, неоднократно был ранен и после победоносного возвращения русских войск из Парижа назначен начальником Кавказской области.³¹ Он принимал деятельное участие во многих ученых начинаниях (например, в организации первого восхождения на Эльбрус). Некоторые данные из его донесений не утратили своего значения для историков и этнографов-кавказоведов до сих пор. Примером может служить описание «Как велико народонаселение черкесских племен за Кубанью», в котором даются исчерпывающие данные о составе селений, семей и многочисленные сведения по истории Кабарды.³²

Ф. А. Коленати, чех из Праги, был причислен по высочайшему повелению к имп. Ботаническому саду в качестве путешественника и проработал на Кавказе два года (1843—1845 гг.), главным образом в Армении и Грузии. Им была привезена для Музея коллекция костюмов народов Кавказа (40 предметов), а также коллекция утвари и оружия (57 предметов).³³

Как и в прошлом столетии, наименьшее количество коллекций поступало по славянским и неславянским народам, населяющим европейскую Россию. Они насчитывались буквально единицами. Первая из коллекций (головные украшения татарских женщин) поступила в 1860 г. от академика Кеппена,³⁴ вторая («домашняя утварь из Олонецкой, Вятской и Тверской губерний») — от П. Лерха.³⁵

П. И. Кеппен, работая много лет главным инспектором шелководства, садоводства и виноградарства, ежегодно совершал дальние маршруты по Европейской России, во время одного из которых, видимо, и приобрел головные украшения крымских татарок. Собранные им одновременно данные о национальном составе населения были впоследствии суммированы в этнографической карте России,³⁶ выпуск которой явился на-

²⁹ О жизни и трудах Френа см.: Труды III Международного съезда в С.-Петербурге в 1876 г., т. I, 1879—1880, стр. 5; Ch. M. F r a e h n i i. *Recensio numorum muhammedanorum Academiae imp. Scient. Petropol. Petropoli*, 1826.

³⁰ Р у с с о в, стр. 24.

³¹ Н. Б. Г о л и ц ы н. *Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля*. СПб., 1851, стр. 172.

³² Архив АН, ф. 32, оп. 1, № 66, лл. 6, 9—24.

³³ Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 30, л. 4; ф. 1, оп. 1а (1843), № 68, ФМ, §§ 10, 56, 192; оп. 1а (1844), № 70, §§ 78, 99 и 228; ф. 1, оп. 1 (1843), № 16, § 78; *Bulletin de la Classe physico-mathématique de l'Académie impériale des Sciences de St-Petersbourg*, t. IV, № 17, S.-Pt.—Leipzig, 1845, стр. 257—272.

³⁴ Р у с с о в, стр. 25.

³⁵ Там же, стр. 26.

³⁶ Этнографическая карта Европейской России, составленная Петром Кеппеном. Издана Русским географическим обществом, СПб., 1852; II и III изд. — СПб., 1855.

стоящим событием для русской этнографии. Географическое общество высоко оценило труд Кешпена, наградив его Константиновской медалью и премией Жуковского.

П. И. Кешпену принадлежит ряд научных работ по статистике и этнографии (главным образом русского народа), и можно только удивляться, почему этот славист по призванию не уделил должного внимания подбору музейных коллекций по славянским народам. Объяснялось это, по всей вероятности, направленностью современной ему этнографической науки. Коллекционировались в этот период главным образом материалы по народам экзотическим, вызывавшим изумление необычностью своей культуры и быта. Хотя в середине XIX в. интерес к этнографии вообще — и в частности к этнографии народов славянской группы — усилился, сбор вещественных памятников, характеризующих культуру и быт славянских народов, еще не производился.

Несравненно лучше обстояло дело с пополнением коллекций по народам Азиатской России, в частности по народам, населяющим Камчатку, Курильские острова, бассейн р. Амура и Сахалин. Так, например, в 1847—1849 гг. множество вещей поступило от доктора Кастрена из его сибирского путешествия: костюмы якутов, долган, юраков, тунгусов (эвенков), остяков (хантов) и бурят.³⁷

М. А. Кастрен — «путешественник-этнограф по северной экспедиции со всеми правами и преимуществами адъютантов» — предпринял на средства Петербургской Академии наук в 1845—1848 гг. ряд экспедиций в северные районы Европейской и Азиатской России.³⁸ Происходя родом из Финляндии, он с юношеских лет увлекался проблемой языкового и этнографического родства финно-угро-самоедских народов. Собранные им материалы изложены в многочисленных статьях, рукописях³⁹ и много-томном, посмертно изданном труде «Nordische Reisen und Forschungen».⁴⁰

Из этнографических коллекций, привезенных им для Музея, наибольший интерес представляли собрания по одежде и вооружению восточных самоедов и североенисейских тунгусов, из антропологических — черепной материал по тем же народам.⁴¹

Якутская коллекция в эти годы была пополнена собранием А. Ф. Миддендорфа, возглавившего академическую экспедицию в Восточную Сибирь для определения пределов и условий органической жизни на крайнем Севере (1842—1845 гг.). Академическая комиссия составила для него подробную инструкцию, в которую включалось и изучение местного населения. Результатом этой экспедиции явилась монография, значительный раздел второго тома которой посвящался описанию культуры и быта эвенков и особенно подробно — нигидальцев; Этнографический же музей пополнился собраниями по одежде, оружию, искусству и религии.⁴²

Первая большая академическая экспедиция XIX в. (1853—1854 гг.) по обследованию Амурского края, ставившая перед собой этнографические задачи, была возглавлена Л. И. Шренком. Участники ее должны были

³⁷ Руссов, стр. 23.

³⁸ Архив АН, ф. 2, оп. 1 (1841), № 5, лл. 1—102.

³⁹ Там же, р. III, оп. 1, № 214.

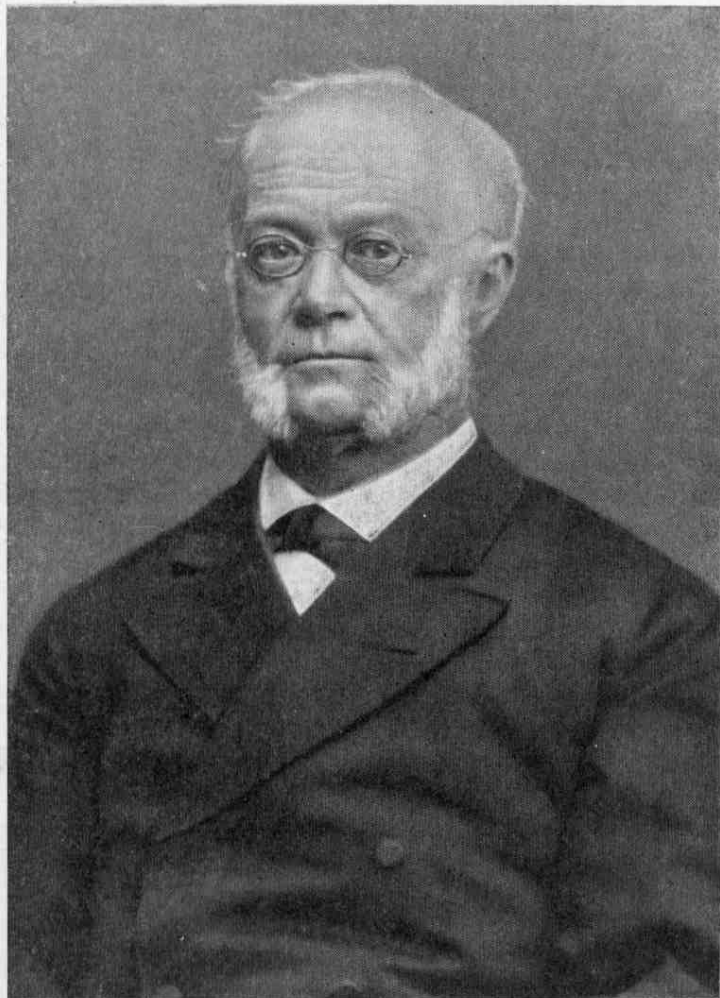
⁴⁰ Castren Alexander. Nordische Reisen und Forschungen. S.-Petersburg Akad. d. Wissensch., 1849—1862.

⁴¹ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 3, № 29, л. 4; Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 638.

⁴² А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, тт. I—II. СПб., 1860—1878; Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 701.

выявить и описать народы, обитавшие во вновь присоединенном крае, и показать границы их расселения.

Прожив несколько лет среди местного населения, Шренк составил этнографическую карту Нижнего Приамурья, собрал большой материал, опубликованный им в ряде статей и в капитальном труде, вышедшем в трех томах в 1881 г. на немецком языке, а несколькими годами позже

Л. И. Шренк.

(1883—1903 гг.) по-русски, под названием «Об инородцах Амурского края». Первый том включал антропологическую характеристику амурских народов, научную классификацию их и историю края за последние полтора века. Второй и третий тома содержали этнографическую характеристику не известных ранее даже по имени народов Приамурья и Сахалина. Центральное место в его труде занимала этнография гилияков, которым Шренк дал обширную этнографическую характеристику и дополнил ее сбором краниологического материала, зарисовками типов гилияков и айнов, чертежами их черепов. Характерной особенностью работы Шренка является широта постановки вопросов и умелое применение сравнительно-этнографического метода, позволявшего ему нащупывать взаимосвязи между народами и их культурами. Из этой экспедиции в Музей этнографии поступило первое систематическое собрание по быту на-

4*

родностей Амура,⁴³ а также по культуре и быту различных групп ненцев.⁴⁴

Л. И. Шренк был одним из наиболее активных в Академии сторонников организации срочного сбора музейных коллекций. В своих устных и письменных выступлениях он ратовал за то, чтобы не откладывать этого дела в долгий ящик, «ибо сколько редкостей, особенно для России драгоценных коллекций уже ушло и из года в год уходит за эти годы за границу».⁴⁵

Большой интерес также представляли разнообразные коллекции, собранные И. С. Поляковым. «Иван Семенович, — по отзыву Д. Н. Анучина, — принадлежал к разряду выдающихся личностей как по своей талантливости и неутомимой деятельности, так и по той энергии, благодаря которой он мог выбиться из самой глухой и темной среды и проложить себе путь к науке и известности при самых неблагоприятных, по-видимому, условиях».⁴⁶ Будучи сыном забайкальского русского и бурятки, он, благодаря блестящим способностям и трудолюбию, сумел получить образование и добиться положения ученого-зоолога в Петербурге. Он принимал участие в многочисленных, главным образом зоологических экспедициях — в Олекминско-Витимской экспедиции (1866 г.), Восточно-Саянской (1867 г.), Онежской (1871—1873 гг.), Западно-Алтайской (1878 г.), производил археологические раскопки в Тульской и Воронежской губерниях и на Урале, в Армении у оз. Севана (1879—1880 гг.), исследовал Сахалин, Уссурийский край, Японию (1881—1885 гг.). Научное значение его последней экспедиции особенно велико. Занимаясь в основном естественно-историческими дисциплинами, он собрал также и обширные материалы по антропологии и этнографии, во многом дополнив работы Л. И. Шренка. Наибольший интерес из поступивших от него коллекций в области археологии представляют палеолитические орудия из Олонецкой губернии, материалы из с. Костенки Воронежской губ.,⁴⁷ в области этнографии — многочисленные коллекции по народам Сибири, Сахалина и Японии.⁴⁸

Интересная коллекция по одежде тунгусов (эвенков) Охотского побережья была прислана в Музей в эти же годы К. Т. Хлебниковым⁴⁹ — известным писателем и путешественником начала XIX в. Работая в Российско-Американской компании, он обследовал Охотский край, жил и работал на Камчатке,⁵⁰ на Алеутских островах и в русских областях Америки. Собранные во время путешествий материалы он использовал для написания работ «Историческое и статистическое обозрение российских владений в северо-западной Америке и по островам Алеутским»,⁵¹ «Записки о Калифорнии»,⁵² а также для составления биографии Шелихова и Баранова. Присланные Хлебниковым коллекции по этнографии и естественной истории этих областей обогатили ряд отечественных музеев. В Этнографический музей от него, в частности, поступили

⁴³ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 108, 188, 657.

⁴⁴ Там же, колл. 640, 675.

⁴⁵ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 35, л. 10.

⁴⁶ Цитирую по статье: А. И. Краев. Последнее путешествие. В сб.: Исследователи Сахалина и Курильских островов, Южно-Сахалинск, 1961, стр. 61.

⁴⁷ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 432, 497, 567, 578 и др.

⁴⁸ Там же, колл. 106, 138, 143, 149, 883, 918, 1818 и др.

⁴⁹ Руссов, стр. 23.

⁵⁰ «Письма о Камчатке», принадлежащие, видимо, его перу, хранятся в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина.

⁵¹ Архив АН, р. II, оп. 1, № 275.

⁵² Сын отечества, т. 124, СПб., 1829

коллекции по культуре и быту алеутов, кадьяков, коренному населению Калифорнии и других областей Америки (образцы одежды, утвари, украшений, предметов культа и многое другое).⁵³

Однако основной фонд по народам, населявшим русские владения в Америке, составили коллекции Л. А. Загоскина⁵⁴ и И. Г. Вознесенского.

И. Г. Вознесенский.

И. Г. Вознесенский, препаратор Зоологического музея Академии наук, был командирован в 1839 г. в Русскую Америку для пополнения коллекций академических музеев, где и пробыл без малого 10 лет. В числе возложенных на него поручений был также сбор этнографических коллекций. Единственным руководством в этом деле ему служила весьма поверхно-

⁵³ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1838), № 58, §§ 34, 44, 183 и др.; Руссов, стр. 23; Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 563; Б. Н. Вишневский. Замечательный исследователь северо-западной Америки. Природа, 1955, № 12, стр. 59—61.

⁵⁴ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 10, лл. 1—2 («Коллекция лейтенанта Л. Загоскина»).

стно составленная «Инструкция для собирания этнографических предметов», снабженная списком «главных категорий коих не должно Вам опустить из виду. . .». В числе их были указаны: «Одежды народов; материи для настилки и прикрывания; домашняя утварь; произведения искусства и игрушки, музыкальные инструменты, приборы для рыбной ловли, орудия для вырабатывания домашней утвари (топоры, ножи, машины для прядения и ткачества), идолы, оружие, монеты и пр.». ⁵⁵

Столь расплывчатые указания не помешали И. Г. Вознесенскому собрать исключительно интересную коллекцию по этнографии народов, населяющих северо-западную Америку, Калифорнию, Курильские и Алеутские острова, а также Бразилию и Сандвичевы острова.

«Ученые плоды этой замечательной экспедиции, — писал президент Академии наук Н. А. Дондуков-Корсаков, — богатством, разнообразием и важностью превзошли все ожидания Академии. Собранные им предметы трех царств природы и по части этнографии заключались в 150 ящиках, доставивших богатейший материал нашим ученым. . .». ⁵⁶

Подобного собрания по быту азиатских и американских эскимосов, алеутов, атабасков, тлинкитов, канадских и калифорнийских индейцев до сих пор не имеется ни в одном этнографическом музее мира. Между тем в результате американской колонизации многие из этих народов (например, калифорнийские индейцы) были истреблены, а их древняя культура исчезла; культура же других народов (например, кенайцев) под влиянием изменения природных условий и торговли резко изменилась, поэтому собранные Вознесенским коллекции в массе своей уникальны. Они представляют собой комплекты и серии различных предметов, связанных с обрядами, военной, праздничной и промысловой одежды (например, одежда из перьев, замшевая одежда атабасков), украшения, эскимосские маски, календари, предметы культа и многое другое. В общей сложности им было привезено 2829 этнографических предметов, из которых коллекции по колошам составляли 54 предмета (оружие, модели лодок, одежда, украшения и предметы культа), этнографические коллекции по атабаскам-кенайцам — 74 предмета (одежда, утварь), по кольцанам — 8 предметов (модели, одежда), коллекции, собранные у жителей Мсуней, — 12 предметов, у племени чугачи — 22, у катайцев — 38, эскимосов — 173, алеутов — 286, курильцев — 17, чукчей — 22. ⁵⁷ Привезенные коллекции были в очень хорошем состоянии. В дневнике собирателя имеются сведения о том, что он большое внимание уделял состоянию отдельных предметов. Так, например, там имелась следующая запись: «толмач колошенский Гедеонов принес две воинские деревянные маски, которые я отдал колошам для поправления и поновления, и прочие другие». ⁵⁸

Американские коллекции Вознесенского послужили материалом для многочисленных научных изысканий. ⁵⁹ Основная масса их опубликована.

⁵⁵ К. К. Гильзен. 1) Описание путешествия И. Г. Вознесенского. Архив АН, ф. 46, оп. 1, № 3, лл. 156—169; 2) Илья Гаврилович Вознесенский. Сб. МАЭ, т. III, СПб., 1915, стр. 1—14.

⁵⁶ Цитирую по статье: К. К. Гильзен. Илья Гаврилович Вознесенский, стр. 8.

⁵⁷ Архив АН, ф. 46, оп. 1, № 3, лл. 193—208; ф. 142, оп. 1, № 8, л. 20 и др.

⁵⁸ Б. А. Липшиц. О коллекциях Музея антропологии и этнографии, собранных русскими путешественниками и исследователями на Аляске и в Калифорнии. Сб. МАЭ, т. XVI, М—Л., 1955, стр. 364.

⁵⁹ С. А. Ратнер-Штернберг. Музейные материалы по тлингитам, вып. 1—3. Сб. МАЭ, т. VI, 1927; т. VIII, 1929; т. IX, 1933; S. V. Ivanov. Aleut Hunting Headgear and its Ornamentation (оттиск из: Proceedings of the 23-d International

Архив же ученого изучен лишь частично и ждет своего исследователя и издателя. Между тем в нем имеется много ценного. Особенно большой интерес представляют дневники И. Г. Вознесенского, содержащие много интересных этнографических данных и наблюдений.

Л. А. Загоскин в бытность свою на службе у Российско-американской компании (40-е годы) познакомился в одном из своих плаваний с И. Г. Вознесенским, благодаря дружбе с которым и сам «сделался минералог, энтомолог, конхиолог, зоолог и пр.». Этнографией он увлекался и ранее, а теперь начал подбирать коллекции, и дом его был заставлен и завешен «всеми возможными, что называется редкостями». ⁶⁰ Особенно много интересного он вывез из глубинных районов Аляски, куда предпринял экспедицию с целью выявления наиболее и удобных путей сообщения для вывоза мехов и меновой торговли с эскимосами и атабасками.

Написанная в результате этого путешествия «Пешеходная опись части русских владений в Америке» ⁶¹ представляет собой ряд очерков по географии, этнографии, истории и лексике упомянутых народов. Она была удостоена в 1849 г. Демидовской премии и до настоящего времени представляет непреходящий научный интерес.

Несмотря на трудность маршрута, проведенного в исключительно тяжелых условиях, вследствие чего он вынужден был ограничивать сбор коллекций («большие сборники, сверх обременения, могли бы связать действия экспедиции»), Л. А. Загоскин собрал большую коллекцию, в которую входила одежда, утварь, инструменты, а также предметы, связанные с религиозными культами ⁶² эскимосов, тлинкитов, атабасков и чукчей. ⁶³

Особенно большую ценность представляли собой образцы эскимосской резьбы и гравировки по кости, меховая одежда малейгмютов и эскимосов бассейна р. Кукоквим, замшевая и непромокаемая верхняя одежда из рыбьей кожи (камлея) с р. Квихпак и многое другое.

Ценным дополнением к этому уникальному собранию послужили два замшевых кенайских костюма и коллекция тлинкитской утвари, поступившие в Музей от капитана Российско-Американской компании А. Ф. Кашеварова, ⁶⁴ обследовавшего в 1838 г. на байдарке северо-западный берег Аляски и собравшего интереснейший этнографический материал по эскимосам северной части Русской Америки, ⁶⁵ коллекция по тлинкитам, поступившая от правителей Русской Америки И. А. Куприянова (1836—1841 гг.) и М. Д. Тебенькова (1844—1850 гг.), ⁶⁶ отдельные предметы — от капитана Архимандритова и некоторых других.

Собрание по Южной Америке пополнилось в этот период археологической коллекцией из захоронений близ Лимы, глиняными сосудами причудливой формы, изделиями из камня (62 предмета), а также краниоло-

Congress of Americanists, September, 1928, стр. 477—504); Е. Э. Бломквист. Рисунок И. Г. Вознесенского. Сб. МАЭ, т. XIII, М.—Л., 1951, стр. 230—303 и др.

⁶⁰ Л. А. Загоскин. Письмо из Америки. В кн.: Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг., Приложение, стр. 378.

⁶¹ Там же, стр. 43—322. — О первых изданиях «Описи» см. там же, стр. 29.

⁶² Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 10, лл. 1—2 («Коллекция лейтенанта Л. Загоскина»). — Описание коллекции Л. А. Загоскина в книге: Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М., 1956, стр. 449—452.

⁶³ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 537, 668, 704 и 752.

⁶⁴ Там же, колл. 518.

⁶⁵ А. Я. Кашеваров. Заметки об эскимосах в Русской Америке. Северная пчела, 1846, №№ 227—228.

⁶⁶ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 564.

гическим материалом (9 черепов) из того же района. Коллекция эта была собрана Шренком и по своей значимости в известной мере могла соперничать с лучшим (для того времени) собранием перуанских древностей, хранившимся в Копенгагенском музее.⁶⁷

Продолжали стекаться в фонды Музея и единичные поступления от различных частных лиц по различным народам Сибири: «самоедский костюм от мезенского мещанина Алексея Окладникова и товарища его Калинцева»;⁶⁸ «одежда жителей Туруханского края», «долганская одежда из семи частей», «тунгусская трубка» от купца Нарицына и крестьянина Богомолова;⁶⁹ «этнографические предметы из Восточной Сибири» от купеческого сына Богомолова;⁷⁰ кумган от остяка Ивана Еремина Тобольской губ., Березовского воеводства, Кушелевского погоста;⁷¹ «дар ясашных иноверцев — ламутское и якутское мужское и женское платье» от якутского казака Аргунова,⁷² и т. д. Существенно пополнились в эти годы собрания Музея по народам, обитающим в странах Юго-восточной Азии. В числе их следует отметить коллекции, поступившие в 1840—1842 гг. от вдовы барона Шиллинга фон Коннштадт (204 предмета), и собрание по быту и религиозным культам китайцев и баргу-бурятов (300 предметов) от Русской православной миссии в Пекине.⁷³

Кто именно собирал последнюю коллекцию, документально не известно, и мы можем лишь высказать свое предположение, что в комплектовании ее принимал участие В. П. Васильев, работавший в эти годы в Пекине. Прожив там около десяти лет, он собрал обильные материалы, главным образом по идеологии и истории религии народов Китая, и впоследствии приобрел известность как один из лучших русских китайстов своего времени.

Большой интерес представляла также коллекция по культуре народов Японии, поднесенная Музею в дар членом-корреспондентом Академии наук (проживающим в Джакарте) Овермейером Фишером;⁷⁴ предметы монгольского культа (89 предметов) от академика Я. И. Бередникова;⁷⁵ «китайские и корейские предметы, приобретенные у коллежского советника З. Леонтьевского» (64 предмета);⁷⁶ коллекция из Японии и Иль-де-Франс от некоего Кузнецова;⁷⁷ коллекция оружия и предметов быта с о. Борнео и Суматра;⁷⁸ коллекция с о. Целебес,⁷⁹ а также небольшое китайское собрание из Эрмитажа.⁸⁰

Это богатейшее собрание, однако, вскоре значительно сократилось. В 1864 г. заведующий Московским публичным музеем обратился с письмом к президенту Академии наук с просьбой «оказать Московскому пуб-

⁶⁷ A. Schiefner. Kurzer Bericht über die peruanischen Alterthümer des ethnographischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bulletin de la Classe Historico-philologique de l'Académie impériale de Sciences de St-Petersbourg, t. XVI, № 19, SPb., 1859, стр. 292—298.

⁶⁸ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1864), № 110, ИФ, § 44.

⁶⁹ Там же, § 94, 220.

⁷⁰ Там же, оп. 1а (1866), № 114, ИФ, § 46.

⁷¹ Там же, ф. 3, оп. 8, № 27, л. 4.

⁷² Там же, л. 13 об.

⁷³ Руссов, стр. 23 и 28.

⁷⁴ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 13; Архив АН, ф. 1, оп. 2 (1838), № 21, § 368.

⁷⁵ Руссов, стр. 25.

⁷⁶ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1867), № 115, ИФ, § 134; оп. 1а (1868), № 116, № 13.

⁷⁷ Руссов, стр. 25; Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 37.

⁷⁸ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1876), № 124, ИФ, § 98.

⁷⁹ Руссов, стр. 26.

⁸⁰ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1887), № 135, ФМ, §§ 182, 201.

личному музею содействие предоставлением ему дуплетов из Этнографического музея Академии»;⁸¹ «дуплеты» были отобраны и поднесены в дар вновь основанному музею.⁸²

Большое количество «китайских и японских произведений» было также передано в 1865 г. в Москву на этнографическую выставку в пользу Красного Креста и на Всероссийскую этнографическую выставку 1867 г., организованную на базе Московского публичного музея по инициативе Общества любителей естествознания при Московском университете. На последней из них экспонировались предметы быта народов, населяющих Россию и соседние с нею славянские земли (I отдел), «различные собрания, имеющие этнографический интерес» по разным народам мира (II отдел общей этнографии), а также антропологические и археологические коллекции.⁸³

Предприятие это было хорошо продумано и подготовлено. Подготовка к выставке началась с 1865 г.⁸⁴ В различные учреждения и губернские канцелярии рассылались запросы и «Инструкция собирания предметов для русской этнографической выставки и русского музея»,⁸⁵ составленная А. П. Богдановым.

От Этнографического музея Академии наук на выставку поступили коллекции по китайской одежде (военная одежда и различные принадлежности штатской мужской одежды), «знаки разных званий и чинов» («шарики, носимые на шляпах», «четырёхугольные шелковые нашивки с изображениями хищных зверей, птиц» и т. д.), образцы китайской женской одежды, посуды, музыкальные инструменты и примерно тот же ассортимент коллекций по японскому быту.⁸⁶ Выставка была открыта в торжественной обстановке в присутствии многих делегаций, в числе которых присутствовали и представители Академии наук.⁸⁷

В описываемый период директором Этнографического музея был академик А. А. Шифнер (с 20 ноября 1865 г. по 19 декабря 1878 г.).⁸⁸ Он был уроженцем Ревеля, университетское образование по отделению классической филологии получил в Петербурге, а затем несколько лет учительствовал в одной из петербургских гимназий. Прекрасное знание классических и новых европейских языков, а также санскрита, монгольского, маньчжурского и тибетского языков открыло ему путь в адъюнктуру Академии наук. Занятия его были очень разнообразны. Он много переводил и издавал оригинальных статей и материалов, как своих, так и других исследователей. Им были приведены в порядок и посмертно изданы материалы по этнографии и грамматике Кастрена, составлен санскрито-тибетомонгольский словарь,⁸⁹ написан ряд статей по тибетской и угрофинской фонетике и фольклору (например: «Тибетские эскизы», «Замечания о тибетской фонетике», «Об особом виде тибетской Composita», «Миф о сампо в финском эпосе», «Об эстонской мифологии» и др.) и сделан перевод финской поэмы «Калевала».

⁸¹ Там же, оп. 1а (1864), № 110, ИФ, § 43.

⁸² Там же, оп. 1а (1865), № 112, ИФ, § 59. — См. также: Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музеума. Составлено хранителем музея проф. В. Ф. Миллером, вып. 1. М., 1887, стр. IX.

⁸³ Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867, стр. 26.

⁸⁴ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1865), № 112, ОС, §§ 148, 181.

⁸⁵ Всероссийская этнографическая выставка... стр. 9.

⁸⁶ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 13, лл. 1—5 об.

⁸⁷ Там же, ф. 1, оп. 1а (1867), № 115, ОС, § 40.

⁸⁸ Там же, ф. 4, оп. 4, № 658, л. 183.

⁸⁹ Трёхязычный, т. е. санскрито-тибетомонгольский, словник. СПб., 1859.

В связи с решением Историко-филологического отделения Академии издать все имеющиеся в Академии материалы по языкам народов Кавказа⁹⁰ он был привлечен и к этой работе, в результате чего вышло большое количество материалов под его редакцией и оригинальных статей, посвященных языкам и фольклору народов Кавказа⁹¹ (например: «Опыт аварского языка», «Краткая характеристика языка тушинов», «Осетинские саги и сказки»). Научная и научно-организационная деятельность Шифнера была широко известна в России и за рубежом. Он вел переписку с виднейшими филологами (В. В. Радловым, В. Р. Розеном, И. В. Срезневским),⁹² был почетным членом чуть ли не всех научных обществ мира по этнографии и лингвистике⁹³ и сыграл большую роль в истории Этнографического музея.

С приходом Шифнера Этнографическому музею наконец формально передали этнографические коллекции Азиатского музея и его выставочные помещения. Под экспозицию было предоставлено два зала в 1-м этаже юго-западного здания Кунсткамеры, занимаемого ранее Анатолическим музеем, где объединенные коллекции и были выставлены по единому плану.⁹⁴

Об экспозиции конца 60-х — начала 70-х годов XIX в. имеются крайне скудные сведения. В архиве АН сохранилась лишь черновая опись одного из зал, коллекции в котором были размещены следующим образом: в нескольких шкафах экспонировались изделия китайских мастеров (фарфор, художественный металл, резьба по дереву и лаку, рисунки, одежда и вышивка); затем были выставлены японские рисунки и скульптура религиозного содержания; модели лодок, одежда и изделия из дерева курительных труб и айнов; одежда, украшения и оружие народов Кавказа и Крыма (курдов, лазов, черкесов, грузин, крымских татар и др.); одежда и предметы кочевого быта народов Средней Азии; одежда, оружие и утварь народов Монголии; коллекции одежды народов Сибири («тунгусов, якутов, коряков, камчадал, чукок, бурят, монгол и др.»). Помимо этого, несколько витрин было занято этнографическими коллекциями по народам Прибалтики и Скандинавии (финны, эсты, шведы), а также «каменными изделиями каменного и бронзового века».⁹⁵

Все эти коллекции были выставлены очень тесно, шкафы были буквально набиты предметами, в результате чего, как указывал работавший хранителем Музея (с 1865 по 1906 г.) Ф. К. Руссов, в круглом зале коллекции «по причине недостаточности помещения были только в ящиках, в складе».⁹⁶

⁹⁰ Там же, ф. 2, оп. 17, № 12, лл. 36—37.

⁹¹ Полный список трудов А. А. Шифнера см.: В. П. Ш а м и о т. Систематический алфавитный указатель статей, помещенных в периодических сборниках имп. Академии наук, а также сочинений, изданных Академиею отдельно, т. I. СПб., 1872, №№ 4276—5555; т. II. СПб., 1875, №№ 2464, 3688, 3918 и далее.

⁹² Архив АН, ф. 177, оп. 2 (1865—1871), № 275, лл. 1—23; оп. 2 (1870—1876), № 524; ф. 216, оп. 5 (1857—1878), № 668; ф. 4, оп. 4, № 658 и т. д.

⁹³ Bulletin de L'Academie Imperiale des Sciences de St-Petersburg, vol. I. SPb., 1860; ЦГИАЛ, ф. 4, оп. 4, № 658, лл. 94—95.

⁹⁴ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 31, л. 1. — Анатомический музей был перемещен в здание в Таможенном переулке, рядом с Зоологическим музеем (Архив АН, ф. 2, оп. 1 (1843), № 3, л. 16). В новом помещении экспозиционная площадь шкафов была на 140 аршин более, чем в предыдущем (335³/₄ аршина вместо 195²/₃ аршина) (Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 29, л. 18, № 31, л. 3—3 об.).

⁹⁵ Топографическая опись Этнографического музея, составленная в 1864—1865 гг. Ф. П. Кешеном (франц.). Там же, оп. 1 (1719—1927), № 115.

⁹⁶ Руссов, стр. 31.

Тем не менее посещаемость академических музеев (в том числе и Этнографического) неуклонно продолжала расти. С 1857 по 1864 г. она равнялась в среднем 10 000 посетителей в год; в 1872 г. достигла 41 132, а за 11 месяцев 1873 г. составляла 61 270 человек, причем в это число не входили «сотни воспитанников и воспитанниц высших и средних учебных заведений, ежегодно посещающих музеи в сопровождении своего начальства в дни, не назначенные для впуска публики».⁹⁷

А. А. Шифнер.

Особенно большое количество публики в Академических музеях скапливалось в воскресные и праздничные дни (до 9000 человек). Однако состав ее вызывал тревогу у администрации Академии наук. «В прежнее время, — читаем мы в протоколе общего собрания Академии,⁹⁸ — когда в музеи пускали только по выдававшимся заранее билетам, они оставались недоступными для любознательных простолюдинов; теперь же, наоборот, в них неудобно ходить чистой публике, непривыкшей толкаться по неопрятной толпе». «Двенадцатилетний опыт показал, — говорится там же

⁹⁷ Сведения, заимствованные из Записки президента Академии наук Ф. Литке Министру народного просвещения от 10 XII 1873 г. Архив АН, ф. 2, оп. 1 (1873), № 8, лл. 79—85.

⁹⁸ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1876), № 124, ОС, § 17.

далее, — что теперь музейную публику составляют почти одни низшие классы». Основываясь на этом, директор Зоологического музея академик Ф. Ф. Брандт предложил: «Чтобы привлечь в музеи и посетителей высшего класса», открыть «в виде опыта» музеи еще один раз в неделю, в будни (когда простолюдины работают), и притом за плату. Предложенная им мера вскоре и была проведена в жизнь.⁹⁹

В своих докладных записках президенту Шифнер неоднократно подчеркивал громадную научно-просветительную роль Музея. К 1874 г. он добился, наконец, хотя и незначительного, но все же увеличения бюджета Музея¹⁰⁰ и некоторого улучшения планирования сбора коллекций, в частности коллекций по археологии. В результате бесконечных реорганизаций академических музеев случилось так, что ни один из них не занимался коллекционированием отечественных древностей. А. А. Шифнер и К. М. Бэр неоднократно призывали к организации экспедиций для сбора на территории России палеолитических и неолитических памятников, в частности «каменных орудий и керамики», и доказывали, что сбором их должен заниматься именно Этнографический музей.¹⁰¹

По настоянию Этнографического музея Историко-филологическое отделение Академии наук обратилось к участникам Археологического съезда (1869 г.) с призывом «возбудить суждение о средствах, которыми можно было бы обеспечить успех в отыскании доисторических древностей при земляных работах, производимых при построении железных дорог».¹⁰²

Результаты не замедлили сказаться. В упоминавшейся выше описи выставленных коллекций Этнографического музея (1864—1865 гг.) уже упоминаются «древности каменного и бронзового века».

Первые археологические материалы начали поступать из разных мест: из развалин г. Сарай (50 предметов), из Олонецкой губернии, с Алтайских гор и Киргизских степей,¹⁰³ коллекции «мерянских древностей»,¹⁰⁴ с побережья Каспия и др.¹⁰⁵ В 70-е годы количество и круг их поступления значительно увеличились (Крым, Сибирь, Амурский край, Средняя Азия¹⁰⁶ и др.). Появляется также и сравнительный археологический материал из Франции, Скандинавии, Америки, Швейцарии и др.¹⁰⁷

Для того времени это была уже неплохая коллекция. Из «Донесения исправляющего должность хранителя Этнографического музея Руссова об осмотре им заграничных этнографических музеев, читанного на заседании Историко-филологического отделения 28 I 1869 года»,¹⁰⁸ мы узнаем, что даже в «самом богатом» для того времени Берлинском этнографическом музее, «служащем образцом для других музеев», коллекция древностей «только количеством экземпляров превосходит здешнюю (т. е. коллекцию петербургского Этнографического музея, — Т. С.), которая однакож не уступает ей в разнообразии типов».¹⁰⁹ Существенным недостат-

⁹⁹ Там же, § 104.

¹⁰⁰ С 1874 г. бюджет Музея был увеличен до 1250 руб. в год (750 руб. на жалованье ученому хранителю и 500 на содержание и пополнение Музея), см.: Архив АН, ф. 2, оп. 1 (1873), № 8, л. 106.

¹⁰¹ Бэр и Шифнер. О собирании доисторических древностей в России для Этнографического музея. Записки имп. Акад. наук, т. I, кн. 1, СПб., 1862, стр. 122—123.

¹⁰² Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1869), № 117, ИЯ, § 17.

¹⁰³ Там же, ф. 142, оп. 1 (1855), № 5, л. 15.

¹⁰⁴ Там же, оп. 1 (1851—1854), лл. 22—23.

¹⁰⁵ Там же, ф. 1, оп. 1а (1865), № 112, ИФ, § 92.

¹⁰⁶ Там же, оп. 1а (1866), № 114, ОС, § 111.

¹⁰⁷ Руссов, стр. 31; Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1868), № 116, §§ 140, 155 и др.

¹⁰⁸ Записки имп. Акад. наук, т. 15, СПб., 1869, стр. 100—104.

¹⁰⁹ Там же, стр. 100.

ком «берлинской экспозиции», указывал Руссов, является и то, что «древности выставлены в 2-х рядах витрин без всяких надписей». В Германском музее в Нюрнберге, сообщает он далее, «отдел древностей доисторических беден численностью экземпляров», в Венском музее «число этих древностей однако не превосходит нескольких десятков». Одним словом, заключает он, «подобной коллекции каменных орудий, как например наша

К. М. Бэр.

Бутеневская из Олонецкой губернии, дополненная недавно множеством слепков с таких орудий, найденных в разных частях Финляндии, я не встречал нигде».¹¹⁰

Поскольку впоследствии Анатомический музей Академии наук вошел в состав Этнографического, для нас представляет интерес процесс накопления в его фондах материалов по антропологии. Эта дисциплина начинает завоевывать свое место в Академии лишь с 40-х годов, когда к руководству Анатомическим кабинетом приступил К. М. Бэр. Все его предшественники, в том числе и руководивший до него много лет работой кабинета П. А. Загорский, вели научную работу и комплектование коллекций исключительно по линии анатомической,¹¹¹ в результате чего

¹¹⁰ Там же, стр. 103.

¹¹¹ Архив АН, ф. 129, оп. 1, № 256.

в 1842 г. в кабинете имелось всего 3 черепа, не снабженные притом паспортами.¹¹²

Приняв на себя заведование Кабинетом (1842 г.), К. М. Бэр начинает интенсивно собирать черепной материал, используя «на постепенное учреждение коллекций предметов по части физической антропологии»¹¹³ все возможные пути и средства.¹¹⁴

Так, в частности, он вступает в контакт со столичными и местными археологами и этнографами, с помощью которых Кабинет начинает систематически пополняться современным и ископаемым краниологическим материалом.

К 1850 г. фонды Анатомического музея состояли из антропологической коллекции (170 современных черепов и 50 ископаемых, в числе которых имелись черепа современных белорусов, финнов, бурят, эстонцев, ненцев, карагасов (тофаларов) и других народов) и сравнительно-анатомической (83 черепа народов Индии, Кавказа, Сибири и Америки).¹¹⁵

В дальнейшем приток материала увеличивался с каждым годом. Так, например, в сообщении о новейших приобретениях 1859 г. К. М. Бэр извещал, что только за 3 месяца в Кабинет поступили: 5 черепов латышей, 2 якутских черепа, черепа орочен (эвенов) из Нерчинска и татар из Казани, черепа из Ситхи и из Армении; 5 черепов персов, черепа вогул (маньси), 3 черепа восточных киргиз, 6 черепов северных киргиз, 2 черепа обских самоедов (ненцев), 2 — остяков (хантов), 2 — сартов (таджиков).¹¹⁶ Происходило также пополнение и ископаемых черепов: череп макроцефала из кургана близ г. Керчи,¹¹⁷ черепа и кости из Крыма, из пещер Димбаш-Коба и Сюндюрлюпок, из дольмена близ деревни Бинок-Мускомье, из могил близ Ялты, из Тепе-Кермен, Суух-Коба и др.¹¹⁸ Описание ряда этих раскопок было опубликовано в журнале «Russische Revue».¹¹⁹

Анатомические коллекции пополнялись главным образом терратологическими экспонатами.¹²⁰ Однако приток этих коллекций был значительно меньший, чем антропологических. Изменившееся направление в работе привело к тому, что Анатомический кабинет Академии наук постепенно приобрел антропологический профиль; на его основе впоследствии вырос антропологический отдел Музея антропологии и этнографии.

Научно-исследовательские работы К. М. Бэра по антропологии представляют собой многочисленные публикации по краниологии различных этнических групп населения России и зарубежных стран¹²¹ и оригинальные научно-исследовательские работы.

¹¹² Memoire K. E. Baer's über das Anatomische Kabinet, Сб. МАЭ, I, СПб., 1900, стр. 112.

¹¹³ Архив АН, ф. 1, оп. 2 (1842), № 13, ФМ, § 22.

¹¹⁴ Там же, ф. 2, оп. 1 (1843), № 3, л. 3.

¹¹⁵ Memoire K. E. Baer's. . . , стр. 112.

¹¹⁶ Bulletein de L'Academie Imperiale des Sciences de St-Petersburg, т. I, стр. 339—340.

¹¹⁷ Там же, стр. 341.

¹¹⁸ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1875), № 123, ОС, § 3.

¹¹⁹ Russische Revue, 1874, December, SPb., стр. 527, 539.

¹²⁰ Архив АН, ф. 2, оп. 1 (1847), № 11 («Дело о доставке уродов с 1847 по 1873 г.»), лл. 1—112; ф. 2, оп. 1 (1850), № 6; ф. 1, оп. 2 (1840), § 318, 462; оп. 2 (1844), §§ 72, 170, 271; оп. 2 (1846), § 50; оп. 2 (1848), § 282; оп. 2 (1866), §§ 76, 261 и др.

¹²¹ К. М. Б э р. О черепах ретийских романцев. Записки имп. Акад. наук, т. I, кн. 1, СПб., 1862, стр. 162—185; К. Е. В а е р. Die Makrokephalen im Boden der Krim und Oesterreichs verglichen mit der Bildungsabweichung welche Blumenbach macrocephalus genannt hat. Mémoires de l'Academie impériale des sciences de St-Petersbourg, VII-me Série, т. II, 1860, № 6, стр. 1—78.

Особый интерес представляет собой работа К. М. Бэра «*Crania selecta ex thesauris anthropologicis Academiae Imperialis Petropolitanae inco-nibus et descriptionibus illustravit*» со статьей о папуасах и альфурах,¹²² где он не только рассматривает черепа некоторых народов, но касается и общих вопросов происхождения человеческих рас. Будучи по своим воззрениям моногенистом, он признавал большое влияние внешней среды (климата, питания) на пути и ход расообразования.

По мнению Бэра, среди населения Меланезии распространены 2 расы — австралийская, с которой сближаются альфуры, и негрская, к которой принадлежат папуасы. Это исследование увлекло Н. Н. Миклухо-Маклая, предпринявшего несколькими годами позже экспедицию на Новую Гвинею.¹²³

К. М. Бэр вел в Академии наук и большую научно-организационную работу, в частности был инициатором ряда экспедиций и участником некоторых из них. Именно по его замыслу была организована комплексная экспедиция в Восточную Сибирь для определения пределов и условий органической жизни на крайнем севере. Во главе экспедиции был поставлен уже ранее сотрудничавший с ним в Лапландской экспедиции (1839 г.) А. Ф. Миддендорф.

В 1864 г. Бэр возглавил Этнографический отдел Русского географического общества. В своем программном докладе он сформулировал цели и задачи этнографической науки следующим образом: будучи наукой исторической, этнография должна дополнять историю там, где не имеется прямых исторических данных, причем делать это по возможности скорее, так как в поступательном ходе просвещения «сглаживается различие племен». Этнографы должны спешить зарегистрировать то, что еще сохранилось. Данные этнографии имеют одну отличительную особенность: это «сокровище, которое с течением времени возрастает в цене».¹²⁴

Чтобы охватить возможно больше число лиц сбором этнографических материалов, Бэр рассылал циркуляры и программы в губернские канцелярии и местные научные общества с призывом к местной интеллигенции и администрации доставлять в Географическое общество описание районов и сел, собирать коллекции. Этот призыв не остался без результатов, а собранные коллекции впоследствии влились в фонды Музея антропологии и этнографии.

Как уже говорилось, вновь созданный Этнографический музей находился в тяжелых условиях. Помещение его было тесно, штат мал. В аналогичном положении находились и другие академические музеи. По инициативе Бэра, Шифнера и сотрудников других музеев Академии наук Общее собрание неоднократно ставило и обсуждало вопрос о бюджете, направлении деятельности и структуре музеев и привлекало к дебатам по этим вопросам Министерство просвещения.

Выдвигался ряд проектов реорганизации. В соответствии с одним из них предполагалось вновь слить музеи в единый Центральный музей с многочисленными отделами по всем дисциплинам, как это было некогда в Кунсткамере; с другим — создать две группы музеев, первая из которых

¹²² F. E. B a e r. Über Papuas und Alfuren. Ein Commentar zu den beiden ersten Abschnitten der Abhandlung *Crania selecta ex thesauris anthropologicis Academiae imperialis Petropolitanae*. Mémoires de l'Académie impériale des Sciences de St-Petersbourg, VI-me Série, Sciences naturelles, t. VIII, 1859, стр. 269—346.

¹²³ См.: М. Г. Л е в и н. Очерки по истории антропологии в России. М., 1960, стр. 1—175.

¹²⁴ К. М. Б э р. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности. Записки РГО, кн. I, 1846, стр. 94.

(«научная») должна была служить базой для научных работников, другая («публичная») — для целей просвещения.¹²⁵

В 1860 г. академики Бэр и Шифнер выдвинули новый проект, в соответствии с которым предлагалось создать Центральный музей, но несколько иного типа. По их замыслу, этот музей должен был в своих стенах объединять все данные о происхождении человека и его культуре на базе трех наук — антропологии, археологии и этнографии.

В материалах Комиссии, созданной по этому поводу (в составе директоров обоих упомянутых музеев — А. А. Шифнера и Ф. В. Овсянникова — и академиков А. А. Штрауха и Л. И. Шренка), говорилось, что оба музея находятся в «полнейшем застое», что структура их не совершенна, ибо «этнографический музей без краниологической коллекции — это, некоторым образом, то же, что и дом без фундамента». Если соединить в одном музее краниологическое собрание, «остатки доисторического человека на почве России» и этнографические коллекции, «принимая в соображение, сколько у нас уже и теперь имеется подходящих к нему интересных коллекций, мы смело можем сказать, что наш Музей и в настоящее время занял бы почетное место среди музеев Европы».¹²⁶

Комиссия подчеркивала и тот факт, что музеи аналогичного профиля «в настоящее время учреждены или учреждаются повсюду в Европе».¹²⁷

Действительно, во второй половине XIX в. создается ряд национальных музеев, значительный процент коллекций которых составляли этнографические, антропологические и археологические собрания: в 1855 г. был основан Новый музей в Берлине, сосредоточивший коллекции по археологии и этнографии;¹²⁸ в 1852 г. — Германский музей в Нюрнберге; в конце 60-х годов создается этнографический отдел Британского музея;¹²⁹ в 1878 г. — этнографический музей Тракодери в Париже; в 1885 г. — этнографо-археологический музей Рикс в Амстердаме;¹³⁰ в 1893 г. — Финский государственный историко-этнографический музей,¹³¹ и т. д.

Последнее место в хронологическом ряду рождения национальных музеев занимала Америка: Вашингтонский национальный музей был создан в 50-х годах, Музей археологии и этнографии — в 1866 г., а центральный Музей искусств в Нью-Йорке и Бостонский музей — в 1870 г.¹³²

После длительных прений и обсуждений проект Бэра и Шифнера был утвержден. 5 декабря 1878 г. Физико-математическое отделение Академии наук приняло решение «вместо нынешних двух музеев Антропологического и Этнографического учредить при Академии один Музей — Музей антропологии и этнографии».¹³³

¹²⁵ Приложение к протоколу общего собрания Академии наук. Записки имп. Акад. наук, т. V, 1864, стр. 126—138.

¹²⁶ Архив АН, ф. 2, оп. 1 (1878), № 6, лл. 3 об., 6—7.

¹²⁷ Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 33, л. 7.

¹²⁸ K. Preuss. Adolf Bastian und heutige Völkerkunde. Baesler Archiv. B. X. Borl, 1926, стр. 1.

¹²⁹ British Museum Handbook to the ethnographical collections. Oxford, 1910, стр. 1.

¹³⁰ F. J. Dupars. Origine et administration des Musées des Pays-Bas. Museum, vol. XV, 1962, № 2, стр. 72.

¹³¹ Guide to the National Museum. Helsinki, 1952, стр. 4.

¹³² Journal de la Société des Americanistes, 1958, N. S., т. XLVII, стр. 261.

¹³³ Архив АН, ф. 2, оп. 1 (1878), № 6 (разрядка наша, — Т. С.).

Глава IV

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ (1879—1917 гг.)

Общественно-политическая жизнь конца XIX—начала XX в., насыщенная борьбой прогрессивных сил за подготовку и победу первой социалистической революции в России, наложила свой отпечаток на ход и пути развития отечественной науки.

На фоне борьбы идеализма и материализма в естественных и исторических науках особенно важное значение приобретали вещественные материалы, собранные в музеях. Разнообразные костные останки человека и памятники древних культур оказывали незаменимую помощь в изучении истории развития человека и человеческого общества. Медленно, но неуклонно создавалась методология и методика диалектического материализма, открывшая человечеству истину его рождения и развития.

В начале этого периода появляются первые марксистские работы — «Диалектика природы» (1882 г.)¹ и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) Ф. Энгельса, труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (1899 г.), — которые использовали в своей фактической части значительные материалы по антропологии и этнографии.

Немалая роль в накоплении научных материалов по антропологии и этнографии принадлежала русским исследователям, собиравшим их зачастую с риском для жизни в очень трудных условиях. Большим уважением были окружены имена знаменитых русских путешественников и ученых XVIII—первой половины XIX в. — С. П. Крашенинникова, Г. И. Лангсдорфа, Ю. Ф. Лисянского, К. М. Бэра, И. Г. Вознесенского, Л. И. Шренка и многих других, благодаря деятельности которых к концу XIX в. академический Музей располагал богатыми собраниями по этнографии и антропологии.

10 ноября 1879 г. Государственный совет утвердил проект Академии о слиянии анатомического и этнографического музеев и постановил: «Вместо существующего при императорской Академии наук анатомического музея, устроить из принадлежащих ему коллекций, а также коллекций этнографического музея — Музей по антропологии и этнографии».²

Цели и задачи вновь созданного Музея, полное название которого было «Музей антропологии и этнографии преимущественно России», были изложены в Уставе следующим образом:

«Этнографический музей — центральное учреждение в Империи для изучения различных человеческих племен и их культурного развития, особенно живущих в Русском государстве. . . имеет целью:

а) собрать по возможности полную коллекцию этнографических и антропологических предметов всего человеческого рода, а главным образом народностей, живущих в пределах Русского государства или имеющих с Россией более тесные сношения;

б) собирать доисторические древности, найденные в России;

в) заботиться о соответствующей постановке предметов в трех отделах: по антропологии, по этнографии и по доисторической археологии; . . . Этногра-

¹ Первое русское издание «Диалектики природы» вышло в Москве в 1925 г. (Архив Маркса—Энгельса, кн. II).

² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 142 (1879), д. 663, лл. 5, 15; Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1879), № 127, ФМ, § 256.

фический музей должен быть, по возможности, открыт для публики и доступен всем ученым, занимающимся этнографией, антропологией и археологией, для их научных занятий».³

Первый период собирательской деятельности объединенного Музея не отличался какой-либо системой. Вновь созданное учреждение едва еще становилось на ноги, и фонды его пополнялись главным образом от частных собирателей. Наибольший интерес из зарубежных поступлений этого периода составляли коллекции по этнографии Африки, Австралии и Океании, поднесенные в дар Музею знаменитыми отечественными путешественниками — Н. Н. Миклухо-Маклаем и В. В. Юнкером.

Как подчеркивает В. И. Ленин в своем классическом труде «Империализм как высшая стадия капитализма», конец XIX в. был периодом бурного развития колониализма. Все меньше и меньше сохранялось независимых областей, количество же поработанных территорий возрастало с каждым годом. Только с 1876 по 1900 г. процент захваченных империалистами африканских территорий возрос с 10.8 до 90.4.⁴ Фиксация культуры этих народов, еще не затронутых европейским влиянием, представляла громадный интерес.

Многие зарубежные путешественники, обследовавшие во второй половине XIX в. африканский континент, а также Австралию и Океанию, были не столько учеными, сколько пособниками колониалистов, на средства которых они и предпринимали эти путешествия. В числе их можно назвать Г. Стенли, способствовавшего экспансии своих бельгийских хозяев в Конго; англичанина Гордона, немцев Э. Шнитцера и О. Фиша, итальянца Р. Джесси и многих других.

В. В. Юнкер предпринял путешествие в Африку по собственному почину, на личные средства. Он установил границы расселения крупных народностей и племенных групп в центральной части Африки, детально изучил их материальную и духовную культуру и в первом же своем путешествии (1875—1878 гг.) собрал коллекцию по естественной истории и этнографии населяющих ее народов.⁵

Интереснейшая в научном отношении и богатейшая по числу экспонатов этнографическая коллекция характеризовала культуру и быт народов, обитавших в восточной части Центральной и Восточной Африки и известных лишь по названию (азанде, калика, бонго, монбету, баньеро, баганде, мелкорослые племена пигмеев и др.). Среди предметов, составлявших ее, были орудия охоты и рыболовства, оружие, одежда, утварь, музыкальные инструменты, предметы культа и многое другое. Была представлена и небольшая краниологическая коллекция по этим же племенам и народам (27 черепов).

Вторая часть коллекции была собрана в султанате Дарфур (ныне вошедшем в состав республики Судан). В нее входили главным образом «предметы, приготовленные и употребляемые обитающими в ней племенами аравийского происхождения», т. е. народами, говорившими на арабском языке.

Меньший этнографический интерес имела третья группа экспонатов, приобретенная в Египте (мумии, скарабей, статуэтки и др.).⁶

Общее количество предметов равнялось 1896. По приезде Юнкер выставил коллекцию в своей квартире на Мойке, где она заняла три боль-

³ Архив АН, ф. 6, оп. 1 (1894), № 8, л. 94.

⁴ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 27, М., 1962, стр. 373.

⁵ См.: W. J u n k e r. Reisen in Afrika, Bd. I—III. Wien, 1889—1891.

⁶ Архив АН, ф. 2, оп. 1 (1879), № 1, лл. 7—9.

шие комнаты. Выставка вызвала широкий интерес, ибо в Музее антропологии и этнографии, располагавшем довольно значительными собраниями по культуре и быту народов Азии, Америки и Австралии, до тех пор имелось и экспонировалось лишь незначительное количество предметов из Африки, и то с хорошо знакомого европейцам, часто посещаемого судами западного берега материка. Подробное описание выставки Юнкера публиковалось в «Санктпетербургских ведомостях» на немецком языке.⁷ Безымянный автор обзора, видимо, был иностранцем. Заклучая свое описание, он писал: «Было бы очень жалко, если бы эта великолепная коллекция осталась на родине у собирателя, потому что Берлин и Лондон были бы очень счастливы приобрести эти коллекции».

Не разделяя сожалений автора, можем сообщить, что европейские музеи действительно собирались купить у Юнкера коллекции, однако он «как русский подданный и уроженец С.-Петербурга предпочел отклонить все предложения, представить всю свою коллекцию безвозмездно нашей Академии наук». Академическое собрание, выразив «признательность за столь патриотическое приношение, в редкой степени обогатившее ее музей», предприняло ходатайство, по которому ученый был награжден орденом Святого Владимира.⁸

Коллекция Юнкера⁹ и в наши дни представляет исключительный интерес, ибо все предметы быта по этим районам Африки, поступавшие в Берлинский музей народоведения и другие музеи мира, были собраны в более позднее время.¹⁰

Вторая уникальная коллекция поступила в Музей в 1895 г. от Н. Н. Миклухо-Маклая, который формально также не был связан с Петербургской Академией наук. Свои знаменитые путешествия он совершал при поддержке Географического общества.

В 1871 г., снабженный инструкциями академиков К. М. Бэра и Ф. Ф. Брандта, Миклухо-Маклай отправился в путешествие на Новую Гвинею, где и прожил 15 месяцев, изучая антропологию и быт папуасов.

В память его научного подвига впоследствии эта часть Новой Гвинеи получила наименование «Берега Маклая». Затем он обследовал население Малайского архипелага и Филиппинских островов, юго-западного берега Новой Гвинеи, Меланезии и Микронезии.

Более 14 лет провел неутомимый исследователь в непрерывных путешествиях. Он не только собрал материал и создал много ценных научных трудов, но и стал другом местных жителей, не раз защищая их от произвола расистов-колонизаторов.

Многие выдающиеся современники знаменитого путешественника прекрасно понимали громадное научное и общечеловеческое значение его трудов и всячески торопили их опубликование. В открытом письме к Миклухо-Маклаю Л. Н. Толстой писал: «...если ваши коллекции очень важны, важнее всего, что собрано до сих пор, во всем мире, то и в этом случае все коллекции ваши и все наблюдения научные ничто

⁷ Ein Stündchen in Inner Afrikas. St.-Petersburger Zeitung, hr. 84—153, Tahrang Sonntag 25 März (6 April); 1879.

⁸ Архив АН, ф. 2, оп. 1 (1879), № 1, лл. 8 об., 13.

⁹ Опубликованы эти коллекции были лишь в советское время. См.: А. И. С о б ч е н к о. 1) Этнографическая коллекция В. В. Юнкера по народам Африки в собраниях Музея антропологии и этнографии. Сб. МАЭ, т. XV, М.—Л., 1953, стр. 411—447; 2) Коллекция В. В. Юнкера по пигмеям в собраниях Музея антропологии и этнографии. Сб. МАЭ, т. XVI, М.—Л., 1955, стр. 308—321.

¹⁰ Czekanowski Forschungen in Nie-Kongo Zwischengebiet, Bd I—II. Leipzig, 1924.

в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которое вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом. . . Напишите эту историю и сослужите большую и хорошую службу человечеству».¹¹ Однако большая часть его работ была издана только в советское время.¹²

В своих антропологических работах Миклухо-Маклай доказывал единство всего человечества и общность различных рас — идеи, имевшие большое значение для борьбы с расистами, которые выступали с теориями биологического превосходства белых рас над цветными. Как этнограф он дал очень точные описания материальной культуры, быта, искусства, верований и общественного уклада изученных им племен и народов.

Миклухо-Маклаем были собраны ценнейшие коллекции по этнографии и антропологии народов Океании, сопровождавшиеся прекрасно исполненными портретными и этнографическими зарисовками.¹³ Коллекции эти подбирались по сериям, комплексно, ибо при сборе их, как сообщал сам ученый, он имел в виду не простое пополнение Музея, а главным образом материал для дальнейших научных исследований в кабинетных условиях.

Сбор многих коллекций (коллекция черепов, коллекция волос) представлял большие трудности из-за религиозно-магических представлений населения; громадный научный интерес представляли коллекции каменных и костяных орудий, одежды и украшений, утвари, скульптуры из дерева и глины, оружия, предметов культа, масок и музыкальных инструментов с Новой Гвинеей, о. Адмиралтейства, различных островов Тихого океана, о. Целебеса и др. Количество собранных им предметов по этнографии равнялось 260; общее количество сделанных ученым зарисовок, являющихся до сих пор одним из лучших украшений Музея, превышало 700.¹⁴

Поднося свою коллекцию Музею, Миклухо-Маклай писал: «Коллекция, предоставляемая мною Академии наук, была собрана на островах Тихого океана во время, когда жители этих островов не были вовсе (как на берегу Маклая на Новой Гвинее, например) или в весьма редких сношениях (острова Адмиралтейства, остров Луб и другие) с европейцами и находились еще в так называемом «каменном веке», который ныне почти что совершенно исчез. Ввиду этого, моя коллекция приобретает особенное значение для науки. О ценности ее и говорить нечего, так как в ближайшем будущем, даже, вероятно, и в настоящее время, подобную невозможно будет приобрести ни за какие деньги, потому что каменные орудия совершенно выйдут из употребления и люди, которые умели употреблять их. . . вымрут».¹⁵ Коллекция эта, первоначально выставленная для обозрения в Конференц-зале Академии наук, вызвала горячий интерес. Входящие в нее предметы — орудия труда, оружие, одежда и утварь, принадлежности культа — все в одинаковой мере являлись уникалами.

Советская наука с особым уважением относится к памяти Н. Н. Миклухо-Маклая, роль которого в борьбе с колониализмом очень велика.

¹¹ Неделя, 1888, № 15.

¹² Лучшим изданием трудов Миклухо-Маклая является Собрание сочинений в 5 томах, изданное Институтом этнографии АН СССР в 1950—1954 гг.

¹³ Описания их см.: Н. А. Б у т и н о в. Рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая. Сб. МАЭ, т. XII, М.—Л., 1949, стр. 213—232.

¹⁴ Все они описаны и опубликованы в томе V Собрания сочинений (М.—Л., 1954, 415 стр.).

¹⁵ Архив АН, ф. 143, оп. 1 (1885), № 39, л. 13.

Недаром ведущему этнографическому учреждению страны — Институту этнографии Академии наук СССР — присвоено его имя (1947 г.).

В наши дни, когда во всем мире широко развернулась борьба за полную ликвидацию колониальной зависимости, собранные Миклухо-Маклаем и хранящиеся в Музее материалы, а также статьи и печатные материалы

Н. Н. Миклухо-Маклай.

ученого приобретают особое значение. Вероятно, еще не раз представители передовой науки сумеют использовать их для борьбы с остатками колониализма и расовой дискриминацией. Коллекции и материалы Миклухо-Маклая вошли в научный обиход и широко используются в трудах позднейших исследователей.¹⁶

К этому же времени (90-е годы) относится поступление богатейших коллекций по этнографии чукчей, коряков, ламутов (эвенов), юкагиров и русского населения Анадырского округа, собранных начальником ок-

¹⁶ А. Б. П и о т р о в с к и й. Культура папуасов залива Астролябии по исследованиям Н. Н. Миклухо-Маклая. Изв. Гос. геогр. общ., т. 71, 1939, вып. 1—2; М. Г. Л е в и н. Очерки по истории антропологии в России, и др.

руга, воспитанником Петербургского университета Н. Л. Гондатти,¹⁷ и многочисленных коллекций из Географического общества (1891—1892 гг.) на базе которых, по первоначальному замыслу, должен был вырасти собственный музей Общества.

Однако интерес к этнографии со стороны ученых, общественных деятелей и широких слоев народа мало влиял на финансовые органы, тормозившие нормальное развитие Музея. Об этом периоде впоследствии так вспоминал хранитель Музея Ф. К. Руссов: «Размещенный в двух разделенных улицей зданиях, лишенный рабочего кабинета, как в одном, так и в другом Отделении, снабженный скудными средствами, ограниченный

Вид здания Музея, а впоследствии фондов его, с Таможенного переулка.

при наличии соединенных собраний двух музеев рабочими силами одного хранителя и одного служителя — вновь созданный Музей представлял в действительности довольно нескладный организм, который имел мало шансов на жизнеспособность, ибо сколько-нибудь решительное, фактическое преобразование в переполненных помещениях с самого начала было исключено».¹⁸

Только в 1887 г. Музею было наконец предоставлено сравнительно просторное выставочное помещение (состоящее из двух залов) на втором этаже флигеля, пристроенного к зданию Кунсткамеры со стороны Таможенного переулка.¹⁹ В этом помещении 23 сентября 1889 г. и открылась первая экспозиция²⁰ объединенного Музея. Открытие, впрочем, носило формальный характер, так как Академия не отпустила средств на наем служителей для охраны помещения. Только два года спустя «пособие» размером в 400 рублей в год было наконец получено, и весной 1891 г.

¹⁷ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 395, 407, 408, 422, 425, 434—436, 441—446 и др.; Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1904), № 151, § 285.

¹⁸ Руссов, стр. 3.

¹⁹ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1890), № 137, ФМ, § 7; ф. 142, оп. 1 (1927), № 3, л. 2.

²⁰ Там же, ф. 6, оп. 1, № 1, л. 53.

состоялось фактическое открытие Музея антропологии и этнографии для широкой публики.²¹

Первая экспозиция его подразделялась на «отделение доисторических каменных орудий», «краниологическое или антропологическое отделение» и «этнографическое».

Путеводитель, составленный для осмотра этой экспозиции Ф. К. Руссовым, начинался с краткого введения, а затем давал объяснения по отделам, начиная с «древностей, относящихся к эпохе бронзы и железа». В числе их имелись «медные орудия и оружия и проч., найденные в Восточной Сибири и приписываемые древнему финскому народу чуди», «древние Сибирские конские удила, стремена, широкие сошники и пр. из железа и чугуна», «разные мелкие чудские изделия», «мелкие предметы, найденные в курганах Тверской губ.», «металлические изделия» из Вологодской губ., из развалин монастыря Мсхет близ Тбилиси, предметы из курганов близ Мелитополя и Крыма, Владимирской и Ярославской губерний, «остатки различной домашней утвари из камня, глины, стекла, кости и металлов» с Поволжья, из Бухары, Кульджи и Семиречья. Большая часть предметов была выставлена по принципу материала: поделки из бронзы, из железа, керамические изделия и т. д. Керамические изделия, в свою очередь, подразделялись на «крупные сосуды», «мелкие сосуды», «лепные изделия», «изразцы». В ряде случаев параллельно экспонировался и сравнительный материал. Так, например, рядом с бронзовыми орудиями из Восточной Сибири были помещены бронзовые орудия из Дании.

Этнографическое собрание, по замыслу устроителей, должно было показать «житийский быт инородческих племен, обитающих в пределах России, культуры соседствующих с Россией восточных стран, а также религиозные верования их жителей».²² Экспозиция подразделялась на разделы: Россия, Азия, Африка, Австралия и Америка; характер ее был вещеведческий. Размещались коллекции довольно беспорядочно. Предметы культуры одного и того же народа (например, гиляков, якутов) помещались в различных витринах, в различных концах зала и даже разных залах.

В ряде случаев коллекции группировали тематически, по разделам, например: «Художественно-промышленные изделия», «Принадлежности буддийской веры».²³ Иногда внутри раздела встречались тематические витрины, примером чего может служить витрина «Духовые инструменты». В ней были помещены: «бамбуковая флейта с двумя отверстиями, принадлежащая папуасам; рог из слоновьего клыка (негры); панова флейта островитян Тихого океана; рожок из рога антилопы; деревянная китайская флейта; тростниковая флейта негров; духовой деревянный инструмент негров; китайская составная флейта, прототип простого органа; большая деревянная сигнальная труба в виде мужской фигуры (Африка); обвитый березовой корой пастуший рог Могилевской губ.; морская раковина, служащая сигнальным рожком у папуасов (Новая Гвинея); латышская дудка Витебской губ.».²⁴

²¹ Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг., т. II, ч. I, СПб., 1917, стр. 245.

²² Архив АН, ф. 2, оп. 1, № 6, лл. 30—34.

²³ Путеводитель по Музею императорской Академии наук по антропологии и этнографии. СПб., 1891 (далее: Путеводитель, 1891), стр. 3—5, 21—27 и др.

²⁴ А. Е л и с е е в. Из истории культуры. Очерк. Обзор этнографического и антропологического Музея императорской Академии наук. Нива, 1895, №№ 11—19 (отдельный оттиск: СПб., 1895, 69 стр.).

Отдельные коллекции выставлялись по народам (китайские, японские коллекции)²⁵ и по собирателям (коллекция Юнкера,²⁶ коллекция Миклухо-Маклая²⁷ и др.).

Антропологическое отделение подразделялось на два раздела: «Отдел древностей каменного века», т. е. палеолит, и «Отдел человеческих черепов и скелетов». Первый отдел состоял из «коллекций... относящихся преимущественно до неизвестных народов, обитавших в глухой древности на пространстве, занимаемом ныне Российской Империей». В целях сравнения здесь же экспонировались «орудия и оружия островитян Тихого океана и первобытных жителей побережий Берингова моря», слепки с орудий из Финляндии, Дании, Швейцарии и Франции и ряд подлинных предметов из этих же стран.²⁸ «Отдел человеческих черепов и скелетов» к этому времени представлял собой уже довольно значительное собрание, насчитывающее свыше 1200 номеров:²⁹ ископаемых (197 черепов) и современных народов Европейской и Азиатской России, Европы, Азии, Африки, Австралии и Америки. Экспонировался краниологический материал по географическому принципу и дополнялся масками, снятыми с живых людей, фотографиями и скульптурами.³⁰

Таким образом, археологические коллекции в экспозиции 1889 г. были экспонированы в двух местах выставки: «Древности, относящиеся к эпохе бронзы и железа» выставлялись совместно с этнографическими коллекциями, «Доисторические древности» — в отделе антропологии. Подобное расчленение было порождено своеобразием развития русской археологии. Интерес к археологическим памятникам средневековья возник в нашей стране одновременно с интересом к культуре и быту населяющих ее народов. Организация сбора коллекций по этим отраслям знаний благодаря указам Петра I была налажена, как отмечает В. А. Арцыховский, еще в то время, когда «ни ископаемое оружие, ни ископаемая посуда еще не интересовали... ученых западной Европы».³¹

Особенно большой интерес к археологии возник в конце XVIII — начале XIX в. в связи с увлечением античностью.³² Развитие этой отрасли археологии шло рука об руку с этнографией, поэтому памятники обеих этих наук совместно и экспонировались.

Что касается доисторической археологии, то начало ее в Академии наук, как уже говорилось выше, было положено К. М. Бэрм в середине XIX в. Первые отечественные находки по палеолиту были сделаны представителями естественно-исторических дисциплин — геологами, палеонтологами, зоологами,³³ — а первые поступившие коллекции сосредоточены в Анатомическом музее Академии наук. Вот это-то исторически сложившееся членение археологической науки, а также связи ее с этнографией и антропологией и отразила экспозиция Музея антропологии и этнографии 1889 г.

²⁵ Путеводитель, 1891, стр. 17—20.

²⁶ Там же, стр. 32—40.

²⁷ Там же, стр. 42—47.

²⁸ Там же, стр. 66—67.

²⁹ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 32, лл. 1—3.

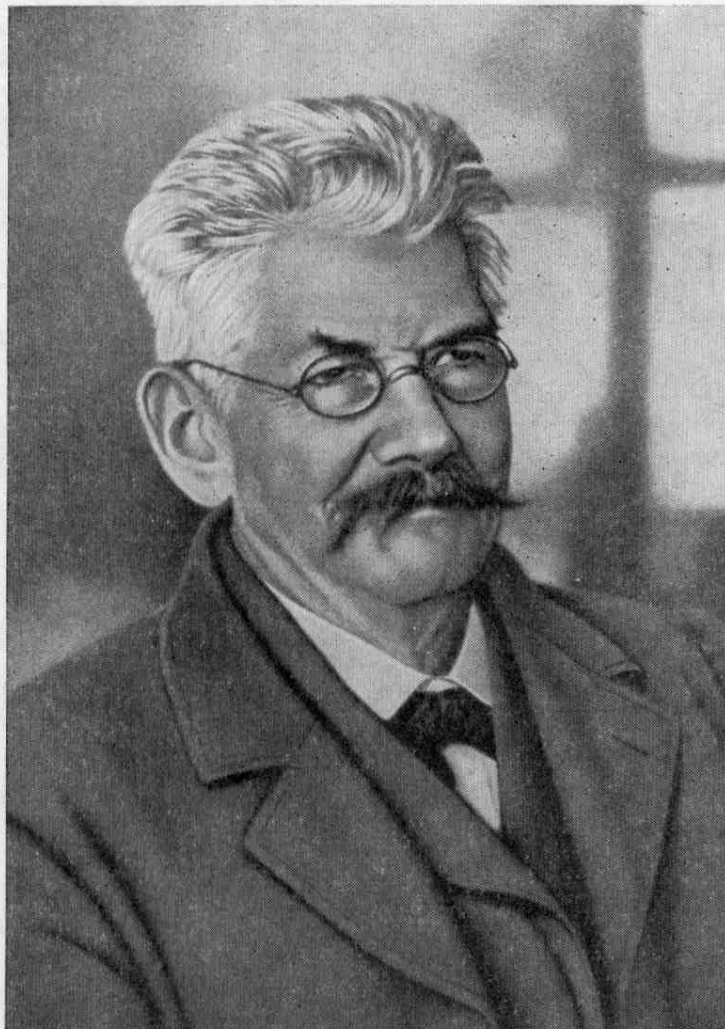
³⁰ Путеводитель, 1891, стр. 67—69. — Коллекции по сравнительной анатомии тератологии (в том числе и знаменитая коллекция Рюйша и отечественное собрание уродов) из-за недостатка места выставлены не были и продолжали храниться в сложном виде в подвальном помещении главного здания Академии наук.

³¹ А. В. Арцыховский. Археология. Большая советская энциклопедия, т. 3, М., 1950, стр. 167.

³² А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, стр. 43.

³³ Там же, стр. 74.

В отличие от 60-х годов, когда Музей этнографии имел большую посещаемость, на первых порах после открытия Музея антропологии и этнографии он посещался очень слабо. Сказалась безвестность, в которой Музей находился в 70—80-е годы. Это дало право автору «Обзора этнографического и антропологического Музея», этнографу-путешественнику А. Е. Елисееву, живо интересующемуся этнографической наукой, напи-

В. В. Радлов.

сать следующие строки: «Среди многочисленных музеев нашей северной столицы самым меньшим вниманием публики пользуется Этнографический музей Академии наук, о самом существовании которого многие из образованных даже людей едва ли и подозревают; между тем этот музей, занимающий весьма скромное помещение, в сравнении с пользующимся громкою известностью Зоологическим музеем, заслуживает гораздо большего внимания публики уже по одному тому, что он посвящен не животным, а „царю создания“ — человеку».³⁴

Большая роль в возрождении былой популярности Музея принадлежит избранному в 1894 г. на пост директора акад. В. В. Радлову, который

³⁴ А. Е. Елисеев, ук. соч. (отдельный оттиск), стр. 3.

сменил акад. Л. И. Шренка,³⁵ руководившего Музеем с 1879 по 1894 г.

В. В. Радлов был одним из крупнейших ориенталистов второй половины XIX в. Научная и научно-организационная деятельность его очень разнообразна. Прожив 10 лет на Алтае (1860—1870 гг.) и прекрасно изучив языки и быт его народов, Радлов переселяется в Казань, затем в Петербург, где обрабатывает собранные материалы и публикует многочисленные монографии и статьи, главным образом по лингвистике и сравнительному языкознанию (тюркские диалекты). Немало им было сделано и по этнографии тюркоязычных народов. В первом томе своего труда «Из Сибири»³⁶ ученый дает описание родового состава и расселения алтайцев, этнографический очерк культуры и быта телеутов, шорцев, лебединских татар (челканцев), кумандинцев и черневых татар (тубаларов), очерк местных верований (шаманства), публикует образцы шаманских заклинаний. Эта работа, особенно в своей фактической части, не потеряла научного значения до наших дней. Что касается теоретических положений ученого, то многие из них — дань времени. Так, например, в рассуждении о «сильных» и о «слабых» расах вымирание некоторых групп алтайцев Радлов относил не за счет колониальной политики царизма, а за счет расовой «слабости» самих алтайцев. Нельзя не увидеть и стремление Радлова затушевать развивающийся в это время процесс классового расслоения внутри алтайцев.

Большой интерес для этнографов-сибироведов представляют опубликованные Радловым «Образцы народной литературы тюркских племен»³⁷ — драгоценный источник для исследователей духовной культуры тюркских народов. Его работа «Средняя Зеравшанская долина»³⁸ — первый обстоятельный труд по географии и этнографии этого края. В ней описывается расселение таджиков, узбеков (с перечислением их племен), каракалпачков, туркмен, киргиз и евреев и приводятся некоторые особенности их быта. В этой же работе можно найти довольно подробные данные о занятиях сельского и городского населения и сведения о планировке и архитектуре городов.

Много сделано Радловым и для Музея антропологии и этнографии. К концу 90-х годов Музей насчитывал в своих фондах 29 000 предметов по этнографии, антропологии, сравнительной анатомии, археологии,³⁹ разместившихся в двух выставочных залах и кладовых.

Радлов пользовался любым случаем для обогащения и расширения Музея. Однако, по-видимому, зачастую слишком смелые и резкие суждения ученого не встречали одобрения со стороны президента Академии — великого князя К. К. Романова. Уже сам факт, что Радлов был одним из подписавших «Записку 342-х ученых» (1905 г.) о нуждах просвещения в России, где критиковалась политика правительства, тормозившая духовный рост народа, вызвал негодование президента. Только революционная ситуация того времени вынудила взять назад выговоры, которые он

³⁵ Л. Я. Штернберг. Музей антропологии и этнографии императорской Академии наук в период 12-летнего управления В. В. Радлова. В сб.: Ко дню 70-летия В. В. Радлова, СПб., 1907, стр. 99.

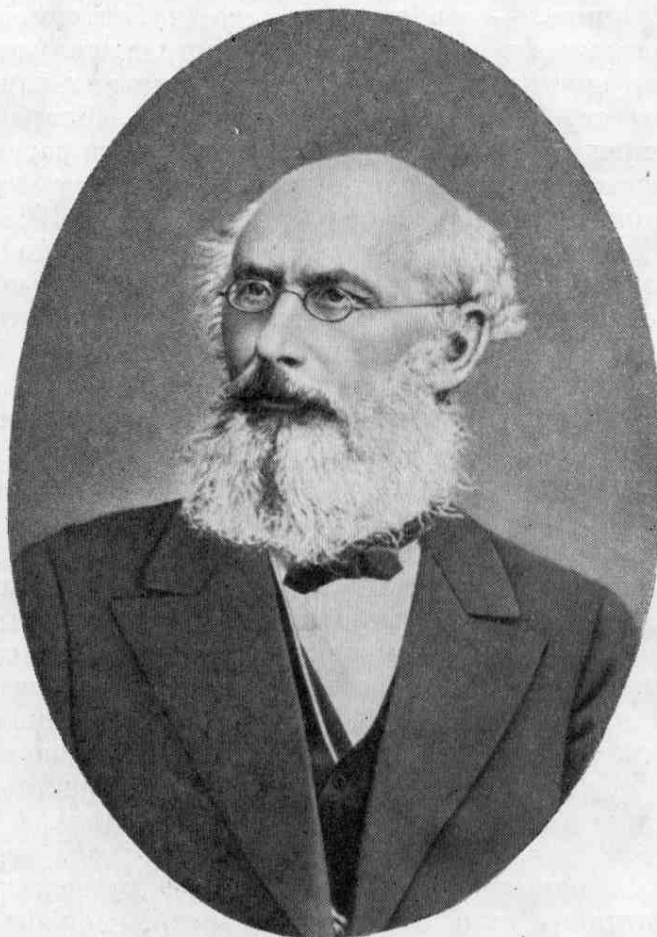
³⁶ W. W. Radloff. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche, T. I—II, Leipzig, 1893.

³⁷ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. I—X. СПб., 1866.

³⁸ Записки РГО по отделению этнографии, т. VI, СПб., 1880, стр. 1—92.

³⁹ Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг., стр. 247.

заготовил подписавшим «Записку» академикам.⁴⁰ Радлова он не выносил особенно, о чем говорит хотя бы следующее. Президенты Академии наук в течение ряда лет относились благосклонно к частным пожертвованиям на нужды Музея. В 1900—1903 гг. в связи с коренным переустройством экспозиции и музейного оборудования (музейная мебель) эти средства использовались Радловым особенно широко. И вот, вместо того чтобы отдать должное организаторским способностям ученого, как это уже неоднократно делалось, судя по протоколам Отделения, на общем собрании Академии ему был вынесен в резкой форме строгий выговор за то, «что он действовал в ущерб интересам и достоинству Академии».⁴¹ Радлов послал президенту письменное объяснение,⁴² ответа на которое, видимо, так и не получил, ибо на черновике ответа, составленного секретарем президента, последний сделал не вполне грамотную пометку: «Проект письма Радлову, составленный П. Е. Кеппенем, мною не посланный в виду моих сухих отношений с Радловым, при которых подчеркнутые места совершенно бессмысленны. Ему нахалу — много было бы чести».⁴³

Ф. К. Руссов.

Заслуживают внимания биографии сотрудников Музея — Ф. К. Руссова и П. К. Саминова, самоотверженно трудившихся вместе с Радловым на благо отечественной науки.

Ф. К. Руссов, в прошлом воспитанник Юридического факультета Петербургского университета, был бессменным хранителем Музея в течение 40 лет (1865—1905 гг.). Будучи уроженцем Таллина, он горячо интересовался эстонской филологией и фольклором,⁴⁴ а также музейным делом, теорию и практику которого он знал в совершенстве.

Своими руками, с помощью единственного служителя, он создавал экспозиции и выставки Музея этнографии, а впоследствии и первую экспо-

⁴⁰ Г. А. К н я з е в. Порицание академиком за участие в «Записке 342 ученых». Вестник АН, 1931, № 4, стр. 13—22.

⁴¹ Архив АН, ф. 6, оп. 1, № 23, л. 18—18 об.

⁴² Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 51, лл. 138, 136, 140.

⁴³ Там же, стр. 21.

⁴⁴ Список трудов его в этой области см. в статье: Е. Л. П е т р и. Федор Карлович Руссов. Сб. МАЭ, т. I, вып. X, СПб., 1911, стр. 2.

зицию Музея антропологии и этнографии, следил за сохранностью многотысячных коллекций Музея и ратовал за пополнение их. Его перу принадлежит первое описание этнографических коллекций и первый путеводитель по Музею антропологии и этнографии.⁴⁵

Прокофий Саминов работал при Музее с 1882 г. — сперва в качестве единственного, а затем в качестве старшего служителя. Он нес самые разнообразные обязанности как в отношении соблюдения чистоты и порядка, так и по охране ценных коллекций Музея. «За все время службы Саминов, — говорится в его характеристике, — с любовью исполнял возложенные на него обязанности и заслужил полное доверие начальства, которое неоднократно на время летних каникул оставляло Музей на его ответственность».⁴⁶ По словам Л. Я. Штернберга, Саминов был человеком «с редким, для его положения и уровня развития, интересом и добросовестностью к своим обязанностям», поэтому ему и давался ряд специальных поручений. Так, в частности, в 1899 и 1900 гг. его дважды командировуют на о-ва Эзель, Аброк, Монто и другие близлежащие местности для сбора этнографических коллекций, «что им и было исполнено не только добросовестно, но и со знанием дела, приобретенным им за долгую службу при Музее».⁴⁷ В виде награды за многолетнюю беспорочную службу в 1910 г. он был представлен к званию потомственного почетного гражданина.

Совершенно естественно, что при наличии столь малого штата и столь обширных его обязанностей регистрация поступлений и работа с ними оставляла желать лучшего. Весь материал Музея, по словам Штернберга, «не только не был систематизирован, но даже не был зарегистрирован».⁴⁸ В Музее, правда, велись книги с записями поступлений, но они заключали в себе лишь даты привоза и общие характеристики коллекций в целом. Отдельные предметы часто оставались без номеров и без этикеток. «Только феноменальная память и долгая служба ученого хранителя Ф. К. Руссова и его бесконечно преданного Музею помощника, сторожа Саминова, давали возможность при таких условиях более или менее ориентироваться в провенансе и назначении отдельных предметов».⁴⁹

Подобное состояние научной документации, впрочем, не представляло для того времени ничего удивительного. В упоминавшемся выше донесении Руссова об осмотре зарубежных музеев говорится: «К сожалению, ни в одном из посещенных мною музеев, кроме Пражского, я не нашел каталога, при помощи которого я мог бы ознакомиться с собраниями, не прибегая к справкам из дел музеев, на что нужно было много времени».⁵⁰

Поэтому одним из первых мероприятий Радлова была организация (пока живы старые работники) научной регистрации коллекций. Ознакомившись с рядом систем регистрации, представленных в европейских музеях, Радлов останавливается на системе Копенгагенского музея, которую (в упрощенном виде) и вводит в Музей антропологии и этнографии. Система эта была достаточно гибкой: каждый предмет получал двойную нумерацию — коллекционный и порядковый номер. Коллекционный номер позволял точно зафиксировать место и время сбора коллекции, а также

⁴⁵ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1905), № 152, ИФ, § 38.

⁴⁶ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 53, л. 205.

⁴⁷ Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 37, л. 1, № 53, лл. 114, 160, 206 и др.

⁴⁸ Сб.: Ко дню 70-летия В. В. Радлова, стр. 31.

⁴⁹ Там же, стр. 33.

⁵⁰ Донесение исправляющего должность хранителя Этнографического музея им. Академии наук Руссова об осмотренных им осенью 1868 года заграничных этнографических музеях. Записки имп. Акад. наук, т. 15, СПб., 1869, стр. 100.

сохранить авторство собирателя, в то время как порядковый номер давал возможность описать каждый отдельный экспонат. Подобная система предоставляла наибольшую свободу перемещения, возможность выставлять коллекции как по типологическому, так и по географическому признаку.

Помимо большого количества подлежащих регистрации предметов, существенную трудность составляло их определение. Опираясь на память старых работников, а также на изыскания в архиве, сверяя их со старыми каталогами, в ряде случаев удавалось восстановить происхождение безномерных или утерявших номера предметов из старых поступлений XVIII—начала XIX в., а следовательно — и восстановить их научную ценность. Радлов привлекал к этому делу и оплачиваемых лиц, и энтузиастов — любителей этнографии и археологии. В числе их можно назвать магистранта Петербургского университета П. М. Мелиоранского, а также В. В. Бартольда, В. Н. Толмачева, В. М. Лемешевского,⁵¹ вскоре принятых в штат (в 1896 г.), сибирского этнографа, участника Орхонской экспедиции Д. А. Клеменца и регистратора Е. Л. Петри, работавших «по вольному найму» за скромное вознаграждение, Н. М. Могилянского (для каталогизации антропологического отдела и отдела доисторической археологии), а несколькими годами позже и К. Н. Гильзена (отдел северо-западной Америки), В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона (отдел Сибири) и многих других.⁵²

К концу 1895 г. была окончена каталогизация и проверка «всех предметов, приобретенных в течение последних лет», а также находящихся на экспозиции новозеландских и африканских коллекций,⁵³ регистрация же всех остальных коллекций продолжалась еще долгие годы. Одновременно составлялся этикетаж и описи, которые отпечатывались типографским способом.⁵⁴

П. Саминов.

⁵¹ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1895), № 142, ИФ, §§ 11, 147; ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 44, л. 6.

⁵² Сб.: Ко дню 70-летия В. В. Радлова, стр. 49; Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 53, л. 214.

⁵³ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1895), № 142, ИФ, § 218.

⁵⁴ Там же, оп. 1а (1894), № 141, ФМ, § 103.

Со свойственной ему энергией Радлов борется и за планомерное пополнение фондов Музея. «Осмотрев ныне подробно вверенный моему управлению Музей по этнографии и антропологии, — пишет он в поданной им в Историко-филологическое отделение докладной записке,⁵⁵ — я убедился в чрезвычайном богатстве собранных в нем коллекций. . . кто знает затруднительное положение, в котором находился этот Музей. . . может только удивляться, как заботами прежних директоров удалось собрать такое множество драгоценных предметов»; но, добавляет он, «с другой стороны, надо сознаться, что наши коллекции в настоящем составе не могут соответствовать своему назначению — дать сколько-нибудь полную картину постепенного развития человеческого рода и разнообразного культурного положения различных племен». Самая слабая часть Музея, отмечает он, — русский отдел, который, за исключением коллекций по Приамурскому краю, очень беден. В связи с этим Радлов предложил:

«1) Обратиться от имени Академии наук в Археологическую комиссию с просьбой помочь пополнить археологический отдел Музея.

«2) Предоставить Музею право входить в сношения с лицами, живущими в разных частях России, которые могли бы быть полезными при пополнении этнографических коллекций, и учредить для особенно активных лиц должность членов-корреспондентов Музея антропологии и этнографии.

«3) Обратиться от имени Академии к местной администрации губерний и краев с просьбой способствовать пополнению Музея по этнографии „местных инородцев“».

Предложения Радлова были одобрены Общим собранием Академии, и начиная с середины 90-х годов Музей начинает планомерно пополнять свои фонды из разных источников.

Прежде всего по методу, практиковавшемуся еще в Кунсткамере, были составлены обращения в губернские канцелярии,⁵⁶ затем опубликованы рекомендательные списки в газетах⁵⁷ и разосланы программы и инструкции.

Обращения эти были весьма своевременны. Развитие капиталистических отношений в ряде областей Империи, в частности в Туркестане, привело к резкому упадку исконных производств, к вытеснению «туземных вековых кустарных промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикантов».⁵⁸ В связи с этим прекрасные изделия из металла и керамики начинают исчезать со среднеазиатского рынка, спешно скупаются иностранцами. Во имя наживы разрушаются и памятники старины. В 1895 г. известный историк культуры Н. И. Веселовский с горечью отмечал, что «за деньги выламывали изразцы из старинных мечетей», а много работавший в эти годы в Средней Азии художник Музея С. М. Дудин указывал, что активнее всего в этой распродаже вело себя духовенство.⁵⁹

Таким путем были вывезены за границу фрагменты мавзолея Гур-Эмир (Самарканд), выломан огромный камень из надгробия Улугбека

⁵⁵ Там же, ИФ, § 48.

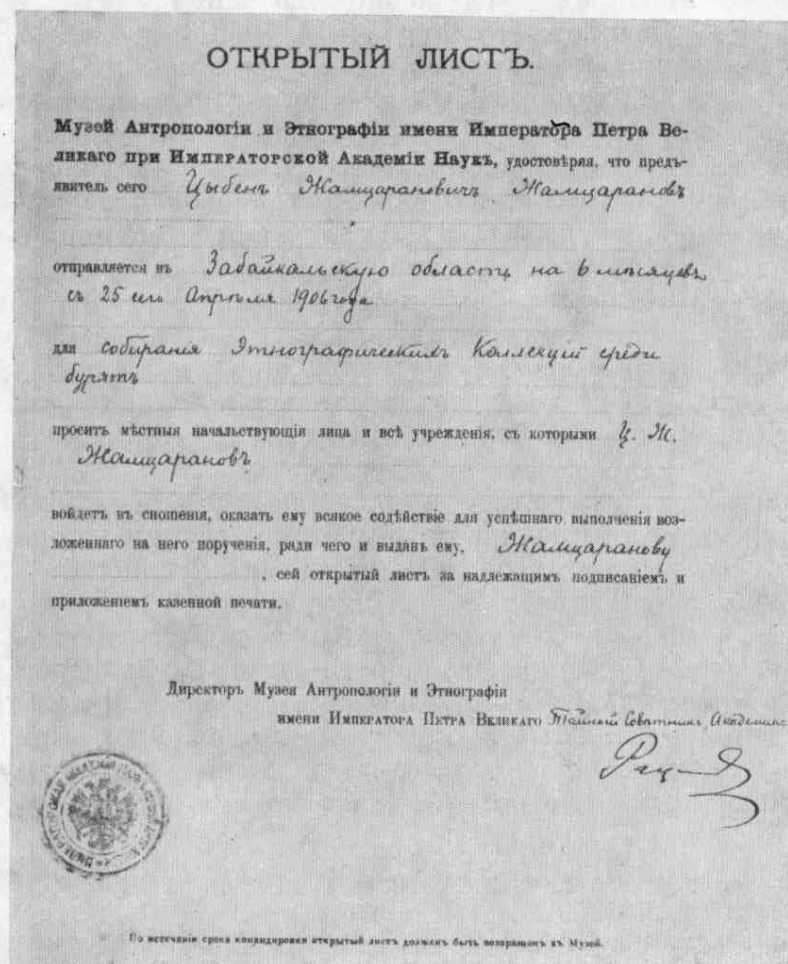
⁵⁶ Там же, §§ 123, 148, 151, 172, 187; оп. 1а (1895), № 142, §§ 59, 60, 79, 108 и др.

⁵⁷ Туркестанские ведомости, 1894, № 64; Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1894), № 141, § 142 (ссылка на журнал «Енисейский листок»).

⁵⁸ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 3, М., 1958, стр. 594.

⁵⁹ Н. И. Веселовский. Памятник Ходжа Ахрара в Самарканде. Восточные записки, СПб., 1895, стр. 322; С. М. Дудин. Орнамента и современное состояние старинных Самаркандских мечетей. Изв. Археолог. комиссии, т. 7, СПб., 1903, отдельный оттиск, стр. 14.

и плита из облицовки мавзолея (1905 г.). Археологической комиссии удалось обнаружить их в Германии и добиться возвращения, однако большое количество национальных памятников Средней Азии было безвозвратно увезено в Германию, Англию и Америку.⁶⁰ В свете этих событий шаги, предпринятые Музеем антропологии и этнографии, были весьма своевременны.

Открытый лист Музея.

Кроме того, Музей организовал ряд этнографических и археологических экспедиций, к участию в которых привлёк местных специалистов и краеведов-любителей, включая их в состав экспедиций или выдавая «открытые листы» на право производства раскопок, на сбор полевого и вещественного материала. Выдавались и средства на приобретение коллекций. Участниками экспедиций и командировок были и учителя, и врачи, студенты и военные, научные, музейные работники и администраторы. Вот несколько имен, характеризующих состав привлеченных: податной инспектор П. Е. Островских предпринял в 1894—1907 гг. поездки для этнографического и археологического обследования Енисейской губернии, от него в Музей поступило собрание, характеризующее этнографию долган, остяков (ханов), калмыков и самоедов (ненцев);⁶¹

⁶⁰ Туркестанские ведомости, 1910, № 162.

⁶¹ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 556, 584, 617, 1202 и др.

студент Восточного факультета Петербургского университета В. А. Михайлов и сотрудник Музея археолог Б. Э. Петри обследовали в 1908—1914 гг. Иркутскую губернию;⁶² В. И. Анучин в 1906—1916 гг. — Туруханский край и другие районы Енисейской губернии;⁶³ врач и исследователь Забайкалья и Дальнего Востока Н. В. Кириллов в 1905 г.⁶⁴ собрал коллекции по быту чукчей и других народов Сибири, а также народов Китая, Тибета и Японии, служащий по акцизу А. В. Адрианов в 1904 г.⁶⁵ — у качинских татар, студент И. Н. Шухов в 1914 г. — у хантов и самоедов (ненцев);⁶⁶ студент Е. Н. Ледков в 1903—1904 гг.⁶⁷ и художник Н. А. Шабунин в 1906 г.⁶⁸ обследовали самоедов (ненцев), А. В. Журавский в 1906—1907 гг. — русское и угро-финское население Архангельской губернии,⁶⁹ художник В. А. Плотников — лопарей в 1908 г.,⁷⁰ сельская учительница М. В. Михайловская в 1908—1916 гг. — тверских карелов;⁷¹ топограф С. Г. Кусов приобрел, по поручению Музея, коллекцию по этнографии народов Сахалина⁷² в 1908 г.; археолог В. И. Каменский обследовал ряд памятников Нижегородской губернии в 1907—1908 гг., В. М. Лемешевский в 1915 г. — Тверскую губернию;⁷³ лингвист И. И. Зарубин изучал говор и собирал коллекции у припамирских таджиков в 1914 г.,⁷⁴ инспектор народных училищ Самаркандского округа М. С. Андреев — узбеков в 1914 г.;⁷⁵ можно назвать и многих других.⁷⁶

С некоторыми из участников этих экспедиций Музей имел разовые контакты, другие были прочно связаны с ним своими научными интересами. В числе последних можно назвать таких лиц, как В. К. Арсеньев, А. В. Анохин, М. С. Андреев, М. В. Михайловская и некоторые другие.

Директор Гродековского музея в Хабаровске, известный путешественник и исследователь Уссурийского края Владимир Клавдиевич Арсеньев⁷⁷ был связан с Музеем долгие годы. Он собирал в своих путешествиях коллекции, сведения по опросным листам для составления этнографической карты, вел записи по программе Музея, собирал термины родства по программе Штернберга,⁷⁸ с которым находился в постоянной переписке.

⁶² Там же, колл. 2098, 2202, 2205, 2224—2226, 2283, 2391 и др.

⁶³ Там же, колл. 1048, 1074, 1171, 1196.

⁶⁴ Там же, колл. 1618, 1619, 1899, 1925, 1990, 2333; Е. Петряев. Н. В. Кириллов — исследователь Забайкалья. Чита, 1960.

⁶⁵ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 874, 1030.

⁶⁶ Там же, колл. 2407, 2416, 2417, 2421, 2383.

⁶⁷ Там же, колл. 818, 836.

⁶⁸ Там же, колл. 1155, 1164, 1173 и др.; Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 58, л. 103.

⁶⁹ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 1038, 1133, 1135, 1141, 1146 и др.

⁷⁰ Там же, колл. 1249.

⁷¹ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 66, л. 215; ф. 1, оп. 1а (1915), № 162, ИФ, § 131, и др.

⁷² Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 16, лл. 1—2; Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 1318, 1319, 1469.

⁷³ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1915), № 162, ИФ, § 159.

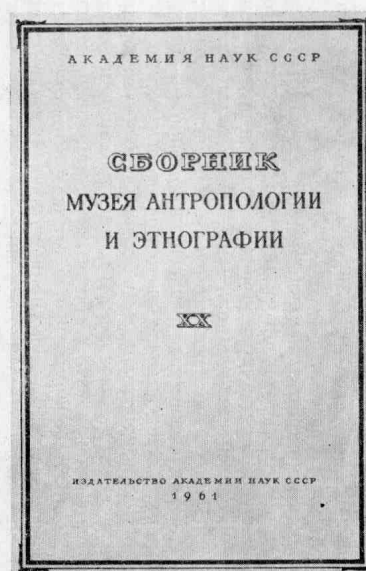
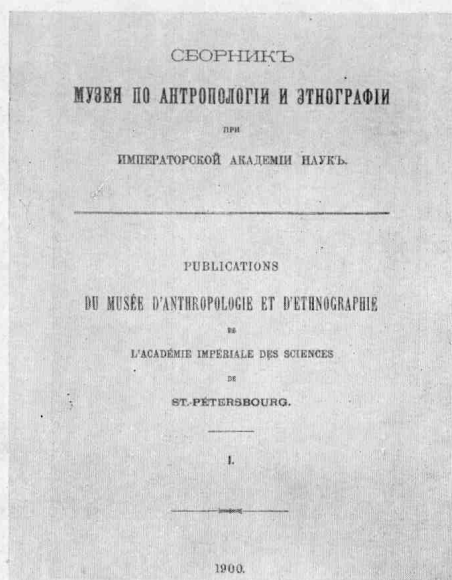
⁷⁴ Там же, оп. 1а (1914), № 161, МФ, § 207.

⁷⁵ Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 66, л. 412 и др.

⁷⁶ Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 53, лл. 143, 181, 190, 476, № 55, лл. 43—47, № 56, лл. 16, 107, № 63, лл. 163, 331, 433, 414, № 65, л. 167, № 69, л. 82 и др.

⁷⁷ Т. Ф. Аристова. Владимир Клавдиевич Арсеньев. СЭ, 1963, № 1, стр. 139—142.

⁷⁸ Л. Я. Штернберг. Краткая программа по этнографии. Сборник инструкций и программ, СПб., 1914, стр. 212—251; Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69, л. 47. — Штернбергом был разработан ряд программ, в том числе и «Краткая программа по этнографии (применительно к быту северных инородцев)» (Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь, СПб., 1914, изд. II, стр. 212—

Титульный лист первого Сборника Музея антропологии и этнографии и обложка Сборника выпуска 1961 г.

Научную связь с Музеем он высоко ценил: «Спасибо за то, что Вы посылаете ко мне с письмами людей, любящих антропологию и этнографию, — пишет он в одном из этих писем к Л. Я. Штернбергу. — От них я узнаю новости из научной литературы и, вообще, почерпываю знания». «Я считаю своим долгом быть полезным музеям в Москве и Петербурге и быть полезным для Вас лично», — пишет он в другом письме.⁷⁹ И это были не громкие фразы. От Арсеньева Музей получил прекрасные коллекции по этнографии гольдов и орочей.⁸⁰

В. И. Анучин неоднократно, начиная с 1905 г., в течение ряда лет командировался Музеем и Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Енисейскую губернию для сбора коллекций и полевого материала по быту и языку енисейских остяков.⁸¹ Собранные коллекции он же сам и обрабатывал в Музее, а полевые материалы обобщал в статьях; одна из его статей — «Очерки шаманства у енисейских остяков» — была опубликована в «Сборнике Музея антропологии и этнографии».

«Сборник Музея антропологии и этнографии» — непериодическое издание Музея — учрежден был в 1900 г. для публикации его собраний. До 1917 г. вышло три тома этого сборника, состоящие из 40 выпусков. В числе статей, опубликованных в нем, наряду с чисто описательными работами,⁸² печатались статьи по истории Музея⁸³ и статьи научно-исследовательского профиля. В числе последних можно назвать ряд работ, вошедших в золотой фонд этнографической литературы: «Очерк материального быта оленных чукчей» В. Г. Богораза, «Материалы по буддийской иконографии» С. Ф. Ольденбурга, «Очерки быта приайнских тунгусов» Э. К. Пекарского, «Античный культ близнецов при свете этнографии» Л. Я. Штернберга и многие другие.

Существенная роль в обогащении Музея коллекциями по быту народов Сибири принадлежала политическим деятелям и ссыльным, находившимся там на поселении. Музей добивался включения их в геологические, археологические, этнографические и прочие экспедиции или же права самостоятельного передвижения в той же области для приобретения у местных жителей, по «открытым листам Музея», этнографических коллекций.⁸⁴

257). Просьбы о высылке программ он получал с разных концов страны постоянно, — см.: Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 65, лл. 115, 122, № 62, лл. 34, 38, 80, 129 и др.

⁷⁹ Там же, № 67, лл. 245, 292.

⁸⁰ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 1917, 2252, 2336, 2368, 2373, 2394 и др.

⁸¹ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 63, л. 73, № 58, лл. 97, 283; ф. 1, оп. 1а, № 161, ИФ, §§ 247, 374 и др.

⁸² Ю. Л ю д е в и г. Список черепам краниологической коллекции. Сб. МАЭ, т. I, вып. VII, 1904; К. З. Я ц у т а. Систематическое иллюстративное описание коллекции уродов Музея. Сб. МАЭ, т. I, вып. XIII, 1912, вып. XV, 1913, и т. II, вып. IV, 1915, и др.

⁸³ Р у с с о в, т. I, вып. I, 1900; К. К. Г и л ь з е н. И. Г. Вознесенский. Сб. МАЭ, т. III, 1916.

⁸⁴ Вот образчик одного из подобных ходатайств, направленный губернатору Иркутской губернии:

«9 сентября 1914 г. Милостивый государь Леонид Михайлович,

«От имени Музея антропологии и этнографии имени императора Петра Великого позволяю себе обратиться к просвещенному содействию Вашего Высокопревосходительства по следующему обстоятельству:

«В Нижнеудинском уезде обитает племя карагасов. Музей, заинтересованный в скорейшем изучении этого ныне совершенно вымирающего племени, возложил некоторые поручения по этому вопросу на проживающего в районе карагасов политического ссыльного Ивана Афанасьевича Евсенина.

«В виду особых стеснений, связанных с его положением, не найдете ли, Ваше Высокопревосходительство, возможным сделать распоряжение о следующем:

Бесспорно, успех не всегда сопутствовал таким просьбам, однако в ряде случаев просьбы удовлетворялись.

Например, только что освобожденный из-под ареста по обвинению в революционной деятельности В. Н. Васильев был прикомандирован Музеем к Хатангской геологической экспедиции (1904—1905 гг.), с которой проделал маршрут свыше 6000 верст и собрал большие коллекции, характеризующие быт тунгусов, якутов и долган;⁸⁵ народовольцы Б. О. Пилсудский и В. Л. Серошевский, снабженные открытыми листами Музея, обследовали (1902—1904 гг.) айнов о. Сахалина и о. Есо, а также частично Маньчжурию и обогатили Музей коллекциями по сахалинским айнам и маньчжурам.⁸⁶ Находившийся в ссылке в Якутии Э. К. Пекарский собрал коллекции по культуре и быту якутов и тунгусов и часть материалов опубликовал в упомянутой выше статье.⁸⁷ Политический ссыльный В. З. Немчинов способствовал обследованию Бельской волости Енисейской губ., где находился на поселении.⁸⁸ Д. А. Клеменц, зачисленный в 1897 г. старшим этнографом в Музей антропологии и этнографии, еще задолго до этого был связан с ним. Будучи сослан в 1879 г. в Сибирь за участие в кружке Чайковского, он не прекращал общественной и научной работы: организовал археологические раскопки в Енисейской губернии, затем по приглашению Радлова принял участие в Орхонской экспедиции (1891 г.), в экспедиции в Монголию (1892 г.) и Турфан (1898 г.).⁸⁹ Из этих экспедиций Музей получил ряд археологических и этнографических коллекций.⁹⁰

В. М. Ионов, находясь в ссылке в Якутии, был известен как активный просветитель и общественный деятель. Он участвовал в издании местной прогрессивной газеты, работал по созданию учебников якутского языка и др. Будучи привлечен Клеменцем к участию в Сибиряковской экспедиции (1894—1897 гг.), он занялся изучением верований якутов, а несколькими годами позже (1903 г.), будучи в Нелькано-Аянской экспедиции, — экономикой тунгусов Майского ведомства.⁹¹ Собранные им об-

«1) Чтобы ему было разрешено разрабатывать архивные материалы в архивах Гадалейского волостного правления (Нижнеудинского уезда) и бывшей Солонецкой инородной Управы, а также архиве нижнеудинского исправника.

«2) Чтобы ему были разрешены разъезды по территории бурят и карагасов.

«3) Чтобы власти Гадалейского волостного правления не чинили ему препятствий в получении его корреспонденции, что делает крайне затруднительными сношения Музея с ним и особенно подвергает риску отправляемые ему казенные посылки с инструкциями.

«Зная Ваше просвещенное отношение к научным предприятиям во вверенном Вашему Высокопревосходительству крае, позволяю себе надеяться на любезное отношение к просьбе Музея.

«Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в совершенном почтении и таковой же преданности. В. Радлов» (Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 66, лл. 458—459).

⁸⁵ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 1004, 1070, 1071, 1085, 1097—1100 и др.

⁸⁶ Там же, колл. 700, 829, 839, 1039, 1124; Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 53, лл. 310, 327 и др.

⁸⁷ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 970, 971, 1066.

⁸⁸ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 62, л. 179.

⁸⁹ Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 59, лл. 57—56; ф. 1, оп. 1а (1895), № 142, ИФ, § 215; оп. 1а (1897), № 144, § 166; оп. 1а (1898), № 145, §§ 56, 114 и др.

⁹⁰ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 325, 326, 456, 464, 573—575, 621, 622 и др.

⁹¹ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1923), № 3, лл. 6—7.

ширные материалы впоследствии были суммированы в ряде работ, частично опубликованных Музеем антропологии и этнографии.⁹²

Находившиеся на поселении в Якутии В. И. Иохельсон и В. Г. Богораз были зачислены по рекомендации Радлова в так называемую Джезуповскую экспедицию (названную так по имени организатора ее — директора Нью-Йоркского естественно-исторического музея). Экспедиция имела целью этно-лингвистическое обследование «инородческих племен, обитающих по побережью северного Тихого океана от р. Колумбии до устьев р. Амура, которое обнимет, между прочим, изучение языка и быта чукчей, юкагиров, коряков и эскимосов».⁹³ По условию следовало собирать коллекции для американских этнографических музеев, что и было выполнено, однако позже некоторая часть экспонатов путем обмена попала на родину. В числе этих коллекций можно отметить собрания по культуре и быту коряков и своеобразной группе русского старожилого населения Сибири — марковцам⁹⁴ и др.

В результате этих планомерно предпринимаемых экспедиций и командировок, а также безвозмездных подношений от частных лиц и учреждений фонды Музея начинают быстро пополняться (см. таблицу).⁹⁵

Годы	Поступило предметов			Годы	Поступило предметов		
	по этнографии	по археологии	по антропологии		по этнографии	по археологии	по антропологии
1895	695	597	—	1905	1508	454	19
1896	1114	3	13	1906	3149	5721	56
1897	1333	324	—	1907	2871	4643	55
1898	2402	1	84	1908	4586	3765	233
1899	1460	757	1	1909	3736	1320	42
1900	1012	61	1	1910	4243	4301	66
1901	1193	—	12	1911	3391	811	130
1902	744	4	1	1912	4566	1002	31
1903	2484	—	10	1913	3476	1683	194
1904	2751	668	11				

Изменился в лучшую сторону благодаря наличию в штате и активе Музея большего количества прогрессивно настроенных лиц и состав коллекций. В числе их появляются серийные собрания, характеризующие занятия населения, орудия труда, семейный быт, верования и др. Правда, еще преждевременно говорить об отражении в материалах музея социальных отношений, классовой борьбы — всего, что в последующих сборах будет вызывать особый интерес исследователей. Однако уже в этот период взгляд многих собирателей проникал глубже и видел жизнь и быт исследуемых народов шире, что и сыграло в истории Музея существенную роль.

Прилив коллекций требовал расширения штата сотрудников и более обширного помещения. В течение конца XIX—начала XX в. Радлов бомбардирует докладными записками президента Академии наук, Министерство народного просвещения, а также неоднократно подает прошения

⁹² В. М. Ионов. 1) Орел по воззрениям якутов. Сб. МАЭ, т. I, вып. XVI, 1913; 2) Дух — хозяин леса у якутов. Там же, т. IV, вып. I, 1916; 3) К вопросу об изучении дохристианских верований якутов. Там же, т. V, вып. I, 1918 и др.

⁹³ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1898), № 145, ИФ, § 5.

⁹⁴ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 956 и 1059.

⁹⁵ Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг., стр. 292.

«на высочайшее имя», где излагает насущные нужды Музея: «При непрерывно идущей разборке и регистрации коллекций мы, за неимением помещения, уже заставили ящиками всю лестницу, ведущую в Музей. Эта лестница, благодаря тому, что в том же здании помещается книжный склад, постоянно открыта для публики. Перемены температуры сильно влияют на коллекции»; «Выставки наших коллекций крайне неудовлетворительны благодаря тесноте помещения»; «Для вновь поступающих коллекций нет никакого помещения»; «Тюки и ящики валяются в залах музея»; «Новые, разбираемые коллекции раскупориваются в залах Музея» и т. д. и т. п.⁹⁶ Позднее Радлов писал о своих требованиях: «я не упустил ни одного случая выхлопотать у Академии прибавку к помещениям, отведенным под вверенный мне музей, и теперь готов повторить и буду повторять вероятно неоднократно, с риском наскучить своими жалобами Академической коллегии, что помещение для нашего музея крайне недостаточно, тесно».⁹⁷

Настойчивые хлопоты его принесли известные результаты: сперва (в 1899 г.) Музей получает 7 комнат в главном здании Академии наук (куда и переводит экспозицию отдела антропологии и доисторической археологии), затем два зала в первом этаже здания в Таможенном переулке (в 1901 г.), пять рабочих комнат (в 1902 г.) и наконец добивается надстройки музейного флигеля с двумя большими залами и несколькими рабочими помещениями (в 1910 г.).⁹⁸

Одновременно идут хлопоты о расширении сметы и штата Музея, в результате чего к 1901 г. научный штат возрастает до трех единиц — старшего этнографа и двух младших; обязанности старшего исполнял известный этнограф, исследователь Амурского края Л. Я. Штернберг, младших — синолог, доктор Лейпцигского университета Б. Ф. Адлер, сменивший перешедшего на работу в Русский музей Клеменца, и Е. Л. Петри.

Л. Я. Штернберг пришел в Музей уже зрелым ученым и до конца своей жизни неустанно работал над его усовершенствованием. Переезду Штернберга в Петербург предшествовала длительная полевая работа на Дальнем Востоке. В 1886 г. он был выслан за активную деятельность в партии «Народная воля» на север Сахалина. В течение шести лет он изучал язык и этнографию сахалинских гиляков, а затем обследовал гиляков Приамурья и тунгусо-маньчжурские племена края. Собранные им материалы напечатаны в ряде статей и публикаций.⁹⁹

Наибольший интерес для филологов представляют его лингвистические изыскания, доказавшие принадлежность гиляцкого языка к группе американских, а для этнографов — открытие у гиляков, гольдов, орочей, ульчей классификационной системы родства, одностороннего кузенного брака и пережитков (в различных вариантах) группового брака.

⁹⁶ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1897), № 144, ОС, § 151; оп. 1а (1902), № 149, ИС, § 43, ОС, § 206, ФМ, 226; ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 143 (1901), д. 81, л. 38 и др.

⁹⁷ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 143 (1901), д. 81, л. 38.

⁹⁸ Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг., стр. 251; Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1897), № 144, ИФ, § 57; оп. 1а (1902), № 149, ОС, §§ 206, 208 и др.

⁹⁹ Л. Я. Штернберг. 1) Сахалинские гиляки. Этногр. обозр. 1893, № 2; 2) Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора. Изв. имп. Акад. наук, т. XIII, СПб., 1900; 3) Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. СПб., 1908; 4) Гиляки. Этногр. обозр., тт. 60, 61, 63, 1904; L. Sternberg. The Turano-Ganowanian System and the nations of the N. E. Asia. London, 1912.

Уже первые из этих работ привлекли внимание этнографов России и Западной Европы и особенно заинтересовали лиц, работавших по истории семьи и семейного права. Одним из первых откликнулся Ф. Энгельс, посвятивший им особую статью.¹⁰⁰

Значительный интерес для того времени представляли также статьи Штернберга по первобытной религии, печатавшиеся в энциклопедическом словаре и в «Сборнике Музея антропологии и этнографии».¹⁰¹

Интересовался Штернберг и антропологией. Он собирал во время экспедиций антропологические материалы по гольдам, гилякам и негидальцам.¹⁰²

Л. Я. Штернберг с группой айнов (1910 г.).

Кроме штатных сотрудников, в Музее работал «приватно» ряд лиц (по регистрации коллекций), а также «любителей» — совершенно безвозмездно: из них следует назвать доктора медицины Ю. В. Людевига, приводившего в порядок краниологические материалы отдела (впоследствии, в 1903 г., введенного в штат Музея¹⁰³ и написавшего первый каталог отдела),¹⁰⁴ Е. М. Романову, первого библиотекаря Музея, и др.

¹⁰⁰ Упоминание об этом см.: Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1922, стр. 123, 125.

¹⁰¹ Л. Я. Штернберг. 1) Табу. Энциклопедический словарь Д. А. Брокгауза и Н. А. Ефрона, т. XXXII, СПб., 1901, стр. 450—452; 2) Тайлор. Там же, т. XXXIIa, СПб., 1901, стр. 485—487; 3) Тотемизм. Там же, т. XXXIIa, СПб., 1901, стр. 657—662; 4) Траур. Там же, стр. 732—734; 5) Фаллический культ. Там же, т. XXXV, СПб., 1902, стр. 266—268; 6) Античный культ близнецов при свете этнографии. Сб. МАЭ, т. III, 1916, стр. 133—189.

¹⁰² Данные этих исследований были опубликованы уже после смерти Л. Я. Штернберга Г. И. Петровым.

¹⁰³ Архив АН, ф. 1, оп. 1a (1902), № 149, ИФ, § 254.

¹⁰⁴ Ю. Людеви́г, ук. соч. (по наличию на 1 IV 1903 в списке описывалось 1260 черепов и 29 скелетов).

В начале XX в. экспозиционная площадь Музея увеличилась в два раза. В связи с этим было решено произвести полную реэкспозицию и строже очертить профиль Музея.

Событием, стимулирующим уточнение профиля, было создание в 1897 г. в Петербурге Русского музея, целью которого было показать быт и культуру народов России. В числе отделов Русского музея должен был быть организован и отдел этнографии и художественных промыслов.

Передовые ученые уже давно словом и делом утверждали необходимость изучения археологии и этнографии русского народа. Успехи исторической науки и собственно археологии и этнографии, с одной стороны, и все усиливающийся интерес к народному быту среди самых различных слоев русского общества, с другой, ставили на очередь дня создание новых организационных форм изучения и показа прошлого и настоящего русского народа.

Основание нового Музея, в котором также должны были экспонироваться этнографические коллекции, могло привести к параллелизму. Чтобы устранить такую возможность следовало определить профиль и характер деятельности каждого из музеев. Этот вопрос и стал предметом длительного обсуждения на ряде совещаний (1895—1903 гг.), в которых участвовали виднейшие ученые, представители Академии наук, Русского музея, Университета, Географического общества, Публичной библиотеки и ряда других научных учреждений, главным образом столицы,¹⁰⁵ — академики В. В. Радлов, В. И. Ламанский, А. А. Шахматов, А. Н. Пыпин, а также В. В. Стасов, И. И. Толстой, Н. П. Кондаков, В. П. Семенов-Тянь-Шанский и многие другие.

На этих совещаниях, а также на ряде последовавших за ними заседаниях Историко-филологического отделения Академии наук был решен не только вопрос о профиле обоих этнографических музеев, но и о принципах их экспозиций.

Задачи и цели обоих музеев были определены как совершенно различные: назначение Академического музея состояло в том, чтобы «построить на этнографическом материале из быта различных племен и народов экспозицию, показывающую эволюцию человеческой культуры, начиная с доисторического периода и кончая высшими культурами современности». Ввиду того, что исчерпывающий материал нельзя найти в культуре какого-либо отдельного народа или даже группы народов, как бы они ни были многочисленны и как бы ни была велика территория, ими занимаемая, Музей научной этнографии (каким должен был стать академический музей) обязан охватить весь мир. Только используя материал народов всего мира, Музей сможет показать все этапы развития человеческого общества. В этом случае экспозиция поможет вынести «достаточно полное представление о развитии культуры и действительное убеждение о психическом единообразии человечества и тождественности законов его культурного развития».¹⁰⁶

В связи с этим из наименования Музея — «Музей антропологии и этнографии преимущественно России» — последние два слова решено было выпустить.

Перед этнографическим отделом Русского музея были поставлены иные задачи. Уже из самого названия учреждения явствовало, что деятельность его должна быть ограничена исключительно Россией. Поэтому назначение этнографического отдела Русского музея, говорит резолюция,

¹⁰⁵ Архив АН, ф. 2, оп. 1, № 6, лл. 30—34.

¹⁰⁶ Там же, ф. 1, оп. 1а (1903), № 150, ОС, § 161.

состоит в том, чтобы «представить картину этнографического протяжения нашего отечества, картину быта народов, обитающих в России и в непосредственном соседстве с нею».¹⁰⁷

Однако и в пределах русского материала этнографические задачи обоих музеев определялись как совершенно различные: Академический музей должен был оценивать собираемые им объекты исключительно по степени их важности для научного построения «эволюции культуры», в результате чего какой-нибудь малочисленный народ (в силу особенной важности его в этнографическом отношении) мог быть представлен им гораздо полнее, чем культурные народы, имеющие в данном аспекте меньшую ценность для этнографии. В территориальном же музее интерес к тому или иному народу должен проявляться пропорционально его численности, исторической роли в жизни страны, степени развития культуры и т. п. Поэтому в Русском музее основное внимание должно было быть обращено на коренное славянское население, этнография же народов Кавказа, Средней Азии, Сибири и Прибалтики, а в отдельных случаях и населения прилегающих стран должна была лишь дополнять картину.

Таким образом, Академический музей должен был направить свою деятельность главным образом на народы первобытные, Русский же музей — на этнографию «культурных народов» России, в первую очередь славянских.¹⁰⁸

Как на междудеятельственных заседаниях, так и на заседании Академии наук были заслушаны мнения ряда академиков и профессоров о принципах экспозиции. Выразителями основных направлений по этому вопросу явились академик В. И. Ламанский и профессор Казанского университета И. В. Смирнов. Изложенные ими мнения вызвали оживленную дискуссию и в 1901 г. были для дальнейшего обсуждения опубликованы в «Известиях Академии наук».¹⁰⁹

Критически рассмотрев все существующие способы классификаций и экспозиций этнографических коллекций, академик Ламанский пришел к выводу, что единственно правильным принципом, положенным в основу классификации и экспозиции их, будет географический, т. е., иначе говоря, одобрял существующую уже экспозицию Музея антропологии и этнографии.

Профессор Смирнов, в противоположность ему, находил существующий тип экспозиции несовершенным. Этнографический музей, по его мнению, должен подразделяться на два отдела: отделение описательной, специальной этнографии и отделение общего народоведения, общей этнографии.

В первом отделении, — в применении, например, к Русскому музею, — должны быть расположены коллекции, характеризующие отдельные народы России, распределенные не в том порядке, в котором они поставлены ходом истории, а в ином, который «вытекает из их внутренних отношений и указывается наукой», а именно, «по крупным группам, которые характеризуются одновременно признаками соматическими и культурными (расы), и по меньшим, характеризующимся признаками преимущественно культурными (народы)».

Коллекции, указывал он далее, должны быть расположены в исторической перспективе и давать по отношению к определенной народности

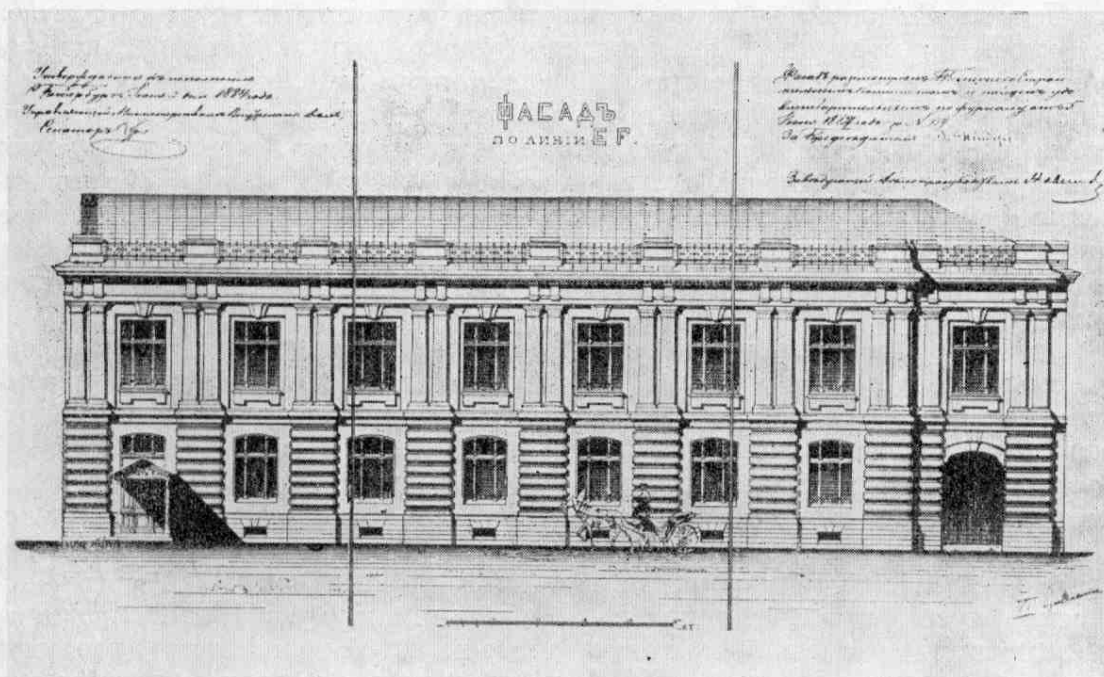
¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, §§ 25, 48 и 161.

¹⁰⁹ И. Смирнов. Несколько слов по вопросу об организации этнографического отдела Русского музея. Изв. имп. Акад. наук, т. IV, СПб., 1901, стр. 227—230.

ее полную культурно-историческую монографию: «Жилище в его историческом развитии, орудия добывания пищи, орудия борьбы и труда, орудия и принадлежности для изготовления пищи, одежда и орудия ее изготовления, орудия передвижения на суше и воде, принадлежности детского воспитания, игрушки и игры, знаки собственности, бирки, фигурное письмо, резные календари и др.».¹¹⁰

Существеннейшую часть всех этих коллекций, по мнению проф. Смирнова, должны, конечно, составлять предметы в натуре. В отдельных же

Проект фасада нового музейного здания в Таможенном переулке (1884 г.).

случаях вместо предметов могут фигурировать фотографические снимки и рисунки, сопровождаемые планами, детальными чертежами.

По отношению по крайней мере к важнейшим элементам народной культуры Смирнов рекомендовал картограммы, показывающие их географическое распространение.

Второе отделение Музея — общетнографическое, — по его мнению, «должно дать ответ на вопрос, как, из каких элементов сложилась культура любой народности». Здесь посетитель будет иметь дело не с народностями, а с элементами культуры, с коллекциями однородных предметов, собранных на всем пространстве России.

Существенным и необходимым дополнением к каждой коллекции этого отдела должны были быть картограммы, представляющие распространение на этнографической карте отдельных элементов культуры.¹¹¹

Обширный сад с прекрасными полянами и каналами, имеющийся при Русском музее, Смирнов рекомендовал превратить в грандиозную залу общетнографического отдела, разместив на полянах его образцы существующих в России форм жилища, на каналах — выставку примитив-

¹¹⁰ И. В. Смирнов. Несколько слов по вопросу об организации этнографического отдела Русского музея Императора Александра III (читано 5 сентября 1901 г.). Архив АН, ф. 87, оп. 2, № 33, лл. 1—10.

¹¹¹ Там же.

ных орудий передвижения по воде и рыбной ловли, а среди древесных насаждений — первобытные приспособления и орудия охоты на птиц и зверей. Здесь же Смирнов рекомендовал воспроизвести молитвенные рожи и поляны с полной обстановкой языческих жертвоприношений (например, некогда бытовавших у финнов Поволжья), сооружения для надземного погребения (например, якутские арангасы) и т. п. Слившись в одно целое с музеем, сад придал бы оригинальную физиономию Этнографическому музею сравнительно с аналогичными учреждениями Европы.

Проект Смирнова — первый известный нам проект русского музея на открытом воздухе. Из изложенного видно, что в области экспозиции автор являлся сторонником эволюционно-типологического метода, пышно расцветшего в Музее антропологии и этнографии двумя десятилетиями позже. Этот метод с опубликованием теории Дарвина проникает в антропологию и этнографию в конце 90-х годов и находит себе применение в музейной практике Европы и Америки для показа эволюции видов и отдельных «элементов культуры», или «отдельных областей», или, наконец, всей «культуры в общем культурно-историческом эволюционном развитии».

Особенно ярко эволюционный метод представлен был в университетском Пибодинском музее (Говард), посетитель которого «мог проследить последовательность органической эволюции начиная с беспозвоночных животных и кончая человеком... и произведением его рук».¹¹² Автор описания этого музея не без юмора замечает, что посетители часто смотрели экспозицию в обратном порядке или не доходили до зала человека вообще! В музее Пита Риверса (Оксфорд) эволюционный метод применялся для экспонирования оружия и предметов искусства;¹¹³ в Лейденском музее, организованном по тому же принципу, в 1895 г. предметы в экспозиции размещались таким образом, чтобы показать развитие форм от простых к сложным.¹¹⁴ Аналогичный план экспозиции был характерен для королевского музея Шотландии в Эдинбурге и Хонниманском музее в Лондоне.¹¹⁵

Сотрудники Музея антропологии и этнографии хорошо знали этнографические музеи Европы, куда не раз получали командировки для ознакомления с новыми поступлениями и принципами экспонирования коллекций.¹¹⁶ Состоялись поездки и перед новой экспозицией Музея, открытие которой намечалось на 1903 г.

В связи с юбилейной датой — 200-летия со дня основания Петербурга — Музеем антропологии и этнографии, унаследовавшему основные коллекции петровской Кунсткамеры, в 1903 г. было присвоено наименование «Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого».¹¹⁷

3 декабря 1903 г. Радлов доложил академическому собранию, что работа над новой экспозицией окончена, и одновременно ходатайствовал

¹¹² Porter Benavior of the Average in the Peabody Museum of Natural Hustory. 1938, стр. 13.

¹¹³ Об этом см.: Т. К. Р е н н и м а n. A Hundred years of Anthropology. London-Duckworth, 1935, стр. 205.

¹¹⁴ S c h m e l z. Ethnographische Musea in Midden Europa, 1895, Bijlage 3.

¹¹⁵ Н. Н. F r e s e. Anthropology and the public: the role of museums. Leiden, Brill, 1960, стр. 51.

¹¹⁶ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1901), № 148, ИФ, § 125; оп. 1а (1907), № 154, ИФ, § 261; оп. 1а (1913), № 160, ИФ, § 120; ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 53, л. 255 и др., № 63, л. 405 и др.

¹¹⁷ Л. Я. Ш т е р н б е р г. Музей антропологии и этнографии имени имп. Петра Великого. Живая старина, 1911, № 1, стр. 454.

о награждении устроителей ее — научных работников и служителей Музея — премиями и серебряными медалями.¹¹⁸

Экспозиция 1903 г. была развернута в четырех больших залах, расположенных в двух этажах флигеля в Таможенном переулке. Она была построена по частям света, по странам. Дополнительная рубрикация внутри стран производилась по географическому, этническому и лингвистическому принципам. Так, например, Южная Америка имела два подотдела — Бразилия и Перу; Азия подразделялась на «народы

Экспозиция 1903 г. Отдел Восточной Азии.

крайнего северо-востока» (палеоазиаты, тунгусско-тюркское и угрофинское племя), «жителей Средней Азии» (тюркского и иранского происхождения) и «Восточную Азию», где характеризовались «монголы-кочевники» и «монгольские культурные государства»; Океания имела три подотдела — Меланезия, Микронезия и Полинезия (последний отдел, а также этнография народов Китая были представлены особенно полно и систематично).¹¹⁹ Имелись, по примеру старой экспозиции, и тематические разделы — «Буддийский мир», «Шаманство и шаманы».¹²⁰

¹¹⁸ Служителями Музея в этот период работали И. Н. Субоч, Н. Р. Косниковский, П. Ф. Филатов, Я. А. Ней и И. Л. Моисеенок, — см.: Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1904), № 151, ИФ, § 144.

¹¹⁹ Санктпетербургские ведомости, 1903, № 102, стр. 4.

¹²⁰ Путеводитель по Музею антропологии и этнографии. СПб., 1904 (далее: Путеводитель, 1904), стр. 55—59, 77—92.

Характеризуя экспозицию 1903 г., Л. Я. Штернберг несколько лет спустя писал: «Каковы бы ни были достоинства нового размещения коллекций, неоспоримы две особенности ее: строго выдержанный культурно-этнический принцип размещения и расположение предметов исключительно по однородности их назначения и роли в культуре».¹²¹

Предметы эти в свою очередь часто размещались в исторической или эволюционной последовательности от простого к сложному: модель свайного старинного жилища камчадалов, такая же модель — новейшая, современное жилище и постройки;¹²² орудия охоты якутов, «пальмы» с длинными деревянными ручками, такие же с короткими ручками, железные наконечники таких же палм, копья, боевой топор, самострелы, стрелы с деревянными, стрелы с железными наконечниками, ловушка;¹²³ или «ножи в ножнах, носимые на поясе», «длинный нож, употребляемый как оружие», «сабля в виде ножа».¹²⁴

Многие предметы показываются таким образом, что становится ясным их назначение, способ изготовления и употребления: рядом с долбленой посудой положены инструменты для ее изготовления; самострел установлен в «настороженном виде»; фигура шамана в момент камлания — в полном костюме, с бубном в руках, и т. д. и т. п.

К этой экспозиции был составлен очень обстоятельный и подробный путеводитель. Каждый раздел его начинался с экономико-географической справки, в которой приводились краткие сведения по истории и этнографии племен, групп племен и народов, выставленных в данной части экспозиции. При описании коллекций часто вставлялись краткие комментарии и объяснения, которые дополнялись ссылкой на исследователя (по Штернбергу, по Гондatti и др.). Так, например, при описании предметов культа амурских народов сообщалось следующее: «Поясные фигуры с человеческим лицом, имеющие на голове колпаки из стружек. Помещаются в особых маленьких домиках в юрте. Их называют „тывызь“, хозяин юрты (Шренк). По Штернбергу, такие фигурки делают после каждого медвежьего праздника, и они считаются олицетворениями убитого медведя».¹²⁵ Имелись в путеводителе и более подробные описания и комментарии, касающиеся занятий, одежды, жилища, религиозных представлений и многого другого.

Подробный, хорошо составленный путеводитель, в составлении которого принимал участие С. Ф. Ольденбург (раздел «Буддизм»), существенно помогал при осмотре. Наличие его было тем более необходимо, что, кроме вещевого материала, в экспозиции имелись различные плоскостные и объемные иллюстративные материалы, текстовой же материал ограничивался ведущим этикетажем.

Среди подсобных материалов в экспозиции особый интерес вызывали прекрасно выполненные скульптором П. П. Каменским манекены,¹²⁶ модели жилища и сельскохозяйственных орудий различных народов, а также 10 панно, выполненных художником Дудиным. В числе их можно назвать «Охоту на морского зверя у чукоч», «Алеутские охотничьи пляски», «Перекочевку киргиз» и многое другое.

¹²¹ В сб.: Ко дню 70-летия В. В. Радлова, стр. 54.

¹²² Путеводитель, 1904, стр. 27.

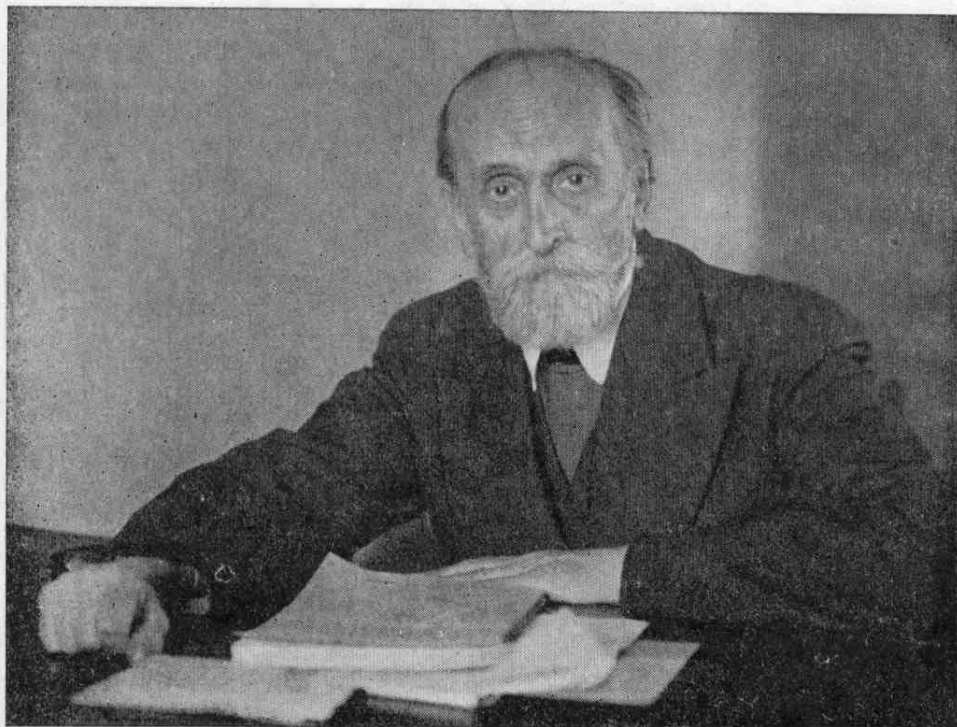
¹²³ Там же, стр. 53.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же, стр. 35.

¹²⁶ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 63, л. 341, № 66, л. 14 и др. — Всего в экспозиции имелось 25 манекенов.

Художник С. М. Дудин в течение долгих лет был связан с этнографией. Он участвовал, еще будучи в ссылке (Кяхта), в экспедиции Радлова, затем в других экспедициях, а также самостоятельно вел собирательскую деятельность, главным образом в Средней Азии и на Украине, по поручению Музея антропологии и этнографии и этнографического отдела Русского музея. В 1900 г. ему был поручен сбор гончарных изделий, ковров, а также зарисовка «орнаментов в памятниках древности и старинных домах», о чем даже было специально сообщено в местных газе-

С. Ф. Ольденбург.

тах.¹²⁷ Результатом его работы явился ряд прекрасных зарисовок и фотографий архитектурных памятников Средней Азии, а также ряд научно-исследовательских статей, главным образом по народному искусству.¹²⁸ Прекрасное знание вещевого материала и быта позволяло художнику с особой достоверностью изображать различные этнографические сюжеты.

Однако, несмотря на отдельные успехи, общее положение Музея антропологии и этнографии в начале нашего века оставляло желать лучшего. Финансирование, штат и помещение были далеко не достаточны. Вплоть до 1898 г. бюджет его равнялся 2650 рублей в год (из которых 1500 рублей шло на оплату двух ученых хранителей, 400 — на оплату охраны и 750 — на содержание музейного здания и охрану коллекций), а затем был увеличен до 8150 рублей.¹²⁹

¹²⁷ Газета «Русский Туркестан», Самарканд, 1900, № 5; газета «Закаспийское обозрение», 1902, № 57.

¹²⁸ Список трудов С. М. Дудина приложен к некрологу ученого: Памяти С. М. Дудина. Сб. МАЭ, т. IX, Л., 1930, стр. 343—344.

¹²⁹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 143 (1904), д. 431, лл. 5—6.

Средства, получаемые от входной платы, также шли на содержание служителей. Вход в Музей, по примеру прошлых лет, был в воскресенье, понедельник и пятницу бесплатный, а в среду платный.¹³⁰

На расширение здания, на музейное оборудование, не говоря уже об экспедициях, столь необходимых Музею для пополнения его фондов, средств не отпускалось.

В связи с этим была составлена Записка¹³¹ в Академическую коллегию, в которой указывалось, что Музей находится в тяжелом положении: «Ценнейший отдел его — доисторическая археология и физическая антропология — не только не может быть соответственно выставлен для обозрения, но вынужден тесниться в чужом помещении, которое во всякое время может быть у него отнято»; что касается отдела этнографии, то он имеет всего лишь четыре зала, «в которых едва умещены главнейшие коллекции, а остальные лежат упакованными в ящиках, не имеющих в свою очередь иного помещения, кроме подвалов, сырых и затопляемых при каждом наводнении», служебных помещений недостаточно, новые коллекции чаще всего поступают в дар и носят случайный характер, ибо на плановые экспедиции отпускаемых средств недостает. «Единственным выходом из этого положения, — указывается в записке, — является правильно организованное участие общественного элемента в благоустройстве Музеев в виде законом утвержденного института попечителей и сорецензентов», которым «всецело обязаны своим колоссальным ростом и процветанием лучшие музеи в Германии и особенно в Соединенных Штатах, где музеи ежегодно расширяются и пополняются исключительно благодаря организованному содействию сочувствующих лиц из общества».¹³²

В 1909 г. с разрешения Государственного совета был создан Попечительный совет при Музее антропологии и этнографии,¹³³ состоявший из председателя (Радлов) и трех членов (барона Ф. Е. Мейендорфа, профессора экономики В. В. Святловского и коммерц-советника Ф. Ю. Шотлендера). Несколькими годами позже состав его расширился включением князя А. Г. Романовского (герцога Лейхтенбергского), мирового судьи Б. А. Игнатьева, одного из учредителей акционерного общества Бауманских мануфактур К. К. Шейблера и советника Министерства торговли и промышленности Э. Л. Нобеля. Все эти лица были чрезвычайно богаты и по тем или иным коммерческим или карьеристским соображениям щедро субсидировали Музей. На их средства был выстроен 3-й этаж музейного флигеля в Таможенном переулке; приобретен ряд коллекций и частично оплачены железные, герметически закрывающиеся шкафы для экспозиций,¹³⁴ произведена экспедиция супругов Мерварт на о. Цейлон и в Индию,¹³⁵ экспедиция Г. Г. Манизера и Ф. А. Фиельструпа в Южную Америку для сбора коллекции в Аргентине, Бразилии и Парагвае, С. Б. Майнагашева — в Минусинский край, И. М. Суслова — в Туруханский край, В. М. Лемешевского — в Париж для ознакомления с работой музеев,¹³⁶ а также приобретены коллекции с о-вов Целебес, Су-

¹³⁰ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1898), № 145, ИФ, § 140; оп. 1а (1904), № 151, ИФ, §§ 153, 212; ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69, лл. 11, 240, 261; ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 143 (1901), д. 81, л. 27.

¹³¹ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 55, л. 52; ф. 1, оп. 1а (1906), № 153, ОС, § 182.

¹³² Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 55, л. 52—52 об.

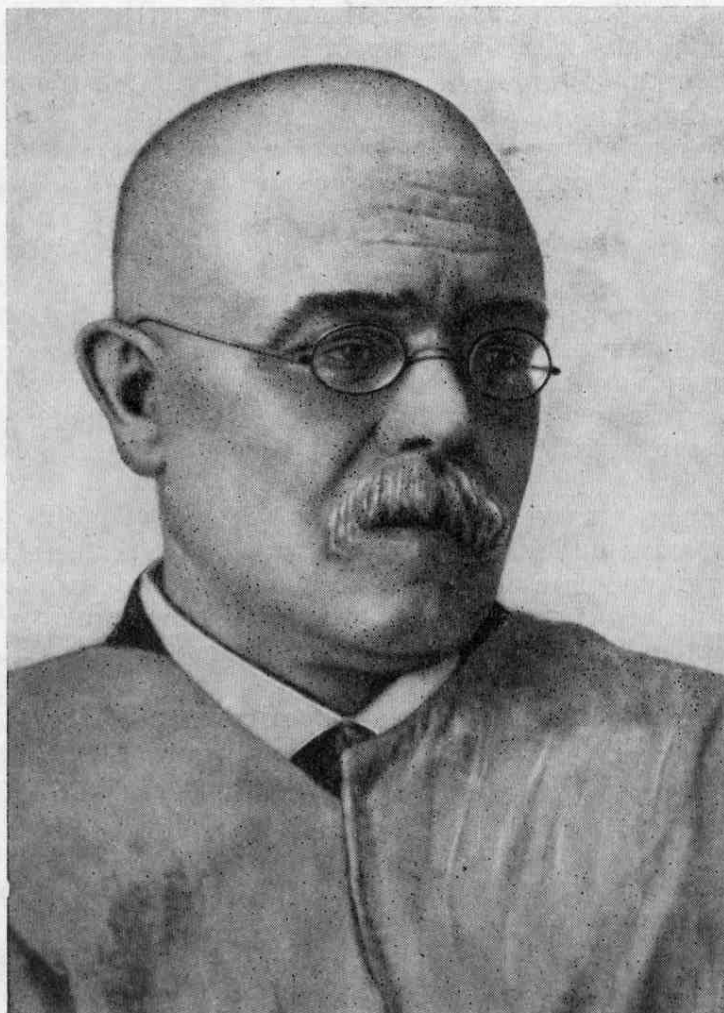
¹³³ Там же, № 39, л. 75.

¹³⁴ Там же, ф. 1, оп. 1а (1903), № 150, ИФ, §§ 29, 46, 149.

¹³⁵ Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии имени императора Петра Великого (далее: Отчет МАЭ) за 1914 г. Пг., 1915, стр. 5, 7; Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1914), № 161, ИФ, § 132.

¹³⁶ Отчет МАЭ за 1914 г., стр. 7, 9, 10 и др.; Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1915), № 162, ИФ, § 125.

матра, Ява (1600 предметов) и с о. Борнео (400 предметов) — «собрания, увеличившие Малайский отдел Музея более чем в 2 раза».¹³⁷ Сведения о пожертвованиях и экспедициях публиковались в отчетах Музея и в открытой печати.¹³⁸ Нечего говорить, что подобные «подарки» были явлением случайным, спорадическим и не могли способствовать закономерному развитию научной жизни Музея.

С. М. Дудин.

Существенную роль в пополнении Музея новыми экспонатами сыграли отечественные члены-корреспонденты Музея,¹³⁹ в числе которых были упомянутый выше врач-сибиряк Н. В. Кириллов, врач русской миссии в Эфиопии А. И. Кохановский, археолог И. Т. Савенков, проживающие в Иркутске А. И. Громова и М. В. Пихтин, известная собирательница кружев М. К. Каблукова-Горбунова, востоковед Ц. Ж. Жамцарано (монгольские коллекции), В. В. Голубев и многие другие.

Из зарубежных членов-корреспондентов Музея следует упомянуть как наиболее активных профессора Г. Мейера (Лейпциг), «гофрата Сак-

¹³⁷ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1915), № 162, ИФ, § 125.

¹³⁸ Санктпетербургские ведомости, 1915, № 86 и др.

¹³⁹ Институт членов-корреспондентов МАЭ был утвержден с 1898 г., — см.: Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 53, л. 38.

сонской службы» Г. Креднера, директора колониального музея в Виллингтоне (Новая Зеландия) А. Хамельтона, Вальдвин-Спенсера — директора музея натуральной истории в Мельбурне (Австралия), русского консула в Мельбурне М. М. Геденштрома и др.¹⁴⁰

Ряд ценных коллекций поступил в дар от известных путешественников — П. К. Козлова (по Тибету и Китаю), С. К. Патканова (по Сибири), Н. М. Пржевальского (по Тибету и Монголии), ученых востоковедов И. П. Минаева, В. В. Розена, В. А. Иванова (по Ирану и Индии), врачей Б. В. Владыкина, М. И. Лебединского, Н. П. Бровцына, А. Н. Гудзенко (по Эфиопии), чиновников Н. А. Гондатти и Н. М. Ядринцева (по Средней Азии и Сибири) и многих других.¹⁴¹

Упомянуты в документах в качестве жертвователей и информаторов крестьяне Н. Г. Климентьев (Якутская обл.), В. А. Суслов (Приморская обл.), объездчики И. Расторгуев, И. Бугаев (Енисейская губ.), крестьянин Самарской губернии Т. Е. Заврожнев, матрос Семенов, гольд Степан Пасхар и многие другие.¹⁴²

Археологический отдел Музея, так же как и этнографический, систематически пополняется с 1894 г. В ответ на обращение Академии наук Археологическая комиссия налаживает передачу некоторых материалов из организованных ею экспедиций.¹⁴³ К 1914 г. отдел доисторической археологии насчитывал уже 27 798 предметов, а отдел исторической археологии — 5714.¹⁴⁴

В 1910 г. после надстройки 3-го этажа в здании по Таможенному переулку отдел, ютившийся до того времени в пристройке главного здания Академии наук, впервые получает большой просторный зал. Создается возможность развернуть археологическую экспозицию в соответствии с требованиями науки, имевшей к этому времени значительные достижения.

Создал эту выставку единственный сотрудник и заведующий отделом археологии В. И. Каменский с помощью «добровольцев». Он проработал в Музее 8 лет (1904—1912 гг.) и «отдавал своему отделу с редким бескорыстием и любовью все свое время и постоянно обогащал его обильными собраниями своих собственных ежегодных раскопок, завершив, наконец, свою многолетнюю работу блестящим выставлением коллекций» в новом помещении.¹⁴⁵ Экспозиция, законченная к началу 1912 г., была построена исторически: «Древне-каменный период» (или палеолит, неолит), «Век металла». Она начиналась с показа памятников Западной Европы, так как некоторые страны ее, в частности Франция, были в тот период наиболее полно исследованы в археологическом отношении. Находки, сделанные во Франции, давали возможность показать «постепенное развитие

¹⁴⁰ Там же, № 39, лл. 4, 19, 21, 23, 24, № 51, лл. 130, 132, 164, № 53, лл. 360, 369, 384, № 56, л. 300, № 64, л. 147, № 69, л. 463; ф. 1, оп. 1а (1912), № 159, ИФ, §§ 18, 161, 301.

¹⁴¹ Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 53, л. 55, № 56, л. 197; Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 384, 491, 2103, 2428, 2459, 2594, 3051, 4341, 4584, 4624, 5030, 5340 и др.; М. В. Райт. Русские экспедиции в Эфиопию в середине XIX—начале XX в. и их этнографические материалы. Труды Инст. этнографии, т. XXXIV, М., 1956, стр. 220—281.

¹⁴² Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 39, л. 13, № 44, л. 11 об., № 51, л. 62, № 53, лл. 380, 395, № 56, лл. 32, 316, № 57, лл. 10, 13, № 59, л. 3, № 63, лл. 143, 441, № 64, лл. 36, 156, 172; ф. 1, оп. 1а, (1912), № 159, ИФ, § 214; Отчеты МАЭ с 1904 по 1916 гг.

¹⁴³ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1894), № 141, ИФ, § 81; оп. 1а (1895), № 142, ИФ, § 99 и др.

¹⁴⁴ Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг., стр. 257.

¹⁴⁵ Отчет МАЭ за 1912 г., СПб., 1912, стр. 2.

культуры в самые ранние периоды появления человека на земле». В этом разделе демонстрировались коллекции эолитов из Франции и Англии, «кулачные» орудия шельского и ашельского периода, орудия из кремния и кости солютрейской и мадленской эпох, а также копии и муляжи памятников палеолитического искусства.¹⁴⁶

И. С. Поляков.

Сибирский палеолит и палеолит европейской части России характеризовался интереснейшими коллекциями И. Т. Савенкова с Афонтовой горы (Красноярский р-н), из села Костенки (Воронежская губ.), а также коллекциями П. А. Путятина (стоянка Бологое Новгородской губ.), Э. Кандыбы, В. М. Лемешевского и др.¹⁴⁷ Палеолитические материалы по другим странам были представлены собранием орудий и образцами керамики из Японии (раскопки Григорьева), коллекциями из Швейцарии и Дании (уже упоминавшиеся в предшествующем изложении) и др.

¹⁴⁶ Б. Э. Петри. Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого. Этаж III, зал 5 (Археология), Пг., 1916, стр. 3; Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 59, л. 9.

¹⁴⁷ И. С. Поляков. Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию. Записки имп. Акад. наук, т. 37, СПб., 1880, Приложение.

Неолит в подавляющем большинстве характеризовался отечественными материалами с Поволжья (из раскопок Каменского, Григорьева и др.)¹⁴⁸ из Олонецкого края (раскопки Полякова), Сибири (раскопки Островских), с Амура, Камчатки (собрания Петри, Савенкова, Толмачева),¹⁴⁹ Сахалина (материалы Штернберга). Значительную часть экспозиции отдела занимал «Век металла». В этом разделе экспонировались находки из всех губерний европейской части России, из Сибири, Кавказа, Степного края и из древнегреческих городов-колоний. Многие коллекции имели большой научный интерес и были опубликованы в печати.¹⁵⁰ Сравнительные коллекции этого раздела ограничивались материалами из северной Германии и Дании.

Особенным богатством отличался отдел археологии Средней Азии, который распадался на две части: одна из них заключала в себе коллекции стенописи, иконографии, скульптуры из древнебуддийских храмов и монастырей Монголии, другая — памятники Средней Азии.

Уникальные коллекции, характеризующие искусство Монголии, были доставлены в Музей из Орхонской экспедиции работавшим (в тот период) в Музее Д. К. Клеменцем, а также академиком С. Ф. Ольденбургом, который, не входя формально в штат Музея, был душой и научным руководителем отдела.¹⁵¹

Активнейшими собирателями коллекций отдела Средней Азии были С. М. Дудин¹⁵² и В. В. Бартольд.

В. В. Бартольд, как упоминалось выше, был связан с Музеем еще со студенческих лет. Переселившись в Среднюю Азию, он не порывает этих связей и становится одним из активнейших корреспондентов и обогатителей среднеазиатского отдела Музея.¹⁵³

Открытие для публики археологического отдела Музея было большим событием. В ряде музеев страны, правда, имелись археологические отделы, а в начале XIX в. в связи с увлечением античностью возникает несколько специализированных археологических музеев — в Николаеве (1806 г.), Феодосии (1811 г.), Одессе (1825 г.),¹⁵⁴ Керчи (1826 г.), — однако все они создавались на базе местных раскопок и широкого профиля не имели. Основной упор в них делался на античность. В Одесском музее экспонировались в основном местные памятники и памятники древнегреческой культуры; в Феодосийском — памятники эллинской, византийской, генуэзской, армянской и восточной культур; в Херсонском (1898 г.) — местный материал.¹⁵⁵

¹⁴⁸ В. И. Каменский и С. А. А. Раскопки близ г. Балахны. Записки отд. русской и славянской археологии имп. Русск. археолог. общ., т. V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 94—103; А. А. Спицын и В. И. Каменский. Стоянка каменного века близ г. Балахны. Там же, т. VII, вып. 1, СПб., 1905, стр. 1—72.

¹⁴⁹ См.: Б. Э. Петри. Неолитические находки на берегу Байкала, Сб. МАЭ, т. III, 1916.

¹⁵⁰ См.: В. В. Радлов. Сибирские древности. Материалы по археологии России, № 3, т. I, вып. 1, 1888; № 15, т. I, вып. 3, 1894; № 27, т. II, вып. 1, 1902; К. И. Невоструев. Ананьинский могильник. Труды I Археологического съезда в Москве 1869, т. II, М., 1871, стр. 595—632; С. А. Лебедев. Пижемское городище. Казань, 1908, и др.

¹⁵¹ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 756, 1324, 1719, 1725, 1778, 1780, 1913 и др.

¹⁵² Там же, колл. 1054—1443.

¹⁵³ Там же, колл. 999—1038 (из раскопок Афасиаба), колл. 925—994 и мн. др.

¹⁵⁴ А. А. Формозов, ук. соч., стр. 43.

¹⁵⁵ А. М. Разгон. Археологические музеи в России (1861—1917 гг.). Очерки истории музейного дела в России, вып. III, М., 1961, стр. 206—216.

Единственным музеем, располагавшим в 910-х годах богатейшими материалами по всей стране и значительными зарубежными собраниями, был Музей археологического общества (Петербург), подразделявшийся на следующие отделы: 1) Каменный и медный век; 2) Классические, скифо-сарматские и иранские древности; 3) Литовские древности; 4) Тюркские древности; 5) Финские древности; 6) Древности Золотой орды; 7) Черкесские древности; 8) Русские древности; 9) Византийский отдел; 10) Польша и западная Европа; 11) Кавказ; 12) Средняя Азия; 13) Сибирь; 14) Египет и Ассирия; 15) Китай и Япония. Особенным богатством отличались коллекции по отечественной археологии. Однако этот музей не был публичным, он обслуживал исключительно специалистов и широкой публике был совершенно неизвестен.¹⁵⁶

Отдел антропологии к началу XX в. в основном сохранял ранее имевшиеся коллекции, вновь же почти не пополнялся. Наблюдал за ним доктор Людевиг, который «ревностно работал над отделом в течение 7 лет» (1902—1909 гг.). Им были зарегистрированы антропологические собрания и составлено первое научное описание коллекции уродов. Впоследствии это собрание было дополнено и издано после смерти Людевига новым руководителем отдела, приват-доцентом Военно-медицинской академии доктором К. З. Яцутой.¹⁵⁷

Материалы отдела служили главным образом для научной работы: над ними работали не только местные, но и приезжие антропологи — Г. А. Джавахов (краниологические различия народов России), Д. И. Анучин (антропология енисейских остяков), А. Я. Гидалевич (черепной материал Таврической губернии), А. Л. Иванов (череп монгольских народов)¹⁵⁸ и т. д.

Отдел был связан с рядом родственных учреждений — Антропологическим музеем Московского университета, Географическим обществом, совместно с которым производил сбор материала для составления антропологической карты России.¹⁵⁹

В 1911 г. в связи с перемещением археологических коллекций антропологический отдел получил освободившееся помещение во дворе главного здания. Большая площадь позволила расставить черепа «по определенной системе в этно-географическом порядке».¹⁶⁰ Это, однако, была еще не экспозиция, а скорее магазинирование. Для широкой публики отдел открыт не был, пользовались им исключительно специалисты.

Соседний с антропологическим отделом зал 3-го этажа предназначался для Петровской галереи — мемориального музея, организованного еще в XVIII в., непосредственно после смерти Петра I, из предметов его обихода и личных коллекций. В 1840 г. Петровская галерея была передана в Эрмитаж и лишь в 1911 г. снова возвращена в Академию наук.¹⁶¹ Экспозиции этого отдела носили мемориальный характер. Первая зала была отделана особенно тщательно. В центре ее, на возвышении,

¹⁵⁶ А. С п и ц ы н. Краткий каталог Музея имп. Русского археологического общества. СПб., 1908, стр. 1—52.

¹⁵⁷ Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии за 1909 г. СПб., 1910, стр. 9; К. З. Я ц у т а. Систематическое иллюстрированное описание коллекции уродов, вып. I—III. Сб. МАЭ, т. I, вып. XIII, XV, СПб., 1912—1913, и т. II, вып. IV, СПб., 1915; Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 5, л. 190.

¹⁵⁸ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 2, л. 7, № 58, л. 204, № 60, лл. 45—46, № 62, лл. 163—168, № 63, л. 253; ф. 1, оп. 1а (1913), № 160, ИФ, § 90 и др.

¹⁵⁹ Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 63, л. 108.

¹⁶⁰ Отчет МАЭ за 1911 г. СПб., 1912, стр. 11.

¹⁶¹ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1911), № 158, ИФ, §§ 155, 156, 215; оп. 1а (1902), № 149, ИФ, § 216; ЦГИАЛ, ф. 738, оп. 143 (1902), д. 365, л. 2 об.

под балдахином стоял трон, на котором в величественной позе восседала одетая в подлинное платье покойного императора «восковая персона», изображавшая Петра I в натуральную величину. Голова фигуры была выполнена из воска скульптором Растрелли, туловище выточено из дерева и снабжено шарнирами, позволяющими придавать фигуре любое

Отдел антропологии (фотография 1911 г.).

положение. Здесь же экспонировались предметы личного обихода Петра (одежда, утварь, мебель), чучело лошади, на которой он ездил во время Полтавской битвы, и любимой собаки.

Второй раздел Музея состоял из токарных станков и инструментария, которыми Петр I пользовался, поделок, им выполненных, а также моделей кораблей и других его личных коллекций.¹⁶² В числе их имелся и

¹⁶² В 1930 г. по решению Президиума Академии наук (20 III, § 4, и 3 V, § 5) Петровская галерея была передана историко-бытовому отделу Русского музея (Архив МАЭ, К-IV, т. 6, лл. 23—61). В Музее антропологии и этнографии остались лишь маски

обрубок ствола сосны с причудливо выросшим в виде скобы суком. Эта сосна, по преданию, росла на том месте, где было заложено здание Кунсткамеры, и в память этого события хранилась в числе ее экспонатов. При отделе имелось богатое собрание книг XVII—XVIII вв. Описанию вновь открытых экспозиций Музея был посвящен ряд статей в газетах.¹⁶³

Период с 1879 по 1917 г. был для Музея весьма знаменательным: фонды его значительно выросли, сбор коллекций начал призываться по плану. Особенно хорошо в Музее была представлена этнография народов Сибири и Дальнего Востока, по которым, как указывал в 1911 г. Л. Я. Штернберг, «ни один музей в Европе не имеет подобных по богатству и систематичности собраний».¹⁶⁴ Многие ученые Европы и Америки приезжали для изучения и обмена коллекциями по этнографии не только обитающих в России, но и зарубежных народов. Так, например, хранитель Берлинского музея доктор Лушан «был поражен богатством наших собраний по Полинезии, и только за 2 предмета из коллекции с Каролинских островов, каких имеется у нас 14 экземпляров, знаток этот предлагал полную коллекцию вещей южноафриканского племени».¹⁶⁵

С рядом этнографических музеев мира, как с Берлинским музеем народоведения, Смитсоновским институтом (Вашингтон), этнографическими музеями Дрездена, Мюнхена, Гамбурга, Берлина, Стокгольма, Ньюйоркским музеем естественной истории, музеем в Ла-Плате (Аргентина) и другими музеями Европы и Америки,¹⁶⁶ был налажен систематический обмен коллекциями. Аналогичный обмен шел и по линии библиотеки Музея.¹⁶⁷

Прочные научные связи Академии наук с Археологической комиссией, Всероссийским Географическим обществом и местными отделами его, Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии, Обществом изучения Сибири и улучшения ее быта, Азиатским музеем, Эрмитажем и другими центральными и местными учреждениями способствовали не только обогащению Музея, но и улучшению научной документации его коллекций. Характер работы в нем с годами изменяется. «Из хранилища коллекций, — пишет Л. Я. Штернберг,¹⁶⁸ — он постепенно превратился в подлинный исследовательский институт этнографии».

Многие лица, интересующиеся этой наукой, группировались вокруг Музея. «Приватный» состав сотрудников во много раз превосходил штат. Так, например, к 1914 г. при Музее приватно состояли: С. Ф. Ольденбург, возглавивший отдел буддизма, А. И. Иванов (отдел культурных стран

Петра I и принадлежавшие ему хирургические инструменты (Архив МАЭ, К-IV, т. 6, л. 20). В настоящее время Петровская галерея экспонируется в Государственном Эрмитаже.

¹⁶³ Открытие Музея антропологии и этнографии. Санктпетербургские ведомости, 1912, № 113, стр. 3; В. К. А н ф и л о в. В Музее антропологии и этнографии. Там же, № 149, стр. 1.

¹⁶⁴ Л. Я. Штернберг. Музей антропологии и этнографии имени имп. Петра Великого, стр. 465.

¹⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 143, д. 81, л. 4 и об. (докладная записка В. В. Радлова от 1898 г.).

¹⁶⁶ Отчеты МАЭ за 1894—1917 гг.; Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 39, лл. 17, 26, 29, 36, № 51, л. 66, № 53, л. 168, № 56, лл. 15, 90, 166, № 64, л. 232, № 65, л. 183, № 66, лл. 407, 142, № 69, л. 130, и др.

¹⁶⁷ Е. М. Романова. Библиотека Музея антропологии и этнографии, ее основание и рост за 11 лет. Сб. МАЭ, Пг., 1916, стр. 191—204.

¹⁶⁸ Л. Я. Штернберг. Этнографический музей Академии наук СССР. Огонек, Специальный номер, посвященный 200-летию Академии наук СССР, 1925, стр. 15.

Азии), К. З. Яцута (антропологический отдел), К. К. Гильзен (отдел Средней и Южной Америки), Б. Э. Петри (отдел европейских народов и археологии), Г. Х. Мерварт (отдел Индии), археологи И. Т. Савенков и В. М. Лемешевский, библиотекарь Е. М. Романова и ряд других лиц.¹⁶⁹ Они занимались научной работой, помогали в устройстве экспозиции, написании путеводителей, составлении каталогов и описей часто ими же самими собранных коллекций.

Коллектив научных сотрудников Музея. Фотография 1914 г. Слева направо сидят: М. А. Филаретова, Е. М. Кубиш, С. А. Штернберг, Е. М. Романова, Л. Я. Штернберг, В. В. Радлов, Э. К. Пекарский, Е. Л. Петри, К. К. Гильзен, В. И. Иохельсон; стоят: С. М. Дудин, А. И. Иванов, А. Л. Пиотровский, Б. Е. Петри, В. М. Лемешевский.

Нехватка помещения по-прежнему тормозила дальнейшее развитие Музея: «Каждая зала и каждый шкаф, — вспоминал В. Г. Богораз, — громко вопияли о недостатке места. Музей задыхался от коллекций, и вещи в шкафах были развешены в семь рядов. Даже на стеклах дверей были развешены особые добавочные выставки».¹⁷⁰ В 910-х годах появляется тенденция использовать экспозицию Музея для учебных и просветительных целей. Первым шагом в этом отношении было устройство инструктивных курсов по этнографии, душой которых был Штернберг. «В то время, — вспоминает он, — этнография в Университете не читалась и музейные курсы были единственной школой молодых этнографов». Учащаяся молодежь, помимо лекций на материалах Музея, участвовала в экспедициях, составлении описей и написании рефератов.

Сотрудники Музея, большая часть которых была настроена прогрессивно, живо откликаются и на тягу рабочего класса к просвещению.

¹⁶⁹ Отчет МАЭ за 1913 г., стр. 1—2.

¹⁷⁰ В. Г. Богораз - Тан. Л. Я. Штернберг как человек и ученый. Этнография, 1927, № 2, стр. 278.

При Музее организуются кружки для рабочих, участникам которых читались лекции, богато иллюстрируемые экспонатами Музея. Наглядное ознакомление с материалами, характеризующими культуру и быт народов мира, а также ознакомление с историей возникновения человека и первыми этапами его культуры, не только давало кружковцам значительное количество фактических знаний, но и способствовало формированию в рабочей среде атеистического мировоззрения и интернационализма.

Посещаемость Музея в этот период составляла около 30 000 человек в год.¹⁷¹

Глава V

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ (1917—1941 гг.)

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила судьбы народов России и открыла новую эру в истории человечества.

Естественно, что в новой обстановке перед Музеем возникла необходимость полной перестройки как научной работы, так и просветительной. Эти задачи были тесно связаны с новой политической и социально-экономической обстановкой в стране, при которой возросла роль науки в государственной жизни. Этнографические исследования, особенно полевые, приобрели большее практическое значение в связи с проблемой социалистического переустройства жизни народностей бывшей царской России.

Советское правительство содействовало возникновению новых и укреплению старых этнографических учреждений, развертыванию экспедиционной работы, оказывало поддержку организации высшего этнографического образования. Резко улучшились и перспективы теоретических исследований, так как широкое распространение марксистско-ленинского учения об обществе давало надежную методологическую базу для разработки теоретических проблем и вопросов в области этнографии. Большая роль в молодом советском государстве отводилась пропаганде и популяризации научных знаний, а также достижений культуры среди широких слоев трудового населения страны.

Большие изменения за рассматриваемый период претерпели отечественные исторические и естественно-исторические науки, в частности такие дисциплины, как этнография, археология и антропология, что в свою очередь не могло не отразиться на работе музеев, призванных служить их научной базой. В работе музеев находят отражение многие явления, ранее не представленные. Именно в этот период получает широкое развитие краеведение, создаются многочисленные краеведческие и художественные музеи. Через краеведов не только поступают новые материалы, но также углубляются и расширяются связи этнографов с населением. Собираемые этнографами материалы по духовной и материальной культуре, социальным отношениям и быту отсталых народов в процессе перехода их к новому быту приобретают громадную ценность — как для музейной практики, так и для практики экономического и культурного раз-

¹⁷¹ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 36 (экскурсионный журнал МАЭ), № 69, л. 11.

вития этих народов. Этнографы в числе ученых других специальностей участвовали в создании письменности, букварей и первых учебников для народов, не имевших ранее письменности, в разработке конкретных рекомендаций по различным сторонам культуры и быта народов СССР и т. п.

Для успешного поднятия культуры трудящихся СССР Коммунистическая партия и Советское правительство призывали интеллигенцию, научные и просветительные учреждения активно включиться в эту созидательную работу, содействующую социалистическому строительству. В своем докладе на III Всероссийском съезде Советов (1918 г.) В. И. Ленин подчеркивал, что «раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, — продолжал он, — и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил?»¹

Одним из первых академических учреждений, откликнувшихся на этот призыв, был Музей антропологии и этнографии. Ценнейшие собрания его, подготовленные в период первой империалистической войны к эвакуации в Москву (в Грановитую палату),² были распакованы, а к октябрю 1918 г. экспозиция восстановлена и открыта для обозрения. С установлением советской власти интерес трудящихся к культуре и быту народов мира усилился, в связи с чем Музей был открыт для обозрения уже не 2—3 раза, а шесть раз в неделю.³ Несмотря на тяжелые бытовые условия (холод и недоедание), музейные сотрудники обслуживали посетителей, читали лекции на заводах, в лазаретах, в воинских частях,⁴ являлись деятельными участниками различных комиссий по вопросам идеологии, национальному вопросу, антирелигиозной пропаганде, а также вели научную деятельность. Группы красноармейцев и раненых, находящихся на излечении, слушатели всевозможных курсов, просветительных кружков, учащиеся гимназий и реальных училищ «усиленно посещали Музей».⁵ В 1917—1922 гг. посещаемость достигала 20 000 человек в год.⁶

В эти же годы впервые ставится вопрос о специальном этнографическом образовании. Начиная с 1918 г. этнографов широкого профиля prepares Географический институт (впоследствии слитый с одноименным факультетом Университета), а затем Восточный факультет Ленинградского университета. Подготовка квалифицированных кадров этнографов бесспорно не могла не оказать влияния и на музейную практику.

Многие этнографы по окончании института или даже до окончания его поселялись на годы в среде народа, изучением которого они хотели заняться. Работая учителями, избачами в местных сельских советах и других советских учреждениях в самых «медвежьих» углах страны, они часто являлись единственными грамотными людьми в районе и практически осуществляли в условиях напряженной классовой борьбы решения партии и правительства. Культурно-просветительская деятельность их была крайне разнообразна — обучение грамоте, внедрение бытовых навыков, борьба с предрассудками, со знахарством и т. п.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 35, т. 1962, стр. 289.

² Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 73, л. 45.

³ Там же, ф. 2, оп. 1 (1908), № 8, л. 34.

⁴ Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 47, л. 5.

⁵ Там же, л. 35 об.

⁶ Там же, № 36 (экскурсионный журнал МАЭ).

В числе этнографов, работавших в 1920—1930 гг. на периферии, можно назвать Г. Н. Прокофьева, более трех лет прожившего с семьей в качестве учителя у селькупов (Туруханский край),⁷ С. Н. Стебницкого — у коряков (Камчатка), А. Н. Кислякова — у горных таджиков (Горный Бадахшан) и многих других.

Штат Музея антропологии и этнографии в послереволюционные годы был в значительной мере обновлен и увеличен. К 1924 г. он достиг 46 единиц, 31 из которых составлял научный и научно-технический персонал. В него вошли как старые, опытные специалисты, имевшие долголетнюю связь с Музеем, так и молодежь. Старшим этнографом Музея становится Л. Я. Штернберг. На должность заведующего отделом Средней и Южной Америки был приглашен (в 1918 г.) знаток первобытной культуры В. Г. Богораз, связанный с Музеем еще с конца 90-х годов. Находясь с 1889 г. в ссылке в Средне-Колымске, он так же, как и Штернберг, увлекся этнографией. Длительное пребывание на севере и специальные поездки, принятые им в связи с участием в Сибиряковской (1895—1897 гг.) и Джемсуповской (1900—1901 гг.) экспедициях, сделали из него прекрасного знатока этнографии народов Сибири. Перу Богораз принадлежало большое количество работ по фольклору и этнографии. Обширная монография «The Chukchee»⁸ и ряд статей, посвященных ламутам⁹ и чукчам,¹⁰ выдвинули его в ряды видных этнографов того времени. Работы эти, написанные на громадном фактическом материале, не потеряли своего значения вплоть до наших дней. Особенно большую ценность представляло описание материальной культуры и занятий чукчей (характеристике которых он, кроме того, посвящает ряд отдельных статей), а также духовной культуры и социальных отношений чукотского общества. Занимался Богораз и изучением религиозных верований.¹¹ Будучи одним из организаторов Антирелигиозной выставки Академии наук СССР (1930 г.), реорганизованной в 1931 г. в Музей истории религии Академии наук СССР, он был назначен директором этого Музея, которым и руководил вплоть до своей смерти (1936 г.).

«Мусульманский» отдел Музея (т. е. отдел этнографии народов Передней и Средней Азии) с 1918 г.¹² возглавил И. И. Зарубин, посвятивший большую часть жизни изучению языков и быта припамирских таджиков. В своих поездках и особенно во время экспедиции 1914 г., совершенной совместно с известным французским лингвистом Р. Готье, ученый собрал обширные лингвистические и фольклорные материалы, опубликованные в 30-х годах и частично в последующее время. Ряд статей И. И. Зарубина характеризует духовную и материальную культуру таджиков,¹³ этнический

⁷ См.: В. Г. Богораз. Работа Г. Н. Прокофьева среди остяко-самоедов. Этнография, 1928, № 2, стр. 91—95.

⁸ W. Bogoras. The Chukchee. Publications of the Jesup North Pacific expedition, vol. VII, p. 1—3, Leiden—New York, 1904—1909; Chukchee Mythologie. Publications of the Jesup North Pacific Expedition, vol. VIII, p. 1, Leiden—New York, 1910.

⁹ Землеведение, VII, кн. 1, М., 1900, стр. 59—72.

¹⁰ Научное обозрение, СПб., 1902, №№ 1 и 2.

¹¹ В. Г. Богораз. 1) Религиозные идеи первобытного человека. Землеведение, т. XV, кн. 1, М., 1908, стр. 60—80; 2) К психологии шаманства у народов северо-восточной Азии. Этногр. обозр., кн. LXXXIV—LXXXV, М., 1910, №№ 1—2, стр. 1—36; 3) Миф об умирающем и воскресающем звере. М., 1926; 4) Религия как тормоз социалистического строительства среди малых народностей Севера. Сов. север, М., 1932, №№ 1—2, стр. 142—157 и др.

¹² Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 72, л. 5.

¹³ И. И. Зарубин. 1) К истории Шугнана. В сб.: В. В. Бартольд, Л., 1926; 2) Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение. Там же; 3) Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги. Ташкент, 1927; 4) Материалы и заметки по этногра-

состав Средней Азии и Советского Союза в целом. В поездках конца 10-х годов, а также в руководимой им Зеравшанской экспедиции 1926—1927 гг. он собрал ценные коллекции для Музея, составившие основной фонд по припамирским и равнинным таджикам.¹⁴

Значительно обновился и состав научных сотрудников Музея. В 1925 г. в коллектив вошли уже известные своими трудами этнографы Д. К. Зеленин и Е. Г. Кагаров, а затем и большая группа молодежи. Ряд поступивших в Музей в 20-е годы сотрудников (Г. И. Петров, В. В. Федоров, Л. Б. Панек, Д. А. Ольдерогге, С. В. Иванов, Л. Б. Каруновская, Н. Г. Шпринцын и др.) прочно связали свою жизнь с Музеем, много лет работали, а некоторые и по сей день работают в его стенах.¹⁵

Д. К. Зеленин пришел в Музей уже зрелым ученым и вскоре получил почетное звание члена-корреспондента Академии наук (декабрь 1925 г.). Первоначально он занимал должность заведующего библиотекой Музея, а затем заведующего отдела этнографии народов Европы. Научные интересы ученого были очень широки. Его в равной мере интересовали диалектология, народное творчество и этнография.¹⁶

К числу значительных трудов Д. К. Зеленина по этнографии, вышедших в период его работы в Музее, принадлежит «Русская (восточнославянская) этнография», составляющая один из томов «Энциклопедии славянской филологии и истории культуры».¹⁷ Этот первый сводный труд по истории материальной культуры русского народа, широко использующий музейные материалы, представляет известный интерес и для современного исследователя.

К тому же времени относится написание ряда статей, в которых Д. К. Зелениным был обобщен значительный фактический материал по одежде и другим вопросам, главным образом касающимся материальной культуры.¹⁸

Большую ценность представляют библиографические данные, которыми щедро снабжены все работы Д. К. Зеленина. Будучи выдающимся библиографом, он уделял этой области специальное внимание. Зелениным были опубликованы: «Библиографический указатель русской этнографической литературы», «Обзор работ по этнографии восточных славян», «Обзор советской этнографической литературы», а также не полностью опубликованное в 1914—1916 гг. трехтомное «Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества» — ценный труд, которым и по сей день широко пользуются специалисты по русской этнографии. Библиографические работы Д. К. Зеленина были хорошо известны В. И. Ленину.¹⁹

Работу в Музее Зеленин сочетал с преподавательской деятельностью в Университете. В 1946 г., в связи с 220-летним юбилеем Академии наук, он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Возглавлял работу Музея в этот период академик Ефим Федорович Карский, который

фии горных таджиков. Долина Бартанга. Сб. МАЭ, т. V, вып. I, Пг., 1918, стр. 97—148 и др.

¹⁴ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 2352, 2674, 2679, 2680, 2682, 2779, 4295 и др.

¹⁵ Отчеты МАЭ за 1924 г., стр. 131—139; 1925, стр. 161—167, и др.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 156 (1903), д. 109, л. 65; Д. К. Зеленин. Некролог. СЭ, 1954, № 4, стр. 156—159.

¹⁷ D. Z e l e n i n. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Cnundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Berlin und Leipzig, 1927.

¹⁸ См., например: Д. К. З е л е н и н. Женские головные уборы восточных (русских) славян. Slavia, 1926, № 2, 1927, № 3, Прага.

¹⁹ Ленинский сборник, XXX, Партиздат, 1937, стр. 311.

был крупным специалистом по славянским языкам, в особенности по белорусскому.²⁰

К празднованию 200-летнего юбилея Академии наук, намеченному на сентябрь 1925 г., готовилась новая, первая послереволюционная экспозиция. Сроки были жесткие, и сотрудники, а также помогавшие им любители-специалисты и студенты Географического института работали с край-

Е. Ф. Карский.

ним напряжением сил. Вот как описывал с присущим ему юмором В. Г. Тан-Богораз эти дни в статье «Предъюбилейные чувства и действия»: «Далее рекомендую: мой собственный отдел. При отделе состоит ученый хранитель, почтеннейший Смолкин (речь идет о слуге В. А. Елкине, проработавшем много лет в Музее, — Т. С.), т. е. мы называем его ученым хранителем отдела, а на деле это — слуга. Он славится по всему Музею, мастер собирать кронштейны, стеклянные полки, крючья и прочее нужное... Еще рекомендую, трое технических помощников, один М. и два Ж. Студенты-юнты. И всем троим вместе отроду 58 лет. . . Мы начали поздно, но

²⁰ См. список главнейших его работ в «Очерке научной разработки русского языка в пределах СССР» (Сб. ОРЯС, т. 101, Л., 1926, стр. 73—77); см. также: Этнография, 1927, № 2, стр. 391—393).

зато они работают по 10 часов в сутки, а покончив работу, спускаются вниз по перилам: — фью, фью!... Зеленые, что с них возьмешь? Но души их доведены до белого каления. В лепешку разобьемся, а выставим, окончим!²¹... Художники, — продолжает он, — работают до поздней ночи.²² Делают всякую работу, и белую и черную. Мужчины и лепят и плотничают, женщины рисуют и шьют. Этой соединенной работой Музей преобразается и выходит ученый дворец. Наши старые коллекции ожидают по-новому. А коллекции у нас богатейшие. По богатству — четвертые в мире. Им, в сущности, и цены нет». ²³

Дружная веселая работа коллектива и помощников-энтузиастов (которых по всему Музею было 43 человека) ²⁴ дала прекрасные результаты. В конце августа Музей был готов к приему гостей.²⁵ Сведения о том, что экспозиция Музея заинтересовала ученых, сохранились в ряде документов, в одном из которых указывается, что «в виду исключительного интереса, проявленного как иностранными, так и русскими гостями к Музею, и выраженного ими желания обменяться мнениями в интимном собрании этнографов и археологов по целому ряду научных вопросов и специально по вопросам музейным» Академией был организован вечер, в котором приняло участие 170 человек.²⁶

Новая экспозиция была несравненно больше предыдущей, так как в связи с переездом Библиотеки Академии наук в специально для нее выстроенное помещение, Музею антропологии и этнографии было передано здание Кунсткамеры.²⁷ Проезд между флигелем в Таможенном переулке и Кунсткамерой был «забран стенами», что позволило связать оба помещения и создать амфиладу зал.²⁸ Благодаря этому экспозиционная площадь Музея увеличилась в 2.5 раза.

По мысли устроителей, выставка должна была «обслуживать как специалистов, так и широкие круги публики одновременно» ²⁹ и подразделяться на отделения: этнографическое («наиболее характерные культуры всех ныне живущих народов на всех ступенях развития»), археологическое («культуры доисторического периода, рисующие самые ранние шаги человека по пути культуры»), антропологическое («история происхождения человека и постепенного его телесного развития, история рас») и отдел эволюции и типологии культуры.³⁰ В этом плане она и была осуществлена. Основная масса этнографических коллекций характеризовала культуру и быт зарубежных народов. Из отечественных собраний экспонировались материалы по народам Сибири и Средней Азии. Что касается славянских народов, финнов Поволжья и народов Кавказа, то, хотя подбор коллекций по ним продолжался, специально посвященной им экспозиции не было. Лишь отдельные предметы вкрапливались в качестве сравнительного

²¹ Т а н. Предъюбилейные чувства и действия. К юбилею Академии наук. Ленинградская правда, 1925, № 173, стр. 3.

²² Музей использовал старые и сделал 230 новых манекенов силами художников В. С. Асс, Н. Я. Вальдама, А. В. Вернера, О. С. Коржинской (лепка), Н. В. Дыдыкина (лепка и раскраска) и С. И. Юнкер-Крамской (раскраска). Маски для манекенов выполнялись по фотографиям с консультацией отделов (Отчет МАЭ за 1925 г., стр. 160).

²³ Т а н, ук. соч., стр. 3.

²⁴ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (1925), № 8, л. 168 («Список лиц, не принадлежавших к числу служащих МАЭ, но исполнивших отдельные поручения в связи с перевыставлением музейных коллекций»).

²⁵ Всесоюзное торжество науки. Ленинградская правда, 1925, № 187, стр. 2.

²⁶ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (1925), № 8, л. 184.

²⁷ Там же, оп. 1 (1927), № 8, л. 1.

²⁸ Там же, оп. 1 (1924), № 5, л. 413—413 об., № 3, л. 2.

²⁹ Там же, оп. 1 (1923), № 3, л. 56.

³⁰ Там же, оп. 1 (до 1924), № 1, л. 10.

материала (например, орнамент финнов Поволжья — в отдел, посвященный угро-финским племенам Сибири и севера России,³¹ и т. п.).

Некоторые материалы подавались тематически. В экспозиции отдела Сибири, например, демонстрировались комплексы, посвященные религиозному культу и искусству. В так называемой «Галерее шаманов» были выставлены фигуры шаманов всех народов Сибири в полном облачении, с принадлежностями камлания, шаманские гробницы и изображения

Экспозиция 1925 г. Отдел Сибири.

«духов». На выставке, посвященной искусству народов Сибири, экспонировалась скульптура, а также предметы быта, украшенные рисунками и орнаментом.³²

Большая часть этих материалов выставлась и прежде. Впервые предстали перед зрителями собрания отдела Передней и Средней Азии. Эти коллекции характеризовали быт кочевых народов (казахов, туркмен) оседлого населения Средней Азии (таджиков, узбеков), архаическую земледельческую культуру восточного Ирана, орудия и одежду афганцев, уйгуров и саларов. В специальном разделе экспонировались коллекции по среднеазиатскому и персидскому дервишизму, в числе которых особый интерес представляло комплексное собрание, характеризующее праздник махарем (шахсей-вахсей).

Экспозиция отдела Северной и Средней Америки осталась без особых изменений; отдел Южной Америки пополнился собраниями по быту и

³¹ Музей антропологии и этнографии. Путеводитель. Л., 1925 (далее: Путеводитель, 1925), стр. 9.

³² Путеводитель, 1925, стр. 11—12.

культуре племен, обитавших в бассейне р. Шингу, поступившими от немецкого ученого Г. Мейера, материалами, характеризующими быт населения Чако (в частности, племен чамококо, тумраха и проч.), приобретенными у путешественника А. Фрича, а из Парагвайского Чако и Бразильского Матто Гроссо — собранием дипломантов Петербургского университета И. Д. Стрельникова, Ф. А. Фиельструпа, Г. Г. Манизера и С. В. Геймана, обследовавших эти районы в 1914—1915 гг. по командировке Музея.³³ Особенный интерес в них вызывали предметы быта ботокудов и арауканов (одежда, ткачество, утварь, серебряные изделия, предметы культа и др.). Большая часть этого собрания из-за войны была доставлена в Музей лишь в начале 20-х годов.³⁴

Экспозиция отдела Африки, помимо старых собраний, демонстрировала первоклассные коллекции по культуре и быту народов Эфиопии, поступившие от русских врачей и путешественников, о которых говорилось выше, а также коллекции по ремеслу и быту галла и амхара, собранные в 1913—1914 гг. известным русским поэтом Н. С. Гумилевым,³⁵ и др. Кроме того, были выставлены коллекции по населению северной Африки (кабиллам и туарегам), пополненные собраниями С. В. Смогоржевского, собрание Л. Фробениуса по народам Западного Судана, коллекции по быту арабизированного племени хаусса и собрания по народам Южной и Юго-Восточной Африки (банту, готентотам, бушменам), привезенные чешским путешественником Эмилем Голубом (оружие, одежда, утварь и музыкальные инструменты).

Большой интерес представляла коллекция из бассейна Конго, поступившая путем обмена из Стокгольмского музея (1923 г.), и редчайшее собрание бронзовой скульптуры XV—XVI вв. из г. Бенина.

В основу экспозиции этого отдела наряду с географическим принципом размещения (экспонаты были сгруппированы по культурным провинциям Африки) был частично применен тематический, в соответствии с которым совместно выставлялись коллекции, характеризующие земледелие, скотоводство, ремесла, религию и музыку всех африканских народов.³⁶

Особенно большой интерес представляла экспозиция отдела Индии. В дореволюционную эпоху она находилась в зачаточном состоянии. Имевшиеся в отделе 1500 предметов ни в коей мере не отражали этнографию этого многонационального государства. В 1923—1924 гг. отдел был весьма существенно пополнен коллекциями, собранными А. М. и Л. А. Мерварт.³⁷

³³ Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1915), № 162, ИФ, §§ 186, 198; оп. 1а (1917), № 164, ИФ, § 376; ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 44, л. 40, № 66, лл. 287, 325, № 67, л. 314, № 68, л. 133, № 70, лл. 11, 50, 66, 144.

³⁴ Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 73, л. 103.

³⁵ Там же, ф. 1, оп. 1а (1913), № 160, ИФ, § 294; ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 65, лл. 80, 83, 371 и др.

³⁶ Отчет МАЭ за 1925 г., стр. 174.

³⁷ Экспедиция была организована с целью «всесторонне изучить материальную и духовную культуру народов Индии и параллельно с этим составить полное собрание предметов, иллюстрирующих эти культуры, с тем расчетом, чтобы это собрание могло послужить материалом для образования в Музее особого отдела культуры Индии» (Архив АН, ф. 1, оп. 1а (1918), № 165, ИФ, § 154; ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69, лл. 281—282). По заданию антропологов участники ее должны были зафиксировать цветность населения, для чего им вручили в качестве пособия таблицы Брока и Лупана (там же, ф. 1, оп. 1 (до 1918), № 66, лл. 81, 204, 462, № 69, л. 53). Обследование было начато с о. Цейлон, откуда в адрес Музея поступило 30 ящиков коллекций «по быту, искусству и религии Цейлона» и значительное количество рукописей и фотографий (там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69, л. 45). Особенно большой материал был собран по религиям народов Индии и, в частности, по индуизму. В 1915 г. экспедиция перебралась на материк Индии, работала в Мадрасском президентстве, в Мадрасе, Мадуре, Тричинополи, Танджоре, Пальнийских и Голубых горах, Коимбаторе (в княжестве Пудукоте и в кня-

Экспозиция 1925 г. Отдел Южнѣй Америки.

Эти коллекции легли в основу новой экспозиции и были сгруппированы следующим образом: материальная культура народов Индии (с подотделом моделей), театр и декоративно-изобразительное искусство.³⁸

В числе ценнейших экспонатов раздела, характеризующего декоративное искусство и архитектуру Индии, был фрагмент портика дворца вельможи из г. Насик Бомбейской провинции, приобретенный и доставленный М. С. Андреевым. Этот портик представляет в наши дни уникальный интерес, ибо памятников деревянной монументальной архитектуры мало сохранилось даже в самой Индии.³⁹

М. С. Андреев много лет был связан своими научными интересами с Музеем антропологии и этнографии. Уроженец Средней Азии, он прекрасно овладел местными языками и в 1898 г. был приглашен в качестве переводчика в Восточно-Турфанскую экспедицию. В своих поездках он собирал этнографические материалы, впоследствии опубликованные им в соавторстве с А. А. Половцевым, а также материалы по язгулямскому языку.⁴⁰

Отправляясь в Индию (где он прожил с 1905 по 1914 г.),⁴¹ Андреев предложил свои услуги Музею и приобрел для него упомянутый портик и великолепную коллекцию по этнографии народов Индии, насчитывающую свыше тысячи номеров.

В советское время М. С. Андреев — заслуженный деятель науки Таджикской и Узбекской ССР — не утерял связи с Музеем и всемерно способствовал обогащению его фондов материалами по этнографии таджиков и афганцев.⁴²

Экспозиция остальных этнографических и археологического отдела Музея мало отличалась от дореволюционной и выигрывала лишь благодаря более просторному размещению.⁴³

Как видно из изложенного, этнографическая экспозиция 1925 г. была построена по старым канонам и не соответствовала требованиям, предъ-

жестве Рампад на Малабарском побережье, в Британском Малабаре), в Каликуте, в княжестве Траванкоре и в Кочине, в Анамалийских горах, в королевстве Майсоре, в дистриктах Бангалорском, Тривандурам, Эрнаулам (Коттаям, Квилон, Пирмет) и др.; в Южной Индии по пути следования собирались предметы быта, культа, кустарной промышленности и искусства. Все местные музейные и частные собрания фотографировались. Это в особенности касалось вещей, недоступных по цене, — драгоценностей, резьбы по слоновой кости, сандаловому дереву и мозаики, — или запрещенных к вывозу, как например предметы археологические и произведения искусства. Всего было собрано 90 ящиков коллекций, которые из-за начавшейся войны с Германией были оставлены на хранение в Мадрасском музее, куда вскоре были перевезены также коллекции, собранные в северной Индии и Ассаме (80 ящиков) (там же, оп. 1 (1924), № 5, лл. 585—587). В результате долгого хранения и нападения белых муравьев часть этих коллекций погибла (там же, ф. 2, оп. 1 (1918), № 8, л. 134), однако основная их масса благополучно в 1923—1924 гг. была водворена в Музей антропологии и этнографии (там же, ф. 142, оп. 1 (1923), № 3, лл. 81—83, 118 и др.). Общее количество поступивших из экспедиции предметов равнялось 5575, а фото и негативов — свыше 3000. Наибольший интерес из них представляли собрания костюмов малабарского народного театра и сценических принадлежностей, собрание марионеток бенгальского театра, обширная коллекция музыкальных инструментов, коллекция набоек североиндийской и кашмирской ситцепечатной промышленности, кендийская расписная керамика, а также ряд великолепно выполненных моделей храмов и моделей, иллюстрирующих сельский быт (Отчет МАЭ за 1924—1925 гг., стр. 134, 170—171, и др.).

³⁸ Путеводитель, 1925, стр. 19.

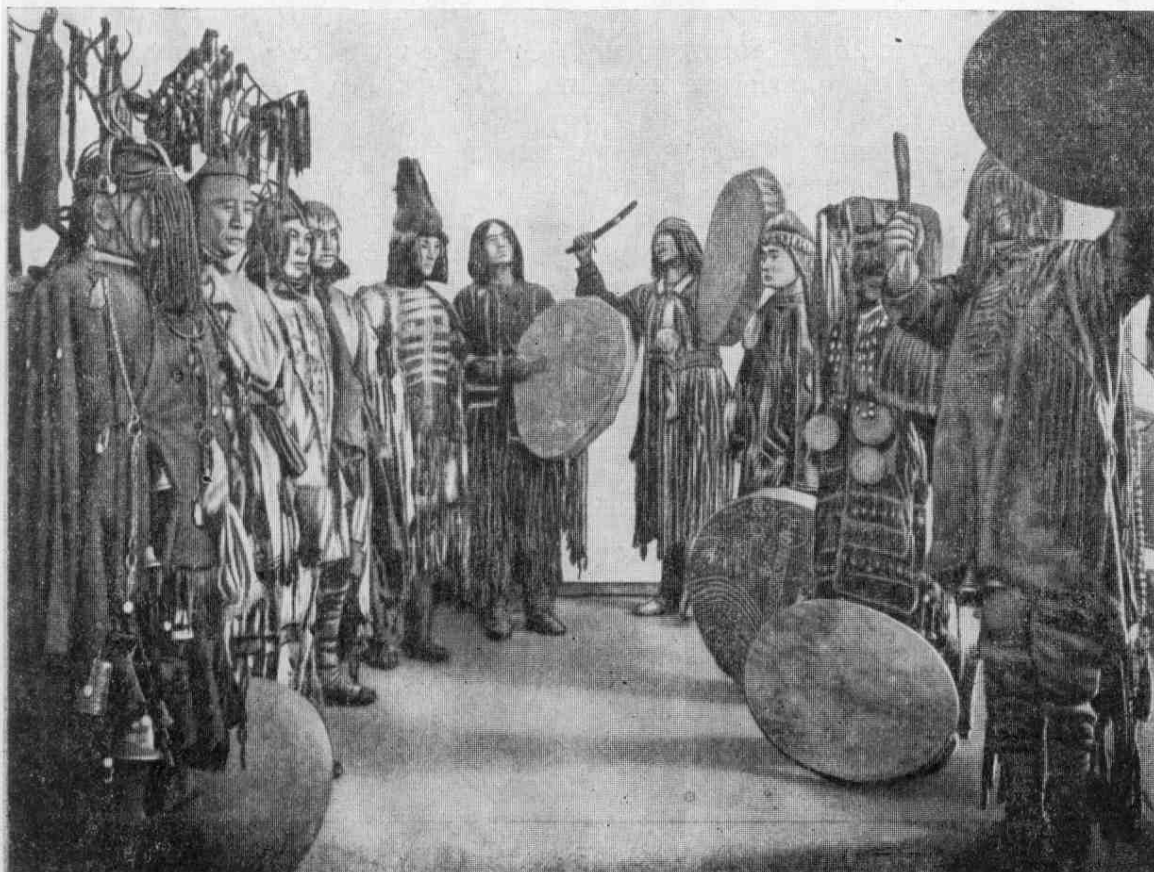
³⁹ М. К. Кудрявцев. Фрагмент дворца из г. Насик. Сб. МАЭ, т. XIV, Л., 1953, стр. 140—146; Архив АН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 61, л. 79.

⁴⁰ М. С. Андреев, А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. Пг., 1911; М. С. Андреев. Язгулямский язык. Таблица глаголов. Л. 1930.

⁴¹ Н. К. Писарчик. М. С. Андреев. В сб.: Памяти М. С. Андреева, Сталинабад, 1960, стр. 1—29.

⁴² Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 1789, 2055, 2418, 3083, 3458 и др.

⁴³ Этнография, 1926, № 1—2, стр. 275—276 (Хроника).

Галерея шаманов (1925 г.).

М. С. Андреев беседует с информаторами.

являемым к науке новой методологией. Она еще целиком базировалась на вещеведческом и типологическом принципах, которые были изжиты значительно позже.

Антропологический отдел Музея отличался от дореволюционного по своему облику и содержанию. Если ранее он представлял собой лишь magazинированные фонды, то выставка 1925 г. явилась первой попыткой создать связную, доступную для широкого посетителя экспозицию. Осмотр ее начинался с показа чучел и скелетов полуобезьян Нового и Старого света, ближайших предков человека. Ископаемые формы антропоидов демонстрировались в виде муляжей. Вывешенные в шкафах таблицы изображали родословную приматов, показывали их связи с современными формами человека и животных. Коллекции и схемы характеризовали изменения в организме человека, порожденные переходом к вертикальному хождению. Эмбриологический раздел экспозиции демонстрировал стадии развития зародыша, а также различные виды рудиментарных органов и атавизма. Существенную часть этого раздела составляли тератологические коллекции Кунсткамеры — работы первых русских анатомов и коллекция Рюйша, долгое время хранившаяся в фондах Музея.

Антропологический отдел выгодно отличался своей экспозицией от всех остальных отделов Музея. Новая методика, созданная на основе материалистического мировоззрения, дала возможность показать процесс развития человеческого организма начиная с самых ранних стадий; четкость построения, обилие сравнительных материалов, рисунков и схем делали выставку доступнее для широкой публики, чем более интересные и выигрышные по материалу, но поданные в академической вещеведческой манере этнографические отделы.

Заведующим отделом антропологии был назначен Б. Н. Вишневский (1923 г.),⁴⁴ занимавшийся ранее педагогической деятельностью в Перми и Казани.⁴⁵ Научно-исследовательские работы его по антропологии были связаны с изучением этногенеза и физического развития народов СССР и носили главным образом информационный характер. Они были посвящены в основном народам Приуралья, Поволжья⁴⁶ и Средней Азии. В связи с участием в Среднеазиатской этнологической экспедиции 1926—1931 гг. Вишневский написал несколько исследований по группам крови.⁴⁷ Созданное на базе Музея Межведомственное бюро по изучению групп крови завязало обширные связи с периферией. Материал, получаемый из экспедиций, а также от местных врачей, позволил показать, что биохимический состав крови у различных групп узбеков, таджиков, евреев, ирани и арабов имеет специфические отличия и может служить для этногенетических исследований.

Подобные коллективно выполняемые работы наглядно доказывали, что социальный состав не только научных работников самого Музея, но и актива его с каждым годом демократизировался. Вливались новые силы — как в центре, так и на местах. Во вновь организованных автономных и союзных республиках под влиянием подъема национального

⁴⁴ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (1923), № 3, лл. 17, 19.

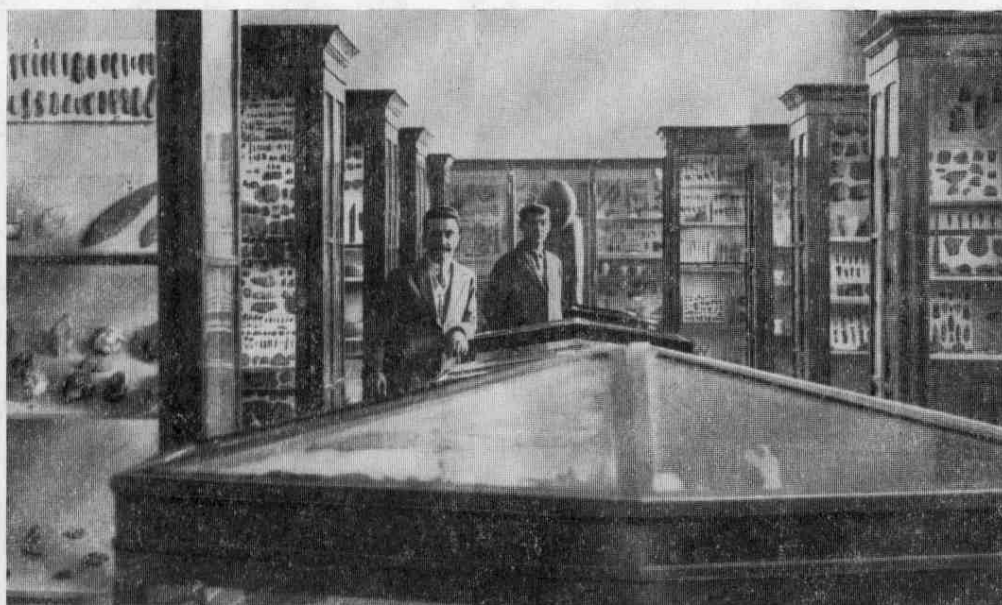
⁴⁵ Б. Н. Вишневский. 1) Антропология как наука и ее университетское преподавание. Казань, 1922; 2) Вопросы антропологии и этнографии в преподавании географии. Л., 1936 и др.

⁴⁶ Б. Н. Вишневский. 1) Антропологические данные о населении Пермского уезда. Пермь, 1916; 2) Антропологическое изучение чувашей. Л., 1929.

⁴⁷ Б. Н. Вишневский. 1) О связи морфологических признаков с биохимическими. Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов. Киев—Харьков, 1931, стр. 288—289; 2) Материалы для изучения групп крови у народов СССР. Л., 1928; 3) Раса и кровь. Природа, № 1, 1927, стр. 22—38.

самосознания начиналось изучение родного языка и культуры. Создается журнал «Этнография» (1926 г.), в котором публикуются ценнейшие находки и новые материалы, в том числе и по этнографическим музеям. Лозунг времени «Наука — массам» ориентировал на широкую популяризацию научных знаний среди населения. Огромную роль сыграли для ряда наук и в частности для этнографии постановления Коммунистической партии по национальному вопросу, агитации и пропаганде.

Первые шаги Музея антропологии и этнографии на поприще популяризации научных знаний выразились в создании отдела эволюции и ти-

Экспозиция 1920-х годов. Отдел археологии.

пологии культуры, который, по мнению Штернберга, должен был служить «венцом» всей музейной экспозиции. «Музей эволюции культуры, — утверждал он, — . . . даст возможность человеку. . . понять, как создавалась техника, которой он пользуется в своем повседневном быту, как сложились его верования и идеи. . .».⁴⁸

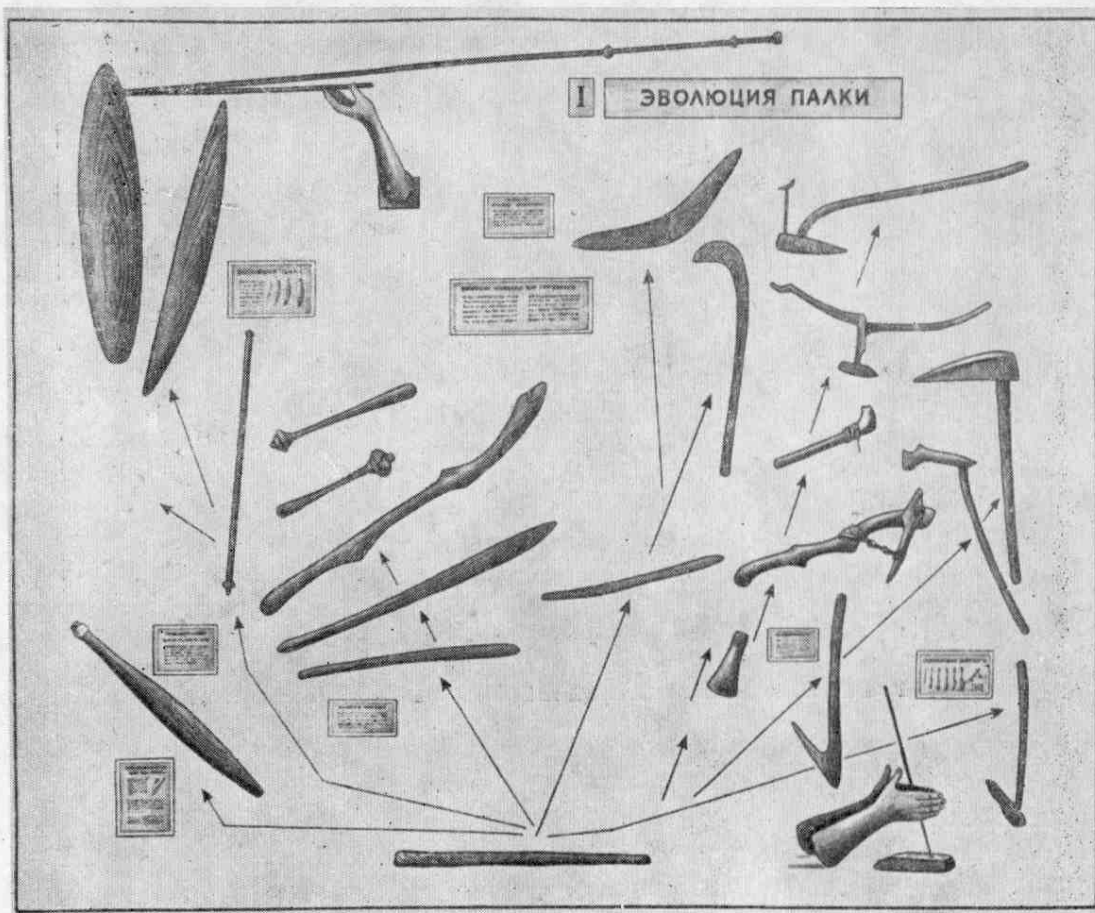
В конце 20-х годов под руководством Кагарова, возглавившего эволюционно-типологический отдел после смерти Штернберга (1927 г.), был разработан и открыт ряд временных выставок, которые со временем должны были составить эволюционно-типологический отдел.

Е. Г. Кагаров с 1925 г. руководил кафедрой этнографии в Университете и одновременно работал научным сотрудником Музея. Это был весьма разносторонний и широко эрудированный ученый. Характеризуя его деятельность, академик В. П. Бузескул писал: «Е. Г. Кагаров поражает обилием своих трудов (свыше 500) — больших и малых, разнообразием их тем, своим широким диапазоном. Труды эти охватывают Древний восток, Грецию и Рим, античную культуру в разных ее проявлениях, фольклор, этнологию и этнографию, примитивную культуру и современный быт с его пережитками далекого прошлого, педагогику, русскую литературу».⁴⁹

⁴⁸ С. А. Ратнер-Штернберг. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии АН. Сб. МАЭ, т. VII, Л., 1928, стр. 63—64.

⁴⁹ Н. А. Кисляков. Евгений Георгиевич Кагаров. СЭ, 1963, № 1, стр. 144—147.

Первая группа составленных по его плану типологических выставок должна была охарактеризовать производительные силы и производственные отношения первобытного общества. В числе их была выставка «Первобытные орудия и оружие» (1927 г.),⁵⁰ состоящая из разделов «Орудия труда» и «Средства нападения и защиты» (эволюция палки как первобытного орудия и оружия, эволюция камня, лук и стрелы, типы ножа и меча,

Экспозиция эволюционно-типологического типа (1928 г.).

типология палиц, копий и др.); выставка «Огонь в истории культуры» (1928 г.), имевшая разделы «Первобытные способы добывания огня», «Огонь в домашнем хозяйстве», «Огонь в производственной жизни малокультурных народов» и «Огонь в истории религии»; выставка «Типы жилища» (1929 г.) демонстрировала простейшие его виды: пещеры, землянки, шалаши, круглые хижины, свайные постройки. Затем были подготовлены (но не открыты) выставки: «Одежда в социологическом освещении», «Домашняя утварь» и «Средства передвижения».

Вторая группа выставок должна была осветить надстроечные явления: «Организация доклассового и ранне-классового общества», «Наука», «Техника», «Искусство», «Религия».

В 1929 г., в соответствии с планом отдела, была открыта выставка «Экономические и социальные корни искусства», охватывающая такие вопросы,

⁵⁰ З. Е. Черняков. Выставка первобытных орудий и оружия. Этнография, 1928, № 1, стр. 119—122.

как «Искусство и техника», «Искусство и экономика», «Искусство и общество». Открытая в том же году выставка «Жизнь ребенка в свете этнографии» включала разделы: «Роды и связанные с ними обряды», «Пеленание и одежда», «Деформация тела ребенка», «Типы колыбели», «Способы ношения детей», «Приемы приучения их к сидению и ходьбе», «Игрушки» и др.⁵¹ Выставки сопровождалась картами распространения того или иного типа орудия или явления, а также «родословным древом», ветви которого показывали этапы эволюции данной формы.⁵² Эти выставки по сравнению с экспозицией вещеведческого типа имели явное преимущество в силу большей четкости подачи материала.

Несмотря на это, применение в экспозиции эволюционно-типологического метода было ошибкой, свидетельствующей о сильном отставании теоретической мысли в Музее. Во всех экспонируемых темах то или иное явление рассматривалось вне времени, пространства и этнической среды, как явление в снятом виде. При таком формальном, антиисторическом подходе исторический процесс искусственно расчленялся на отдельные части. Вещи, построенные в эволюционно-типологические ряды, вне изучения их социальных функций, вырванные из конкретной среды, изучались чисто формально. Нет необходимости доказывать, что в советских условиях эта концепция не только тормозила развитие этнографической науки, но и наносила вред пропаганде научных знаний. Она не могла способствовать формированию научного мировоззрения посетителей Музея, так как проповедовала антинаучные взгляды на историю человеческого общества. Это положение объяснялось тем, что ученые, возглавлявшие в то время Музей, были сторонниками эволюционистской школы. В буржуазных странах Западной Европы эволюционно-типологическая экспозиция имела в этот период довольно широкое распространение. Значительная часть ученых (например, О. Рихтер, Ф. Кунце, К. Ланг и их предшественники — А. Бастиан, О. Монстерберг, Ф. Лушан и др.) считали этнографию средством сглаживания межклассовых противоречий и смягчения противоречий между колониями и метрополиями.⁵³ Именно в силу подобной установки эволюционно-типологическая экспозиция имела в 30-е годы широкую поддержку со стороны господствующих классов, а следовательно — и широкое распространение.

Начало 30-х годов ознаменовалось громадными сдвигами в жизни Советского Союза: индустриализация, идущая невиданными темпами, поворот деревни в сторону коллективизации показали всему миру, что страна Советов прочно встала на рельсы социализма.

Не меньшие сдвиги произошли и в области идеологии. На каждом новом этапе развития страны партия ставила перед работниками идеологического фронта конкретные задачи.

Постановления 1924, 1925, 1932 гг. о партийной печати и литературе⁵⁴ сказались на развитии всех отраслей науки. Начало 30-х годов было переломным периодом и в развитии исторических наук. Марксистско-ленинская методология значительно усилила позицию в этнографии. Выдвигаемые в процессе культурной революции неотложные задачи не могли быть решены без серьезного, творческого овладения теорией марксизма-ленинизма. В обстановке развернутого социалистического строительства каж-

⁵¹ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (1927), № 3, л. 27 (см. также путеводители, изданные в 1927—1930 гг.).

⁵² Там же, ф. 142, оп. 1 (1927), № 1, лл. 6—8.

⁵³ См. высказывания упомянутых лиц о назначении этнографа в статье: Е. Ф у н к. Этнографические музеи в капиталистических странах. СЭ, 1933, № 1, стр. 175—177.

⁵⁴ См. сб.: О партийной и советской печати. М., 1951, стр. 250, 343, 431.

дый честный этнограф не мог оставаться пассивным наблюдателем, а становился активным борцом за просвещение, за дружбу народов и искоренение пережитков родового и феодального укладов, за преодоление религиозных и иных предрассудков.

Обострение классовой борьбы 30-х годов вызвало в ряде буржуазных стран обострение идеологической борьбы, что сказалось и на работе некоторых этнографических музеев. В ряде музеев проявляется стремление выйти за пределы историко-культурных вопросов своей страны и увеличивается интерес к истории развития человечества и этнографии народов мира. Музей Тракодери (Франция), например, трансформировался в 1930 г. в «Музей человека». Экспозиция его ставила целью показать человека в его биологических вариантах и культурных разновидностях всех времен и стран. В «Музее человека», подобно Музею антропологии и этнографии, были объединены «физическая антропология», «предистория» (или, по нашей терминологии, палеолитические собрания), «археология», «этнография» и «фольклор», а также коллекции по анатомии, физиологии, палеонтологии человека всех континентов.⁵⁵

Музеи, оказавшиеся под влиянием и контролем фашистских элементов, использовали музейную экспозицию для воспитания молодежи в духе национализма. Совещание нацистских работников культуры в Майнце (1933 г.) обязало работников музеев способствовать «формированию аморфных масс народа в нацию», «подготовить морально поколение к войне», «пробудить в нем боевой дух, подчеркивая „тевтонский элемент“». Исходя из этих установок и были построены экспозиции ряда музеев Германии, и в частности «Отечественного музея» и «Музея оружия».⁵⁶

В конце 20-х и начале 30-х годов в работе крупнейших советских музеев наступает перелом. Это ясно продемонстрировали проходившие в Ленинграде Этнографическое совещание 1929 г. и Первое всероссийское археолого-этнографическое совещание 1932 г. Анализируя деятельность музеев, участники совещания могли уже констатировать принципиальное отличие советских музеев от западноевропейских — как в отношении экспедиционной работы, так и особенно в области научно-просветительной. Было подчеркнуто также, что экспозиции советских этнографических музеев успешно пропагандируют идеи равенства народов, а по манере подачи материала менее академичны, чем экспозиции зарубежных музеев.⁵⁷

В истории советского музейного дела новое сказывалось не только в развитии теории, отраженной в экспозиции, не только в новой практике собирательства, но и в новых организационных формах. Организуются ученые советы при музеях, созываются всесоюзные музейные совещания и конференции (1932—1934 гг.), что в свою очередь не могло не стимулировать развитие музейной работы.

Перед этнографами и работниками других музеев исторического профиля вплотную был поставлен вопрос об иной форме экспозиции. Она должна была стать более доступной, политически острой и способствовать превращению Музея «в наглядный учебник исторического материализма и истории развития общества на основе показа ранних социально-экономических формаций в их конкретных вариантах».⁵⁸

⁵⁵ Vallois. Le Musée d'Homme. Medicine de France, 1956, стр. 71; R i k e t. La reorganisation du musée d'ethnographie du Tracadero. Bulletin du Museum, 1930, 2 ser., t. II, № 5, стр. 57.

⁵⁶ Alma S. Wittlin. The Museum, its history and its tasks in edication. London, 1949, стр. 151—161.

⁵⁷ Б. М. Соколов. Построение и деятельность советских этнографических музеев. СЭ, 1931, №№ 3—4, стр. 126.

⁵⁸ Архив ИЭ, К-IV, оп. 13.

Новые задачи потребовали перестройки всей работы Музея. Эволюционно-типологический метод был отброшен, начались поиски. В основу экспозиции нового типа был положен принцип формы хозяйства. В соответствии с этим в Музее было намечено создать три отдела: первый из них должен был освещать этнографию народов, основу хозяйства которых составляла охота, собирательство и первобытное рыболовство; второй — этнографию скотоводческих народов; третий — этнографию народов-земледельцев. Однако и принцип показа народов мира на основе классификации их по формам хозяйства не отвечал задаче перестройки Музея на базе марксистско-ленинского учения об обществе. Этот принцип также, по существу, отражал теорию трех ступеней развития хозяйства, идущую от учения А. Смита, к которой обычно прибегали эволюционисты. Внедрение в экспозицию теории трех ступеней также явилось следствием того, что руководящие посты в Музее долгие годы занимали приверженцы эволюционной теории. Построенная таким образом экспозиция обрекала на совместный показ самые различные по языку и происхождению народы земного шара, обитающие не только в различных странах, но и на разных континентах.

В 1932 г. открылась вводная часть будущей экспозиции Музея антропологии и этнографии, так называемая «синтетическая выставка», созданная на антропологических, археологических и этнографических материалах. Она была приурочена ко 2-й Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного отложения Европы, где предполагала работать особая секция по изучению ископаемого человека. На выставке демонстрировались первые находки остатков неандертальца, найденные в 1925 г. Г. А. Бонч-Осмоловским в Крыму (пещера Киик-Коба), скелеты людей мезолитического периода, обнаруженные в 30-х годах (пещера Мурзак-Коба, Фатма-Коба), и др.; подытоживались научно-исследовательские достижения советских ученых по ряду вопросов антропогенеза (освещалась, в частности, проблема пигмеев и карликовых народов), демонстрировалось родословное дерево человека, вскрывающее его корни в мире животных, демонстрировались сравнительно-анатомические коллекции. На антропологических и археологических материалах раскрывались перед посетителем различные стадии развития человека по линии эволюции его физического типа и показывалась история развития общественных отношений в первобытном обществе.⁵⁹

Этнографический раздел выставки характеризовал хозяйство, материальную и духовную культуру современных охотников и собирателей — тасманийцев, бушмен, ботокудов, австралийцев, огнеземельцев и андаманцев.⁶⁰

Нашли отражение в работе Музея и мероприятия партии и правительства по национальному вопросу. Многие выставки, организованные во второй половине 30-х годов, служили прекрасным учебно-педагогическим материалом по вопросам колониальной политики международного империализма и русского царизма, характеризовали гуманистическое направление национальной политики Советского Союза. В числе их назовем: «Японский империализм в Китае», «Сибирь и Советский Север», «Абиссинская выставка», «Производительные силы среднеазиатских республик». Целевой установкой этих выставок было «развернуть анализ разрушительного влияния капиталистической цивилизации на докапиталистические уклады, противопоставляя политике царской России и колониальной прак-

⁵⁹ Архив АН, ф. 142, оп. 2, № 140.

⁶⁰ Н. М. Моторин. 15 лет советской этнографии. СЭ, 1932, №№ 5—6, стр. 11.

тике империалистических держав национальную политику коммунистической партии и хозяйственно-культурный рост народов Советского Союза».⁶¹ Во многих из них материал подавался с большой остротой и отличался агитационной силой. Убедительности и наглядности материала помогало введение в выставки фотографий, рисунков, панно и текстов.

Большое место в работе Музея заняли вопросы национальной политики по малым народам Сибири и народам Средней Азии. Многочисленные, регулярно осуществлявшиеся экспедиции доставляли обильный вещевой и информационный материал. Научное освещение этого материала в печати помогало советским работникам находить правильные решения в проведении того или иного мероприятия в области экономики и в особенности в культурном строительстве ряда народностей.

Собирательская работа Музея в конце 20-х — начале 30-х годов имела свои отличительные особенности, продиктованные задачами новой экспозиции. Так, например, материалы по изучению производительных сил страны, послужившие для серии выставок, начали подбираться еще в середине 20-х годов — сначала самим Музеем, а затем в содружестве с Советом по изучению производительных сил СССР при Академии наук (СОПС). В 1924 г. с этой целью была предпринята этнографо-антропологическая экспедиция в Марийскую и Чувашскую автономные области и в Приуралье; в 1925 г. продолжена экспедиция в Марийскую область и организованы две экспедиции в Приуралье; в 1926 г. — экспедиции в Приамурье, Самаркандскую область; в Чувашию, Семиречье; в 1927 г. — в Ферганскую и Амурскую области, Шорию и Зауралье; в 1928 г. — в Зеравшанскую область, Дагестан и в Горную Грузию, и др.⁶²

Большая часть экспедиций, направляемых Комиссией по изучению племенного состава населения СССР (КИПС), в которой работали многие этнографы, в значительной мере учитывала интересы Музея. В 1926 г. была организована Гарино-Амгунская экспедиция для изучения особенностей группы нанайцев; в 1927 г. — в горную Шорию, а также на Амур для изучения ульчей. Участники этих экспедиций собрали свыше тысячи предметов по ранее совершенно не представленным в Музее районам.⁶³ В 1928 г. состоялась экспедиция к орочам Татарского пролива и к кетам; в 1932 г. — к ненцам Малоземельской и Большеземельной тундры. В 1935 г. начата работа по систематическому изучению народов Дальнего Востока, в частности народов Амура, как в археологическом, так и в этнографическом отношении. Во всех этих поездках принимали участие музейные сотрудники.

Работники отдела Передней и Средней Азии были тесно связаны по линии экспедиций с Советом по изучению производительных сил СССР, участвовали в комплексных экспедициях в качестве руководителей и членов этнографических и лингвистических отрядов. Результаты этого изучения были суммированы в серии конференций (1932—1934 гг.), в которых участвовали не только академические, но и местные научные организации. На основе собранных материалов устраивались совместные выставки в Эрмитаже, конференц-зале Академии наук и т. п., в том числе выставки: «Производительные силы Узбекистана», «Производительные силы Таджикистана», «Каракалпаки», «Киргизы», «Туркмены». Деятельным участником этих выставок был Музей антропологии и этнографии.

Особенно большое количество экспонатов поступило в Музей от Среднеазиатской этнологической экспедиции 1926—1931 гг., работавшей под

⁶¹ Архив ИЭ, К-IV, оп. 13 (1932).

⁶² Архив АН, ф. 142, оп. 1 (1924), № 1, лл. 15—16; оп. 1 (1926), № 9, л. 281.

⁶³ С. А. Ратнер-Штернберг, ук. соч., стр. 60.

руководством выдающегося востоковеда акад. В. В. Бартольда, а затем акад. А. Н. Самойловича.⁶⁴ Зеравшанский отряд этой экспедиции, которым руководил заведующий отделом Средней Азии И. И. Зарубин, и туркменский отряд собрали ценнейшие коллекции, восполнившие лакуны в фондах Музея по ягнобцам, каракалпакам и хазарам.⁶⁵ А. Н. Самойлович принимал и личное участие в пополнении фондов, обогатившихся с его помощью прекрасными собраниями по культуре и быту узбеков и туркмен.⁶⁶

Из других отечественных поступлений этого периода можно отметить богатые коллекции, всесторонне освещающие материальную и духовную культуру нанайцев, собранные в 1927—1930 гг. Н. А. Липской и И. П. Козьминским;⁶⁷ значительные коллекции по ненцам и целый ряд уникальных культовых предметов по верованиям малоизученного народа западной Сибири — энцев, совершенно не представленных до того времени в наших этнографических музеях, — собранные Г. Д. Вербовым;⁶⁸ полнейшую коллекцию по быту нганасан, впервые обследованных в эти годы сотрудником Музея А. А. Поповым;⁶⁹ коллекции, характеризующие материальную культуру и верования алтайцев, собранные Л. Э. Каруновской и Н. П. Дыренковой;⁷⁰ собрания по быту обдорских хантов от Н. Ф. Прытковой,⁷¹ и др.

Существенный вклад в фонды Музея по этнографии зарубежных народов Передней Азии внесли своими материалами профессор Восточного факультета Ленинградского университета А. А. Ромаскевич (предметы, характеризующие религию и искусство народов Ирана);⁷² иранист Р. А. Галунов (народный театр и религия Ирана);⁷³ специалист по грузинской и иранской филологии и фольклору Ю. Н. Марр (ряд собраний, характеризующих быт персов);⁷⁴ работавшая в области этнической картографии супруга академика Бартольда — М. А. Бартольд (турецкая одежда и утварь, вывезенные из их совместной с мужем поездки по Турции).⁷⁵ Выдающийся тюрколог С. Е. Малов подарил Музею коллекции по культуре и быту уйгур и турков;⁷⁶ известный синолог В. М. Алексеев — по этнографии народов Китая;⁷⁷ путешественник, исследователь центральной Азии П. К. Козлов — коллекции по быту и народному искусству народов Тибета, Японии и Китая.⁷⁸ Кроме того, были организованы специальные экспедиции Музея в Китай (1927 г.) и Японию (1928 г.), доставившие в Музей коллекции⁷⁹ по быту, народному изобразительному искусству и театру японцев и китайцев.

В начале 30-х годов Музей антропологии и этнографии превращается в крупнейший научный центр, вокруг которого группируются все учрежде-

⁶⁴ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 3339, 3310, 3422, 3633, 3655, 3658, 3765, 3805, 3846, 3849, 3993, 4020, 4027, 4064 и др.

⁶⁵ Там же, колл. 3462, 3609, 3767, 3775, 3780, 3801, 3802, 3805, 3993, 4027 и др.

⁶⁶ Там же, колл. 1268, 1270—1276, 1916, 3174—3176.

⁶⁷ Там же, колл. 3348, 3872, 3894, 3895, 5530, 5747.

⁶⁸ Там же, колл. 4580, 4581, 4584, 4585, 4586—4593, 4695, 5703—5707.

⁶⁹ Там же, колл. 4334, 5657, 5658, 5718.

⁷⁰ Там же, колл. 3152, 3153, 3720, 3728, 3645, 3973, 3974.

⁷¹ Там же, колл. 5541, 5542.

⁷² Там же, колл. 2267, 2367, 2447.

⁷³ Там же, колл. 3760, 3922.

⁷⁴ Там же, колл. 2267, 2436, 3341, 4357 и др.

⁷⁵ Там же, колл. 3273, 3498.

⁷⁶ Там же, колл. 2012, 3032.

⁷⁷ Там же, колл. 1709, 2512.

⁷⁸ Там же, колл. 1091, 1110, 1743, 2369, 4736, 5320 и др.

⁷⁹ Там же, колл. 3653, 3692, 3824—3827, 3914—3916.

ния и отдельные лица, занимающиеся антропологией, этнографией и древнейшим периодом археологии (палеолит). Новые задачи, возникшие перед этими науками в советское время, внимание партии и правительства к этнографии поставили на очередь дня создание на базе Музея антропологии и этнографии Института антропологии и этнографии Академии наук СССР.⁸⁰ Он был создан в 1933 г., а в 1935 г. переименован в Институт этнографии АН СССР.

Получив гораздо большие материальные возможности и полномочия, Институт этнографии осуществил деятельность, начатую Музеем по сплочению всех этнографических сил страны. Передача Музея под научный контроль Института, располагавшего сильнейшими научными авторитетами в области этнографии, антропологии и археологии, не замедлила сказаться в положительном смысле на его работе.

Музей и Институт не были отделены друг от друга. Сотрудники Института этнографии вели одновременно музейную работу: собирали новые коллекции для пополнения этнографических, археологических и антропологических фондов Музея, налаживали хранительскую работу; именно в эти годы создается отдел учета и хранения, возглавивший создание научной документации коллекций. Улучшается работа над экспозициями: разрабатываются новые планы, осуществляются временные выставки и постоянные экспозиции взамен устаревших. Значительной удачей Музея можно считать создание экспозиции «Чукотское общество» (1934 г.). Основной материал ее относился к концу XIX в. Историческое введение давало характеристику колониальной политики царизма, затем на коллекционных материалах раскрывались типы хозяйства чукчей (охота, собирательство, оленеводство), материальная культура, социальная организация и идеология. Заключительная часть экспозиции посвящалась национальной политике советской власти.

Одновременно велась работа по пересмотру выставки отдела Передней и Средней Азии. Стержнем новой экспозиции была избрана тема: «Восточная Бухара под властью эмирата». Вводная часть экспозиции содержала плоскостный материал, с помощью которого давалась географическая характеристика края. Этнографические карты показывали историю перемещения и расселения племен и народов. Основное ядро экспозиции было посвящено показу истории общества и общественных отношений, главным образом на материалах припамирских таджиков. Богатые коллекции, частично собранные именно для этой экспозиции, позволили с достаточной полнотой охарактеризовать феодальные и земельные отношения начала века в Бухарском ханстве; скотоводство, домашние промыслы и другие занятия жителей; сельскую и семейную общину; домусульманские и мусульманские культы. В конце экспозиции демонстрировались материалы, характеризующие громадные сдвиги, происшедшие в Таджикистане за годы советской власти. Во введении и концовке экспозиции помещались объяснительные тексты.

Значительно улучшилось в эти годы и художественное оформление Музея: впервые вводятся ведущие заголовки, выполненные рельефными накладными буквами, крупноформатные фотографии, макеты и обстановочные сценки с манекенами в натуральную величину и подлинными предметами быта, как например «хошар», «алоухона», «мазар» и ряд других, очень живо воспринимавшихся зрителями.⁸¹

⁸⁰ Институт антропологии и этнографии был организован путем слияния Музея антропологии и этнографии с Институтом по изучению народов СССР (ИПИИ) АН СССР.

⁸¹ Н. А. Кондауров. Реэкспозиция отдела Передней и Средней Азии в Музее антропологии и этнографии. СЭ, 1934, № 4, стр. 123—124.

Институт этнографии руководил работой не только своего Музея, но также работал в контакте с местными этнографическими музеями и Государственным музеем этнографии и консультировал их. Сотрудники Института входили в число членов музейного совета, рецензировали работы, участвовали в обсуждении планов и создании экспозиции. В связи с десятилетней годовщиной размежевания республик Средней Азии (1924—1934 гг.) было решено открыть новую выставку и в Государственном музее этнографии.⁸² Чтобы не дублировать академическую, она должна была осветить культуру и быт народов Узбекистана. Эта первая крупная экспозиция Государственного музея этнографии по одному из народов Средней Азии была разработана и осуществлена при участии работников Института этнографии, по тем же принципам и плану, как выставка «Бухара под властью эмирата». Выставка «Узбекистан» выгодно отличалась от предыдущих экспозиций этого родственного музея, в котором отдел Средней Азии до того занимал весьма скромное место и был размещен в одном выставочном зале.⁸³

Вслед за экспозицией отдела Средней Азии Музей антропологии и этнографии переработал экспозиции других отделов. В каждом из них сокращалось количество экспонируемых народов, что создавало возможность более углубленного и живого показа. Вводные разделы с плоскостным и текстовым материалом (фотографии, чертежи, рисунки, карты) позволяли дать более подробную характеристику географической среды, в которой развивалась культура данного народа, подчеркнуть основные моменты его этнической и политической истории. Применение заключительных разделов — концовок — позволяло подчеркнуть те сдвиги, которые произошли в жизни того или иного народа после победы советского строя, а в экспозициях, посвященных зарубежным народам, охарактеризовать их положение в колониальных и зависимых странах.

Значительные сдвиги произошли к концу 30-х — началу 40-х годов в отделе археологии и антропологии. С момента создания Института антропологии и этнографии антропологическая секция, созданная на базе отдела, численно увеличилась. Наряду с возглавившим ее Б. Н. Вишневским в ней работали Е. В. Жиров, Г. И. Петров и А. Н. Юзefович. В результате многочисленных, планомерно проводившихся экспедиций, а также контакта с археологами Государственной Академии материальной культуры (ГАИМК, позже Институт истории материальной культуры — ИИМК) в антропологических фондах Музея сконцентрировались значительные коллекции черепов современного населения СССР (свыше 1700 черепов), древнего населения, проживавшего на территории СССР (свыше 2400 черепов) и зарубежных стран (свыше 4600 черепов). Особенно богато было представлено население Восточной Сибири и Средней Азии, несколько хуже — население Среднерусской равнины, Крыма и Кавказа. Большую научную ценность представили черепа древнего населения из новгородских курганов, а также черепа, извлеченные В. И. Равдоникасом из курганов XI—XV вв. в районе Ленинградской области и Карельской АССР, черепа с Нижнего Дона, раскопанные М. И. Артамоновым, и материалы, характеризующие различные славянские племена, в частности кривичей, северян, родимичей и др. Древнее население Крыма было представлено уникальными погребениями неандертальца из Киик-Коба (рас-

⁸² С. М. Абрамзон. Средняя Азия в Ленинградских этнографических музеях. СЭ, 1935, № 6, стр. 136—139.

⁸³ Этнографический отдел Русского музея. Путеводитель. Пг., 1923, стр. 1—47; Л. П. Потапов. Государственный музей этнографии. СЭ, 1936, № 2, стр. 126—128.

копки Г. А. Бонч-Осмоловского), кроманьонцев из Мурзак-Коба (раскопки С. И. Бибикова и Е. В. Жирова) и др.; население Сибири — многочисленными разновременными находками. Очень интересный краниологический материал из Средней Азии был доставлен в Музей археологами Г. В. Григорьевым и А. Н. Бернштамом.

Что касается зарубежных материалов, то они за эти годы почти не поступали.⁸⁴ Все антропологическое собрание было систематизировано и описано научным сотрудником отдела Е. В. Жировым, являвшимся, по словам сослуживцев, «подвижником-энтузиастом» музейного дела.

Большой шаг вперед сделала и советская археология. Базируясь на историко-материалистическом методе, она отказалась от голого вещеведения, ставившего целью познание вещей без каких-либо исторических выводов. Собираемые археологами коллекции накапливались и постепенно позволяли воссоздать историю древних обществ, их материальную базу и духовный мир. Экспедиционная деятельность археологов значительно расширилась, благодаря чему в Музей стекаются многочисленные материалы буквально из всех уголков Советского Союза.

Археологическая секция института и отдел, возглавляемый П. П. Ефименко, а затем С. Н. Замятниным, пополнялся из тех же раскопок, что и антропологический, и из других источников. Так, например, изучению доисторического прошлого Приуралья был посвящен ряд экспедиций в Пермскую, Свердловскую области, а также в Башкирию, проведенных под руководством А. В. Шмидта.⁸⁵ Живое интересовался Шмидт и этнографией, о чем свидетельствует хотя бы статья,⁸⁶ в которой он правильно трактовал необходимость увязки источников из различных научных дисциплин для создания полноценного исторического исследования.⁸⁷

Большое количество ценнейших археологических предметов, главным образом по палеолиту, передал в Музей проработавший в нем с 1933 по 1958 г. С. Н. Замятин. В процессе полевой работы на территории Кавказа и Русской равнины Замятин открыл ряд палеолитических стоянок на Кубани, в Воронежской области, на Донце, Сейме и на Дону (Гагаринская стоянка). Опубликованные им материалы привлекали внимание как отечественных, так и зарубежных археологов не только интереснейшими находками, но и новым историческим подходом в изучении палеолита.⁸⁸

Особенно много нового внес Замятин в изучение палеолита Кавказа. В Армении, Абхазии, Кабарде им было обнаружено значительное количество памятников раннего и позднего палеолита. Материалы, собранные

⁸⁴ В. В. Гинзбург. Краниологическое собрание Музея антропологии и этнографии. Сб. МАЭ, т. XII, М.—Л., 1949, стр. 402—417.

⁸⁵ Собранные А. В. Шмидтом материалы были обобщены в работах «О хронологии доклассового общества» (Проблемы истории материальной культуры, 1933, №№ 1—2, 7—8) «Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества» (Изв. ГАИМК, вып. 106, М.—Л., 1935, стр. 13—96) и ряде других исследований, а материалы переданы в Музей (Архив МАЭ, колл. 3979, 3998, 4107, 4114, 4132, 4658 и др.).

⁸⁶ А. В. Шмидт. Об использовании этнографических материалов в работах по истории материальной культуры. Сообщ. ГАИМК, 1932, №№ 1—2, стр. 12—17.

⁸⁷ См.: Е. Ю. Кричевский. Памяти А. В. Шмидта. Этнография, 1935, № 3, стр. 125—127.

⁸⁸ С. Н. Замятин. 1) Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. Сообщ. ГАИМК, т. II, Л., 1929, стр. 209—215; 2) Карачаровская палеолитическая стоянка. Сб. бюро по делам аспирантов ГАИМК, вып. 1, Л., 1929, стр. 5—14; Z a m i a t n i n e. Station moustérienne a Ilskaia, province Couban (Caucase du Nord). Revue anthropologique, № 7—9, Paris, 1929, стр. 282—295; 2) Le station aurignacienne de Gagarino et les données nouvelles qu'elle fournit sur des rites magiques des chasseurs quaternaires. Bulletin de l'Academie de l'Histoire de la Culture Materielle, fasc. 88.

им, суммированы в ряде интересных работ,⁸⁹ а коллекции переданы в фонды Музея антропологии и этнографии.⁹⁰

Большой научный интерес представляют материалы из палеолитической стоянки Мальта, переданные в Музей М. М. Герасимовым. Интересуясь не только археологией, но и антропологией, ученый занялся восстановлением мягких тканей лица по черепу, теоретические обоснования принципов которого изложил в своей кандидатской диссертации.⁹¹ Многие из этих реконструкций, как например мальчик неандерталец из Тешик-Таш, бюсты женщины из Чечни, австралопитека, синантропа, мужчины и женщины кроманьонцев из грота Курзак-Коба, мужчины монголоидного и европеоидного типа, мальчика с деформированной головкой, согдийки⁹² и др., были сделаны Герасимовым специально для экспозиции нового отдела Музея антропологии и этнографии.

Активно участвовали в пополнении археологического отдела музея антропологии и этнографии бессменный работник Музея с 1925 г. В. В. Федоров,⁹³ руководивший одно время археологической секцией (1936 г.) П. П. Ефименко,⁹⁴ искусствовед, сотрудник славянского сектора Л. А. Динцес.⁹⁵ Из археологов, проработавших в Музее недолго или вовсе не входивших в число его сотрудников, однако способствовавших обогащению музея, следует назвать таких известных ученых, как В. В. Равдоникас,⁹⁶ А. П. Окладников,⁹⁷ Г. А. Бонч-Осмоловский,⁹⁸ С. Н. Биби-ков,⁹⁹ С. И. Руденко,¹⁰⁰ а также Н. Н. Гурина,¹⁰¹ В. Н. Чернецов¹⁰² и др.¹⁰³

Большое количество новых материалов, концентрация лучших научных сил по антропологии и этнографии в Институте этнографии, дальнейшее развитие этих научных дисциплин, а также возросшая за годы строительства социалистического общества потребность в расширении и углублении знаний вызвали к жизни и позволили в 1940 г. создать на более высоком научном уровне новую постоянную экспозицию.¹⁰⁴

Созданию ее предшествовала большая подготовительная работа: составлялись и обсуждались тематические и тематико-экспозиционные

⁸⁹ С. Н. З а м я т н и н. 1) Палеолит Абхазии. Труды Инст. абхазской культуры, вып. X, Сухуми, 1937; 2) Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры. Сов. археология, 1937, № 3, стр. 57—75; 3) Навалишенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа. Бюлл. комиссии по изуч. четвертичного периода, № 6—7, 1940, стр. 100—101; 4) О первоначальном заселении пещер. КСИИМК, вып. XXXI, М.—Л., 1950, стр. 55—63; 5) О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. В сб.: Происхождение человека и древнее расселение человечества, Труды ИЭ, новая серия, т. XVI, М., 1951, стр. 89—152.

⁹⁰ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 4106, 4267, 4633, 5201, 5203, 5204, 5251—5253, 5359—5367, 5405, 5489, 5511, 5580 и др.

⁹¹ М. М. Г е р а с и м о в. Восстановление лица по черепу. Труды ИЭ, новая серия, т. XXVIII, М., 1955.

⁹² Архив МАЭ, опись колл. 6080.

⁹³ Там же, колл. 4465, 4517—4520, 5117, 5250 и др.

⁹⁴ Там же, колл. 4147, 4268, 4632, 4634—4638, 5055 и др.

⁹⁵ Там же, колл. 3983, 4637, 5413.

⁹⁶ Там же, колл. 4727, 5000, 5716.

⁹⁷ Там же, колл. 5332, 5333, 5689, 6471 и др.

⁹⁸ Там же, колл. 5383, 5400.

⁹⁹ Там же, колл. 4532—4599, 4718, 5447, 5448, 5458, 5465 и др.

¹⁰⁰ Там же, колл. 4935—4951.

¹⁰¹ Там же, колл. 6421.

¹⁰² Там же, колл. 4095, 4456, 5123.

¹⁰³ Там же, колл. 5044.

¹⁰⁴ Подробное описание поступлений в археологический отдел, изложенное в хронологическом и географическом порядке, см. в настоящем сборнике, в статье Л. Г. Нечаевой, Т. А. Поповой, В. В. Федорова и Э. Е. Фрадкина «Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР».

планы, производилась планировка выставочного зала и первичная проектировка мебели, которую нужно было заказать специально для этого отдела, составлялась картотека будущей экспозиции. В противоположность шкафам в других залах Музея (достигавших 3.5 м высоты) мебель вводного отдела решено было сделать невысокой (2.50—2.70 м), экспозицию же начинать на высоте не менее 80 см от пола, чтобы археологические и антропологические (в массе своей мелкоформатные) коллекции смотрелись возможно лучше. Все работы производились при непосредственном участии художников-оформителей Музея Б. С. Бутника-Сиверского, а позднее Р. И. Каплан-Ингеля.¹⁰⁵

Создание Вводного отдела ставило своей целью с помощью сравнительно-анатомического, археологического и антропологического материала познакомить посетителей с происхождением и развитием человека, дать характеристику основных этапов развития первобытного общества. Экспозиция должна была в наглядной форме отразить достижения советской исторической науки, в частности достижения в области изучения истории первобытного общества и ранних этапов формирования классового общества.

Первая часть новой экспозиции была посвящена характеристике места, которое человек занимает в животном мире, и путей, которыми шло его развитие. Затем освещалось развитие производительных сил, формирование и видоизменение на этой основе общественных и семейных отношений. Ряд стендов и витрин выставки посвящался первобытным верованиям. Заключительная часть экспозиции знакомила зрителей с современными расовыми типами и распространением их на земном шаре. Таким путем осуществлялся переход к этнографическим разделам Музея, в частности к первому отделу, в котором давалась этнографическая характеристика культуры и производственного быта народов, основу хозяйства которых составляли охота, рыболовство и собирательство.

Постоянная этнографическая экспозиция к концу 30-х годов в большинстве отделов сильно устарела. Часть ее оставалась неизменной с юбилея 1925 г., другая была лишь частично реэкспонирована. В отделе Центральной и Южной Америки, например, были заново выставлены в 1937 г. лишь археологические коллекции по Мексике, Аргентине и Перу. Основная же часть оставалась с 1925 г. без существенных изменений.¹⁰⁶

В 1939 г. коллектив Музея пересматривает устаревшую экспозицию. В ряде разделов отмечен ряд существенных недостатков: экспозиция недостаточно ярко показывала классовую борьбу в дореволюционный период, в идиллической форме подавала шаманство, не вскрывала контрреволюционную сущность его в советское время; недостаточно подчеркивала деятельность партии и правительства в национальных районах Севера.¹⁰⁷

В связи с этим было решено разработать новые экспозиционные планы и реэкспонировать ряд этнографических отделов.

В основу новой экспозиции был положен принцип исторического материализма.

Однако коренную перестройку большей части этнографических отделов музей не успел осуществить в связи с нападением фашистской Германии и начавшейся Великой Отечественной войной.

За рассматриваемый период Музей антропологии и этнографии прошел большой путь. Из сугубо академического хранилища, доступного

¹⁰⁵ В. В. Гинзбург, А. Юзефович. Опыт построения новой экспозиции. Сов. музей, 1940, № 3, стр. 27—30.

¹⁰⁶ Архив ИЭ АН, К-IV, оп. 8, № 9, лл. 9—10.

¹⁰⁷ Там же, К-IV, оп. 8, № 10, лл. 16—17.

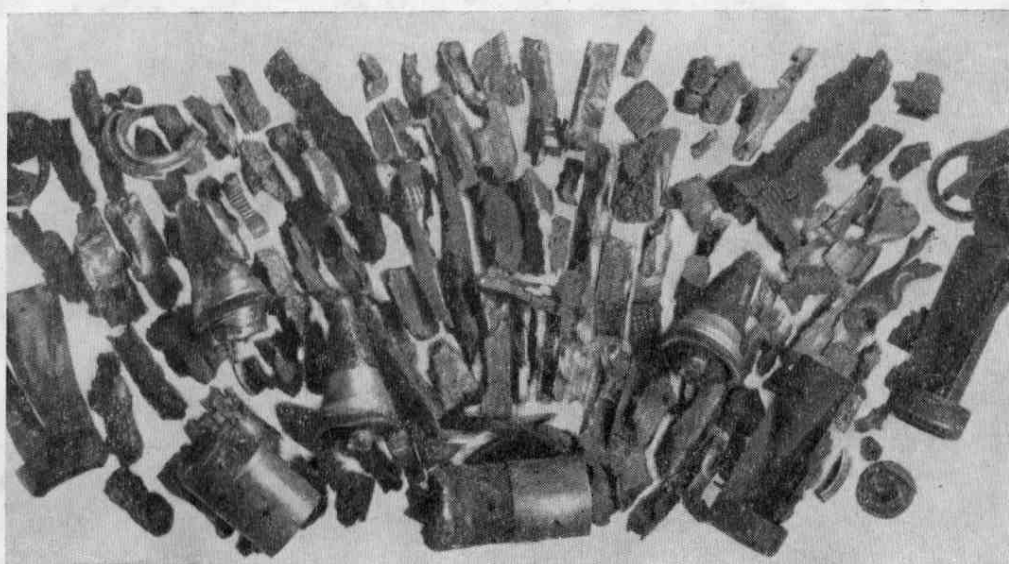
главным образом специалистам, Музей превратился в культурно-массовое учреждение, сохраняя в то же время функцию источниковедческой базы и лаборатории.

Собирательская деятельность в советское время получает научную базу, четкую целевую установку и всецело переходит в руки специалистов-этнографов, что сразу сказывается на характере подбора коллекций.

Глава VI

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1941—1963 гг.)

В дни Великой отечественной войны перешел на военное положение Институт и Музей антропологии и этнографии. Часть состава его (19 человек) вскоре ушла на фронт. Первоочередной задачей остальных стала забота об охране родного города и Музея. Сотрудники Института собствен-

Осколки зажигательных бомб и снарядов, найденных на территории Музея.

ными силами переоборудовали подвалы в бомбоубежища, а на вышке здания установили пост для наблюдения за воздушными силами противника. Окна, наиболее подверженные обстрелу, заложили кирпичом и мешками с песком. Проход в Таможенный переулок преградило заграждение, на случай прорыва противника в город Университетская набережная, где находится здание Музея, подготовилась к уличным боям.

Сотрудники Музея принимали различные меры как по охране исторического здания Кунсткамеры, так и по спасению коллекций Музея: на крыше были установлены круглосуточные посты наблюдения, балки перекрытий смазаны огнестойким составом, во всех помещениях установлены внутренние телефоны и инструменты для сбрасывания и тушения зажигательных бомб.

Враг неистово бомбил город, в здание Музея не раз попадали зажигательные бомбы и осколки снарядов. Приходилось постоянно быть начеку и ликвидировать нанесенные повреждения: от артиллерийского обстрела вылетели стекла, был снесен парапет на крыше восточного крыла Кунсткамеры, а фугасная бомба, разорвавшаяся поблизости, изувечила стены здания в Таможенном переулке. Пришлось вставлять в оконные проемы фанеру, ремонтировать поврежденные стены и крышу, пробитую осколками не менее чем в тысяче мест.

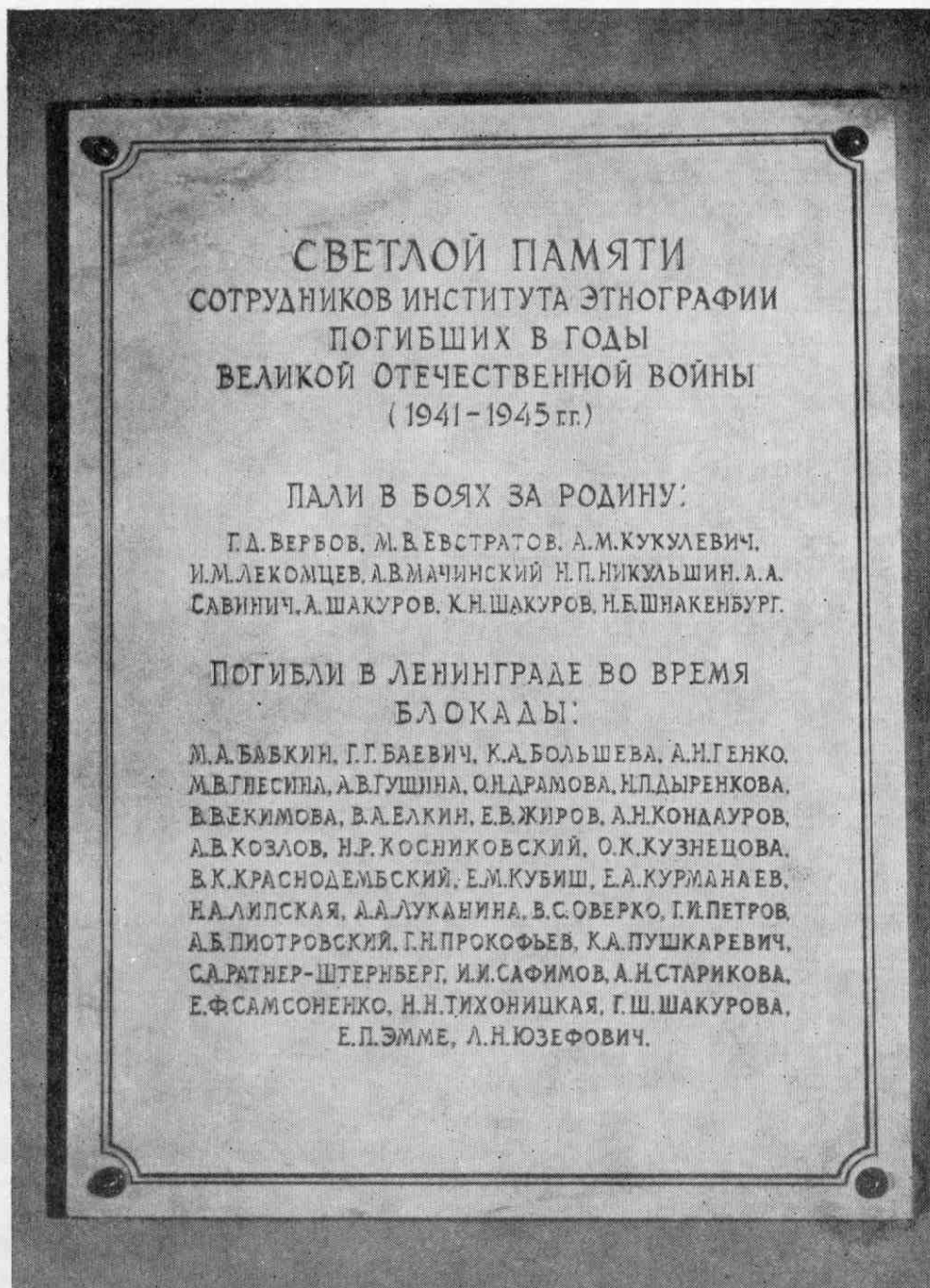

Вид здания Музея во время блокады.

Наиболее ценные коллекции Музея из фондов и экспозиции были подготовлены к эвакуации. Осуществить ее, однако, не удалось, так как Ленинград оказался окруженным вражескими войсками. Ящики с наиболее ценными экспонатами, в том числе и уникальными, были упакованы и размещены в особых хранилищах, подвалах и различных залах Музея. Их рассредоточили для того, чтобы в случае прямого попадания бомбы или снаряда не погибли все коллекции. Не упакованными оставались лишь отдельные экспонаты. В памяти сотрудников сохранился следующий курьезный случай. В числе не спрятанных в спешке предметов оказались стрела и лук из коллекции Миклухо-Маклая, которые были закреплены в установленном виде в руках манекена, изображающего папуаса с Берега Маклая. В 1942 г., когда бомбежки стали особенно сильными и систематическими «папуас не выдержал!» — как шутили сотрудники Музея, — и спустил стрелу в немецких захватчиков. Этот символический выстрел был сделан с большой силой — стрела крепко засела в щит, охраняющий макет отдела Индонезии.

Враг окружил Ленинград кольцом блокады, пытаясь голодом сломить сопротивление жителей. «Жизнь Института постепенно замирала, — со-

общается в отчете за годы войны. — Больные поголовно дистрофией и цингой, сотрудники не имели сил даже перенести в подвалы дрова». ¹ Многие уже не могли добираться до дома и переселились с семьями в под-

Мемориальная доска в конференц-зале Института этнографии
АН СССР.

валы Института; 28 человек скончалось от голода. Однако обстрелы, бомбежки и мороз, особенно жгучий в ту тяжкую зиму, голод и потери близких не сломили уверенности в победе. Даже в этих, казалось бы, невыносимых условиях продолжалась работа по охране здания и коллекций, ко-

¹ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (1943), № 28, л. 77.

торые были не только спасены от уничтожения, но почти не пострадали. Всего лишь 68 предметов было списано после войны, остальные благодаря бережному хранению находились в сравнительно хорошем состоянии. Несмотря на то что здание в период блокады не отапливалось, коллекции даже мало пострадали от сырости. В погожие летние дни, когда не было обстрела и бомбежки, весь двор Музея затягивался веревками, на которых сотрудники Института развешивали экспонаты для просушки. В условиях блокады важнейшим участком была охрана коллекций, но тем не менее не прекращалась и научно-исследовательская деятельность сотрудников Института: А. Н. Кондауров закончил и в декабре 1941 г. защитил свою кандидатскую диссертацию; сотрудники сектора Сибири под руководством М. А. Сергеева работали над сибирским томом серии «Народов мира»; И. И. Зарубин продолжал работать над изучением культуры шуганцев; Н. А. Липская обрабатывала полевые материалы, собранные на Амуре, и умерла за письменным столом; Г. И. Петров работал над статьей о расовой политике фашизма; К. А. Пушкаревич написал в эту осень свою книгу «Чехи», охватывающую историю страны с древнейших времен до захвата фашистской Германией (издана в 1942 г. в Ленинграде), и т. п.

В 1943 г. при Институте этнографии из ученых, оставшихся в Ленинграде, была создана научно-исследовательская группа историков, ученым секретарем которой стала сотрудница Института К. В. Вяткина.² Состав группы был смешанный, в нее входили работники различных учреждений. Ленинградское отделение Института сильно сократилось, и к февралю—июню 1942 г. большинство сотрудников его было эвакуировано «дорогой жизни» в Ташкент. При Музее осталась лишь небольшая бригада в составе Р. И. Каплан-Ингеля — уполномоченного Президиума АН СССР по охране Музея, ст. научного сотрудника К. В. Вяткиной, младших научных сотрудников В. В. Антроповой, М. Д. Торэн и В. В. Федорова, заведующей канцелярией А. Н. Калдыкиной и рабочих Е. А. Максимовой, А. Н. Макаровой, О. П. Кармановой, М. Г. Константиновой, З. И. Каплан, П. Н. Артамоновой, Н. В. Андросовой, М. В. Евстратовой и Е. Е. Егоровой. Этой маленькой группе и принадлежит заслуга спасения коллекций Музея в годы Великой Отечественной войны. Родина высоко оценила их деятельность. 17 мая 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «За самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады Ленинграда научных и культурных ценностей... являющихся национальным богатством страны» были награждены: Р. И. Каплан-Ингель — орденом Трудового Красного Знамени, К. В. Вяткина — орденом «Знак почета», В. В. Антропова — медалью «За трудовую доблесть».³

Основной коллектив сотрудников Института этнографии находился в годы войны в Ташкенте. В Москве в 1943 г. была создана Московская группа Института, впоследствии ставшая ведущей. Возглавляемый доктором исторических наук С. П. Толстовым (с 1953 г. член-корреспондент Академии наук СССР) коллектив продолжал научно-исследовательскую работу.

Работники Института и Музея, не щадившие своих сил в тяжелые годы войны, стояли не в последних рядах армии ученых. Как только отгремели залпы победного салюта, началась упорная восстановительная работа во всех областях жизни советского государства. Музейная работа шла в общем потоке героического труда. В первый послевоенный год Акаде-

² А. В. К о л ь ц о в. Ученые Ленинграда в годы блокады 1941—1943 гг. М.—Л., 1962, стр. 131.

³ Ленинградская правда, 1944, № 119 (8843).

мий наук готовилась к празднованию 220-летнего юбилея со дня своего основания. Юбилейная сессия 1945 г., на которую съехалось свыше 1200 советских и свыше 100 иностранных ученых, фактически превратилась в Международный конгресс.⁴ Музей антропологии и этнографии подготовил к юбилею выставку. Работы по ее подготовке были выполнены с большим подъемом и в крайне сжатые сроки небольшим коллективом старых сотрудников и вновь принятых аспирантов Института этнографии, так как далеко не все пережившие войну сотрудники вернулись в Ленинград.

Коллектив сотрудников, охранявших коллекции Музея в период блокады. Слева направо: 1-й ряд — Е. Максимова, Р. И. Каплан-Ингель, М. Д. Торэн; 2-й ряд — В. В. Антропова, З. И. Каплан, А. Н. Калдыкина.

Выставка заняла анфиладу из пяти зал 2-го этажа Музея и подразделялась на три части. В первой демонстрировались ценнейшие коллекции, собранные такими известными отечественными и зарубежными учеными и путешественниками XVIII—XIX вв., как например Паллас, Кук, Булдаков, Лисянский, Литке, Головин, Вознесенский, Миклухо-Маклай, Юнкер, и материалы археологических раскопок, поступившие в советское время (от Замятниной, Окладникова, Бонч-Осмоловского, Ефименко, Бибикова, Равдоникаса, Герасимова и др.). Во второй характеризовалась деятельность Института и Музея в дни Отечественной войны (в том числе и его печатная продукция). Третий же раздел представлял собой две тематические выставки: «Искусство народов Сибири по коллекциям МАЭ» и «Болгарская одежда из собрания, полученного Россией в дар от Болгарии в 1897 г.»⁵ На выставке имелось сравнительно незначительное количество экспонатов, тем не менее даже они давали представление о богатейших фондах Музея антропологии и этнографии. Она живо заинтересовала

⁴ Г. А. Князев, А. В. Кольцов. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.—Л., 1957, стр. 132.

⁵ Краткий путеводитель. Выставка к 220-летию Академии наук СССР. М.—Л., 1945.

гостей.⁶ Известный американский антрополог Генри Филд в своей статье «Антропология в Советском Союзе»⁷ дал подробное описание выставки. В числе экспонированных коллекций, отмечал он, громадный интерес представляют не только богатейшие собрания по этнографии народов Сибири и других народов СССР, но также уникальные коллекции по культуре, быту и антропологии народов Северной и Южной Америки, Африки и Океании. Ученый подробно излагает их состав, историю сбора, говорит о том, что советские антропологи и этнографы продолжали научную деятельность даже в период войны и добились значительных успехов.

В самом деле, этнография, как и вся историческая наука в целом, в послевоенное время далеко шагнула вперед. Уже не только отдельные передовые ученые, но также новое поколение научных работников, воспитанных в духе марксизма-ленинизма, вооруженное методом диалектического материализма, работало в различных областях исторических знаний. Этнографы, археологи и антропологи обнаруживали новые материалы, обогащающие учение об общественных формациях, базисе и надстройке, сложении и борьбе классов. То, что ранее было смутными догадками или гениальными предвидениями крупного таланта, становилось прочно подкрепленной материалом аксиомой.

В этой большой научно-исследовательской работе, широко развернувшейся в стенах Академии наук, Музей занял почетное место. Музей становится важнейшей источниковедческой базой для работ сотрудников Института этнографии и других ученых, работающих в области этнографии и антропологии.

Трудно назвать такой труд Института этнографии, в котором бы не использовались в той или иной степени материалы Музея антропологии и этнографии. Он богат представлен в текстовой и в иллюстративной части серии «Народы мира» — «Народы Африки» (1954 г.; том, удостоенный академической премии 1956 г.), «Народы Австралии и Океании» (1956 г.), «Народы Сибири» (1956 г.), «Народы передней Азии» (1957 г.), «Народы Средней Азии» (1962—1963 гг.), «Народы Южной Азии» (1963 г.); в некоторых сборниках Института — «Родовое общество» (1951 г.), «Сибирский этнографический сборник», I—IV (1952—1962 гг.), «Среднеазиатский этнографический сборник», I—II (1954—1959 гг.), «Индейцы Америки» (1955 г.), «Африканский этнографический сборник», I—V (1956—1963 гг.), «Восточнославянский этнографический сборник» (1956 г.); в «Сибирском историко-этнографическом атласе» (1962 г.); в монографиях, посвященных отдельным народам и темам, — «Очерки по истории алтайцев» Л. П. Потапова (1948 г.), «Нганасаны» А. А. Попова (1948 г.), «Очерки исторической этнографии каракалпаков» Т. А. Жданко (1950 г.), «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири» (1954 г.) и «Орнамент народов Сибири как исторический источник» С. В. Иванова (1963 г.), «Народная одежда удмуртов» В. Н. Белицер (1955 г.), «Система письма древних майя» Ю. В. Кнорозова (1955 г.), «Гончарное производство Средней Азии» Е. М. Пещеревой (1959 г.) и др.

Примерно то же можно сказать о работах по археологии и антропологии. Например, материалы Музея широко используются в таких трудах, как «Тимоновская палеолитическая стоянка» В. А. Городцова (1935 г.), «Горные таджики» В. В. Гинзбурга (1937 г.), «Грот Киик-Коба» Г. Л. Бонч-Осмоловского (1940 г.), «Палеоантропология СССР» Г. Ф. Дебеца (1948 г.),

⁶ Н. Н. Степанов. В Институте этнографии (к 220-летию Академии наук СССР). Ленинградская правда, 1945, № 131.

⁷ Henry F i e l d. Anthropology in the Soviet Union, 1945. American Anthropologie, v. 48, № 3, 1946, стр. 375 — 396.

«Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии» Т. А. Трофимовой (1948 г.), «Палеолит Закавказья» С. Н. Замятнина (1957 г.) и во многих других исследованиях. Публикуются эти материалы также в журнале «Советская этнография» и других периодических изданиях Института.

Однако основным изданием, предназначенным для публикации коллекций Музея, является Сборник Музея антропологии и этнографии. Он был основан еще в дореволюционную эпоху (1900 г.), три первых его тома вышли до 1917 г. Особенно большое количество материала было опубликовано уже после Великой Отечественной войны (тома X—XXI). В числе их имеются описания отдельных коллекций и даже отдельных уникальных предметов (Д. А. Ольдерогге — «Фигурки предков племени бари»; М. В. Степановой — «Два эскимосских пояса из собрания МАЭ»; Е. Д. Прокофьевой — «Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана»; В. В. Гинзбурга — «Анатомическая коллекция Ф. Рюйша»), а также базирующиеся на коллекциях Музея теоретические исследования (М. Г. Левина — «Краниологические типы чукчей и эскимосов. В связи с вопросами этногенеза северо-восточной Азии»; Б. Г. Кудрявцева — «Письменность о. Пасхи», и т. п.).

Институт этнографии живо откликался и откликается на все движения современности и отражает это не только в печатных трудах, но и в экспозициях Музея.

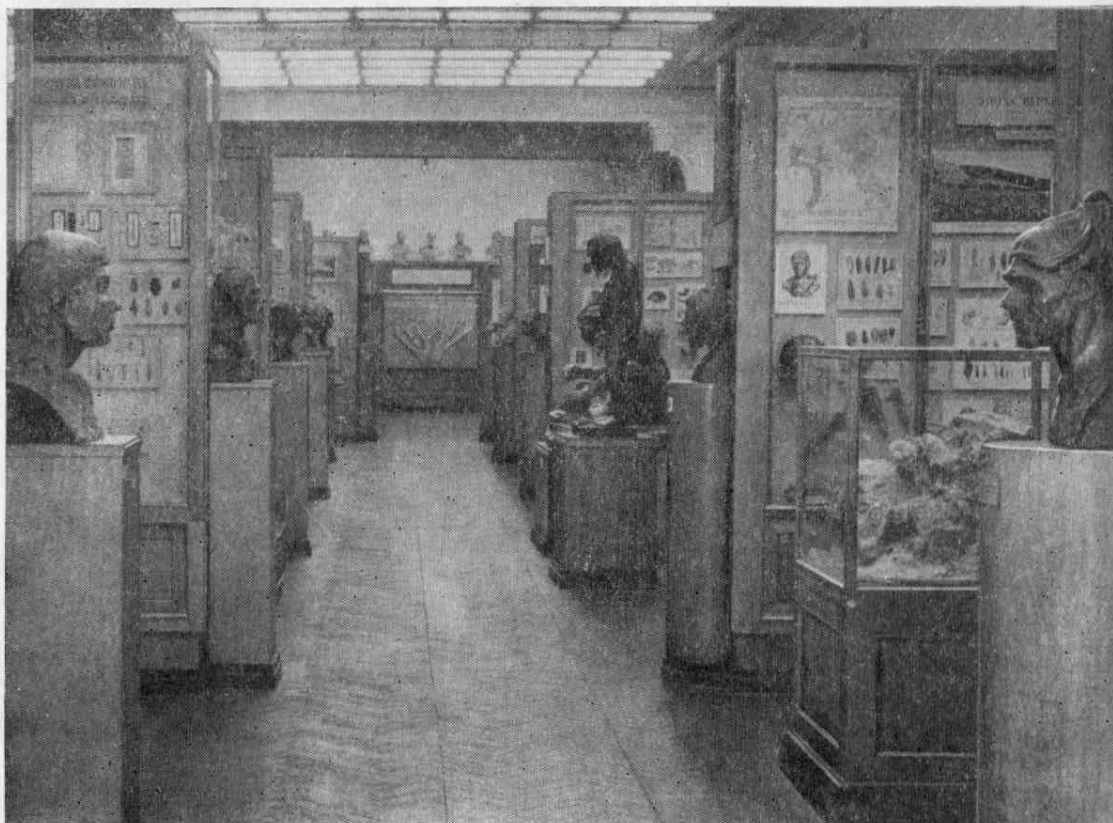
В 1946 г., после пятилетнего перерыва, Музей снова был открыт для широкой публики, хотя функционировали еще далеко не все его отделы.

Для обозрения была подготовлена экспозиция отдела Африки, в которой нашли отражение сведения о борьбе народов ее за освобождение и материалы по колониальной политике империализма. Большой интерес для посетителей Музея представляли выставки: «Искусство народов Сибири» и временная экспозиция на тему «Народы Передней и Средней Азии». На последней экспонировались коллекции по культуре и быту казахов и туркмен, а также по зарубежным народам — персам, арабам и афганцам. Временная экспозиция «Народы Индонезии» знакомила с бытом малайцев, батаков, тораджей, филиппинцев и освещала их борьбу за национальное освобождение.

Вскоре перед Музеем встала задача создания, в соответствии с основными фондами, постоянных экспозиций по зарубежным народам. Построение их затянулось на ряд лет. Вслед за экспозицией по народам Африки (1946 г.) была открыта новая экспозиция, характеризующая коренное население Северной Америки (1948 г.), затем — культуру и быт народов Индии (1949 г.), Индонезии (1949 г.), народов Восточной Азии (1950 г.), Передней и Средней Азии (1950 г.), Южной Америки (1952 г.), Австралии и Океании (1953 г.).

В настоящее время экспозиция Музея антропологии и этнографии занимает все три этажа обоих музейных зданий. Вводный отдел, новейшая редакция которого закончена в 1959 г., предваряет восемь постоянных этнографических экспозиций: «Коренное население Северной Америки», «Индейцы Южной Америки», «Народы Индии», «Народы Индонезии», «Народы Африки», «Коренное население Австралии и Океании», «Народы стран Среднего и Ближнего Востока», «Культура и быт народов Китайской Народной Республики, Кореической Народно-Демократической Республики и Демократической Республики Вьетнам». Созданы три постоянные тематические выставки: «Анатомические коллекции Кунсткамеры», «Древний Хорезм» и «Коллекции русских путешественников по Эфиопии и Восточной Африке».

Перечисленный выше подбор тем экспозиции отражает стремление Музея откликнуться на запросы современности и содействовать пропаганде научных знаний по актуальным вопросам жизни народов различных колониальных и зависимых стран. Основное внимание в них уделяется народам и странам, либо недавно освободившимся от колониального гнета империализма, либо находящимся в процессе освобождения. Этнографические коллекции убедительно, как ничто другое, доказывают несостоятель-

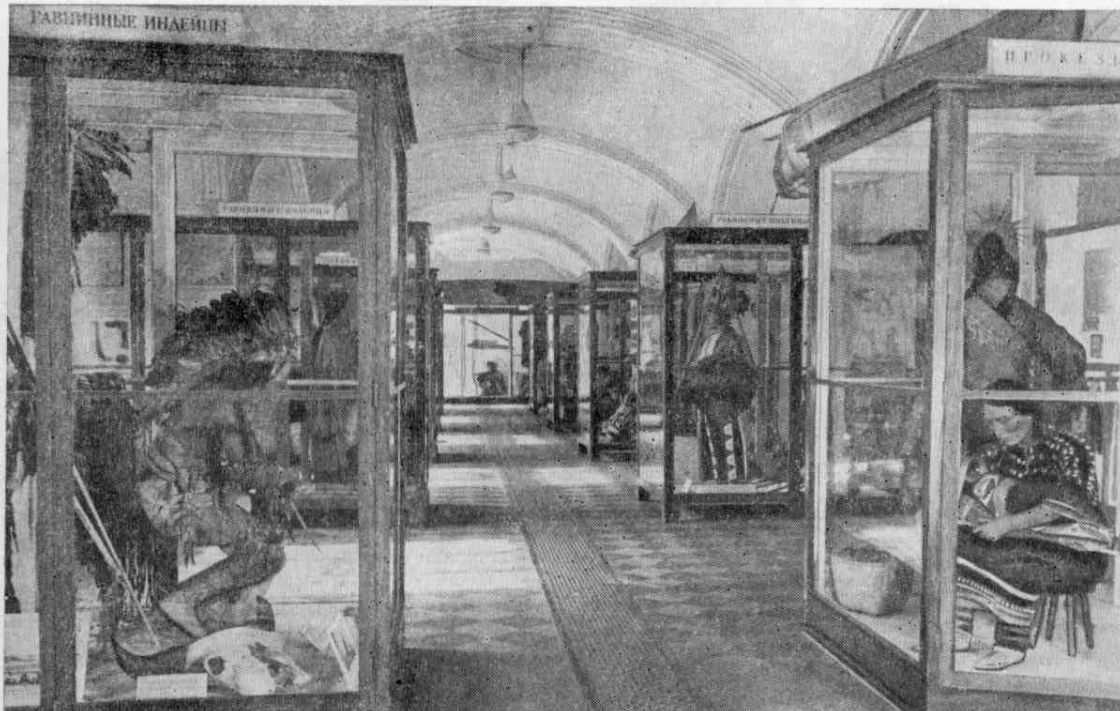
Современный вид Вводного отдела Музея. Раздел «первобытнообщинный строй».

ность утверждения о «неполноценности» одних и «исключительности» других наций.

Вводный отдел Музея, по-прежнему подразделяющийся на три основные темы — «Происхождение человека», «Основные этапы развития первобытнообщинного строя», «Человеческие расы», — значительно перепланирован и пополнен новыми археологическими и антропологическими находками.

Если ранее археологические и антропологические материалы экспонировались отдельно, хотя и последовательно, но в отдельных витринах, то теперь они (по всему отделу) объединены и совместно демонстрируются по темам. В витрине, посвященной характеристике древних людей, черепа их соседствуют с древними орудиями труда, как и в шкафах, посвященных характеристике неандертальца, кроманьонца. Комплексное расположение коллекций было продиктовано и логикой научного порядка, и интересами посетителей, для которых поданный таким образом материал создает более четкую и полную картину того или иного периода в жизни общества. Для полноты впечатления здесь помещается и иллюстративный материал, характеризующий природу, жилище, технику из-

готовления орудий, а также графические и скульптурные антропологические реконструкции. Было введено в экспозицию и много новых коллекционных материалов: орудия периода нижнего палеолита (стоянка Староселье и Волгоградская), черепа и орудия позднепалеолитического времени (Костенки XIV), статуэтки и копии полихромной росписи (Капова пещера), монолит захоронения позднепалеолитического времени (Костенки XV), орудия и утварь периода бронзы и железа (Лука Врублевская, Уэленский могильник) и др.

Современный вид экспозиции отдела Северной Америки.

Созданные в послевоенный период постоянные этнографические экспозиции Музея антропологии и этнографии более глубоко и всесторонне, чем ранее, освещают историческое прошлое и настоящее народов мира. Историко-материалистический метод, на котором они базируются,⁸ позволяет показать в развитии исторические судьбы народа, экономику его, в том числе и тип хозяйства, подчеркнуть специфические особенности культуры и быта каждого народа, а иногда также и общность его с другими народами мира. Вводная часть экспозиции, посвященной индейцам Южной Америки, например, умело сочетая вещевой материал с рисунками, гравюрами, этнографическими картами, дает представление посетителям о природном окружении, в котором обитает население, а также характеризует этнический состав его.

Значительная часть экспозиции этого отдела посвящена характеристике культуры и быта коренных жителей Латинской Америки — индейцев. Известно, что к моменту вторжения испанцев и португальцев индейские племена, населявшие южноамериканский континент, находились на различных ступенях хозяйственного и культурного развития. Экспозиция

⁸ Л. П. Потанов. Основные вопросы этнографической экспозиции в советских музеях. СЭ, 1951, № 2, стр. 7—14.

поэтому построена таким образом, что характеризует все эти стадии: демонстрируется культура и быт первобытных собирателей и охотников (огнеземельцы, ботокуды, бороро и племена области Чако), за ними следуют примитивные земледельцы (племена области Шингу и саванн) и скотоводы (арауканы), а в конце отдела представлены индейские племена, стоящие на более высокой ступени развития: майя, ацтеки (Мексика) и инки (Перу). Экспозиция последнего раздела характеризует скульптуру

Деталь экспозиции отдела Африки (1946 г.).

ацтеков, письменность и искусство индейцев майя, памятники культуры индейцев Перу и др.

Экспозиция всех остальных отделов также базируется на историческом принципе и снабжается материалами, характеризующими состав и размещение населения, а также природные условия, в которых оно обитает. Что касается содержания и плана основных разделов экспозиции, то они варьируются в зависимости от имеющихся в фондах Музея коллекций и стержневой темы экспозиции. В экспозиции «Коренное население Северной Америки», например, большое место уделяется истории изучения «Русской Америки», значительную роль в котором сыграли русские ученые и моряки, и демонстрируются коллекции, собранные главным образом ими. Этнографическая характеристика всех экспонируемых народов — эскимосов, алеутов, северо-западных индейцев, атабасков, индейцев Калифорнии, равнинных индейцев, алгонкинских племен восточных лесов, прокезов и индейцев пуэбло — дается в социальном разрезе. На материалах одежды (головные уборы, плащи) и предметов культа (тотемные столбы и др.) раскрывается социальный строй общества, например

у тлингитов, подразделявшихся на фратрии и роды, каждый из которых имел своего покровителя в мире животных (медведя, орла, лося, лягушку и т. д.). На материалах одежды показывается социальное расслоение и имущественное неравенство, отмечавшееся у них русскими путешественниками еще в конце XVIII в. (одежда вождя и рядового члена племени, украшения знатных и рядовых женщин и др.). Заключительная часть этой экспозиции рисует современное положение индейцев в Америке.⁹

Эфиопская выставка (1959 г.).

Для оживления и большей убедительности экспозиции в нее введено большое количество манекенов и диарам. Все разделы постоянно пополняются свежими материалами.

Особенно большой интерес в связи с борьбой народов Африки за национальную независимость вызывает в послевоенные годы экспозиция отдела Африки.

Помимо постоянной экспозиции, Музей демонстрировал ряд выставок, характеризующих быт и искусство ряда народов Африки (Эфиопии, Конго, Камеруна, Судана и др.). На Эфиопской выставке (1959 г.) были представлены коллекции, собранные русскими врачами и путешественниками конца XIX—начала XX в. (живопись эфиопских художников, выполненная в традиционной манере, одежда, оружие, предметы домашнего обихода, музыкальные инструменты и др.), а также поднесенные Музею Министерством культуры Эфиопии экспонаты, дающие представление о современной культуре и быте народов этого государства.¹⁰

⁹ Е. Бломквист, Б. Липшиц, Н. Шпринцин. Экспозиционная работа МАЭ. СЭ, 1948, № 4, стр. 198—201.

¹⁰ З. П. Акишева. Этнографическая выставка по Эфиопии. СЭ, 1959, № 5, стр. 140—143.

Выставка «Искусство народов Африки» (1961 г.) знакомила с искусством народов Африки, обитающих в Сахаре и южнее ее. Знакомство начиналось с копий наскальных росписей и рельефов VIII—V тысячелетий до н. э. и кончалось современностью. На выставке были представлены Бенинская бронза XV—XVI вв.,¹¹ резьба по дереву, гравировка по слоновой кости, плетение и кузнечное искусство XIX — начала XX в., а также современная художественно-промышленная и художественная продукция Конго вплоть до линогравюры.¹²

Значение такого рода выставок трудно переоценить. Сведения о народах, борющихся за свое освобождение от ига колониализма, живо интересуют посетителей. Музейные коллекции предоставляют возможность познакомиться с физическим обликом, бытом и нравами, материальной и духовной культурой народов Африки. Интерес к ним, в связи с событиями последних лет, особенно велик, и можно только пожалеть, что аудитория поневоле ограничивается главным образом жителями Ленинграда и Москвы, где, помимо находящихся в здании Музея, устраивались выездные выставки. Кино и телевидение недостаточно учитывает этот интерес. Между тем коллекции Музея являются незаменимым источником для ознакомления широкого зрителя с культурой народов Африки и других народов, борющихся за свое освобождение.

Несколько иной план имеют выставки: «Китайская Народная Республика», «Корейская Народно-Демократическая Республика» и «Демократическая Республика Вьетнам». Значительное внимание в них уделяется истории революционной борьбы, победе революции и показу нового быта народов этих стран.

Одной из неизменно актуальных задач Музея является систематическое и планомерное пополнение его новыми коллекциями. Широкий профиль Музея, охватывающего подавляющее большинство народностей земного шара, делает выполнение этой задачи особенно трудной. В послевоенное время для пополнения Музея зарубежными коллекциями был предпринят ряд мер.

Для сбора новых материалов по быту народов Китайской Народной Республики в 1959 г. состоялась поездка научного сотрудника отдела Г. А. Гловацкого, которому удалось собрать значительный материал и наладить обмен коллекциями между Музеем и Институтом национальностей и национальных меньшинств КНР. В обмен на комплексную коллекцию по этнографии народов Средней Азии¹³ Музей получил образцы одежды и современных вышивок тибетцев, мяо, корейцев, чжуан, казахов, дунган, дзинпо, тай, уйгур, маньчжур, монгол, дун, и, буи, яо, хань.¹⁴

В обмен на коллекции, характеризующие современный быт коряков,¹⁵ из Копенгагена поступила коллекция предметов быта и культа нуристанцев (кафиров), по этнографии которых до настоящего времени не имелось в Музее ни одного предмета.¹⁶

¹¹ Описание этой уникальной коллекции см.: Д. А. О л ь д е р о г г е. Древности Бенина, I—II. Сб. МАЭ, т. XV, М.—Л., 1953, стр. 357—410, т. XVI, М.—Л., 1955, стр. 283—308.

¹² Линогравюры предоставил Музею во временное пользование голландский ученый Италиаандер из своего личного собрания.

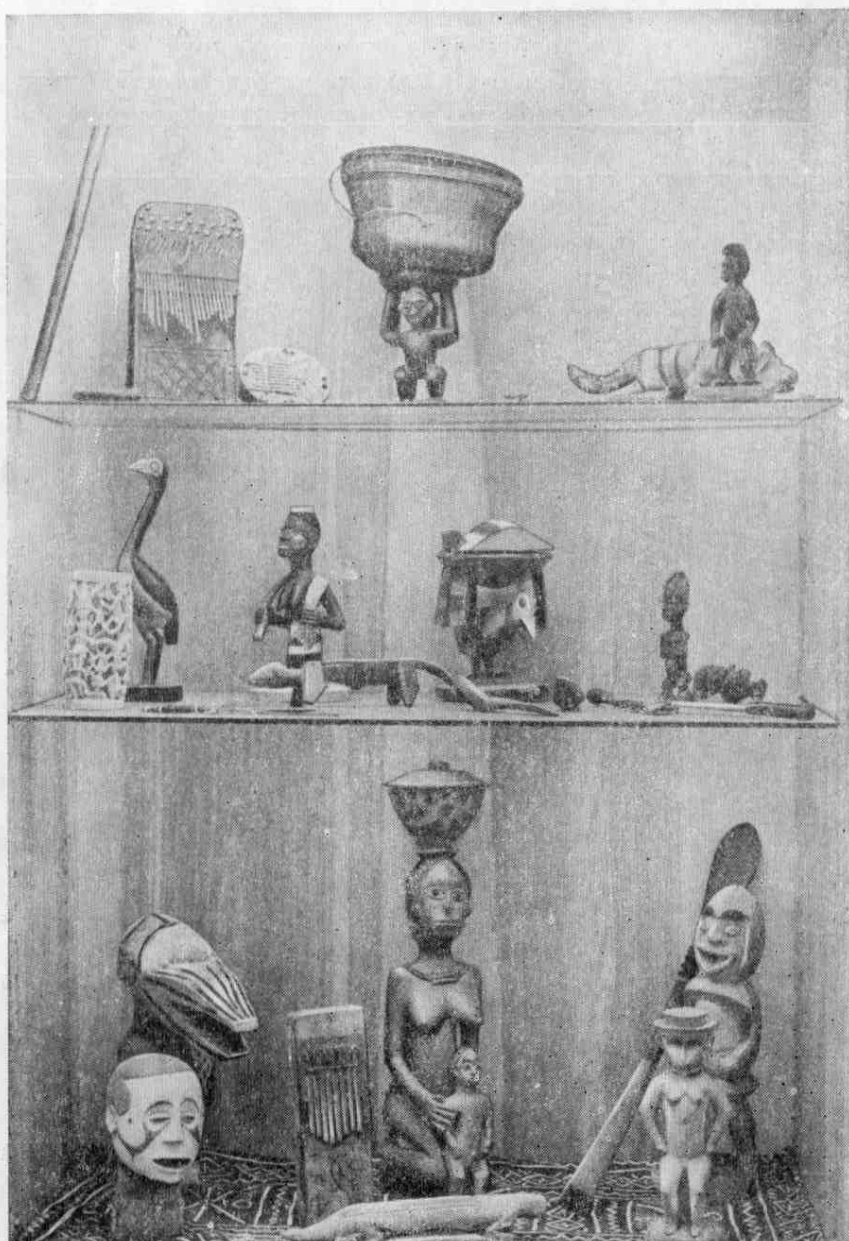
¹³ Эта коллекция собрана участниками Южноузбекского отряда Среднеазиатской экспедиции (1958 г.) К. Л. Задыхиной и Е. П. Николаичевой.

¹⁴ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 6375, 6381—6386, 6391—6400, 6409—6418.

¹⁵ Корякские коллекции были собраны в 1961 г. сотрудниками Института В. В. Антроповой и Ч. М. Таксами.

¹⁶ Н. А. К и с л я к о в. Новая нуристанская коллекция МАЭ. СЭ, 1963, № 2, стр. 120—125.

Таким образом, международные связи и обмен с этнографическими музеями других стран, совершенно прекратившийся в 1930—1945 гг., в настоящее время восстановлен. Укреплению научных связей весьма содействует Советский комитет защиты мира и различные общества культурной

Деталь выставки «Культура и быт народов Африки»
(1960 г.).

связи. Музей получил, например, в дар значительное количество предметов быта от Общества вьетнамо-советской дружбы,¹⁷ Японо-советского общества,¹⁸ Бирманского общества культурной связи,¹⁹ от Всесоюзного общества культурной связи с заграницей,²⁰ от Советского Комитета за-

¹⁷ Архив МАЭ, Журнал поступлений, колл. 6229.

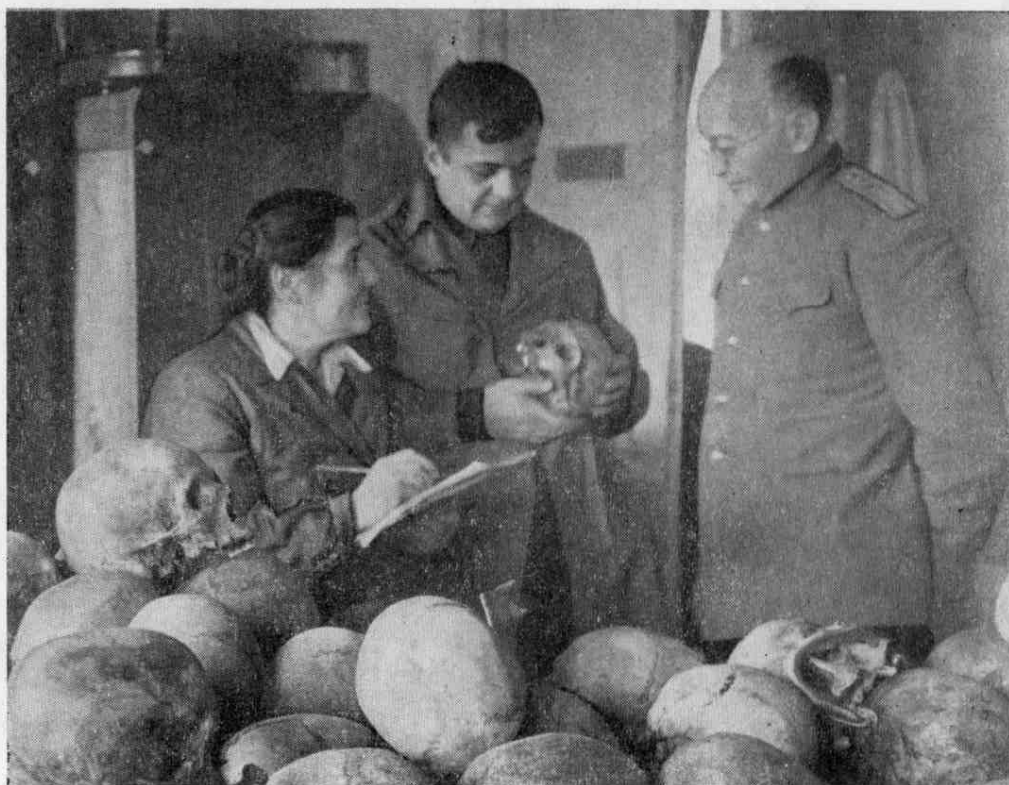
¹⁸ Там же, колл. 6276.

¹⁹ Там же, колл. 6064.

²⁰ Там же, колл. 6243, 6252.

щиты мира,²¹ от делегатов VI фестиваля молодежи,²² от китайского землячества,²³ от шанхайского театра,²⁴ от Президиума Китайской академии наук,²⁵ от венгерской делегации,²⁶ от правительства Мексики, которое через Всесоюзное общество культурных связей с заграницей торжественно преподнесло Музею собрание предметов народного искусства Мексики,²⁷ и т. д. и т. п.

Всего с 1946 по 1962 г. в Музей поступило около 15 000 предметов, характеризующих главным образом культуру и быт зарубежных народов, общее же количество предметов по этнографии достигло 145 000.

Разборка черепов в отделе Археологии (1945 г.).

В отдел антропологии за это же время поступило около 40 000 предметов, что в общей сложности с довоенными и дореволюционными поступлениями составляет 75 000 единиц учета.

Значительно обогатилось за послевоенный период краниологическое собрание Музея. Достаточно сказать, что количество черепов, хранящихся в фондах Музея, достигло 10 000. Среди них имеются коллекции черепов современного населения Западной и Восточной Сибири, а также Казахстана; краниологическое собрание, характеризующее древнее население европейской части СССР (лесной и лесостепной зон), Кавказа, Средней

²¹ Там же, колл. 6148.

²² Там же, колл. 6240—6248, 6257—6264 и др.

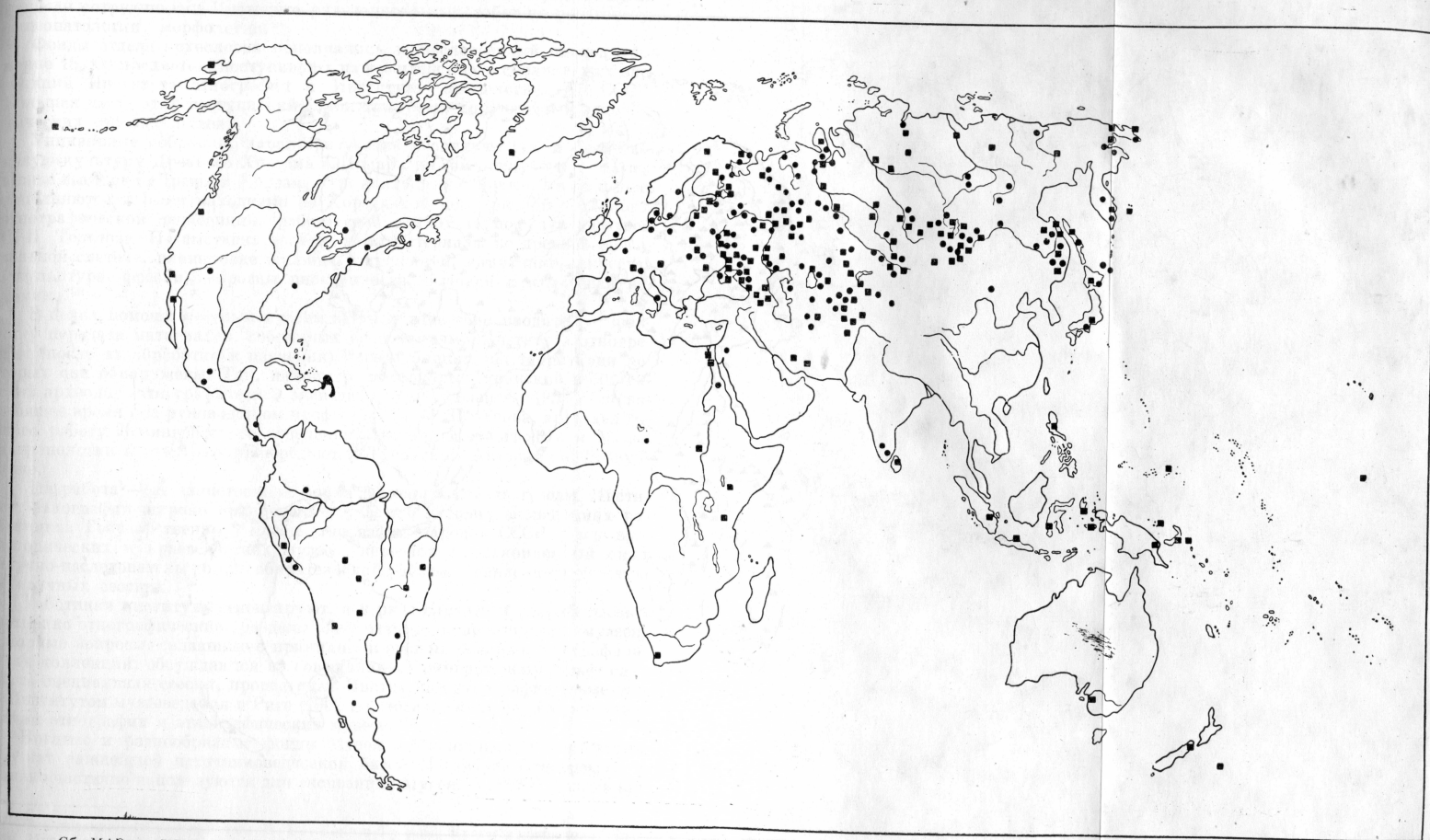
²³ Там же, колл. 6318.

²⁴ Там же, колл. 6319.

²⁵ Там же, колл. 6225, 6314.

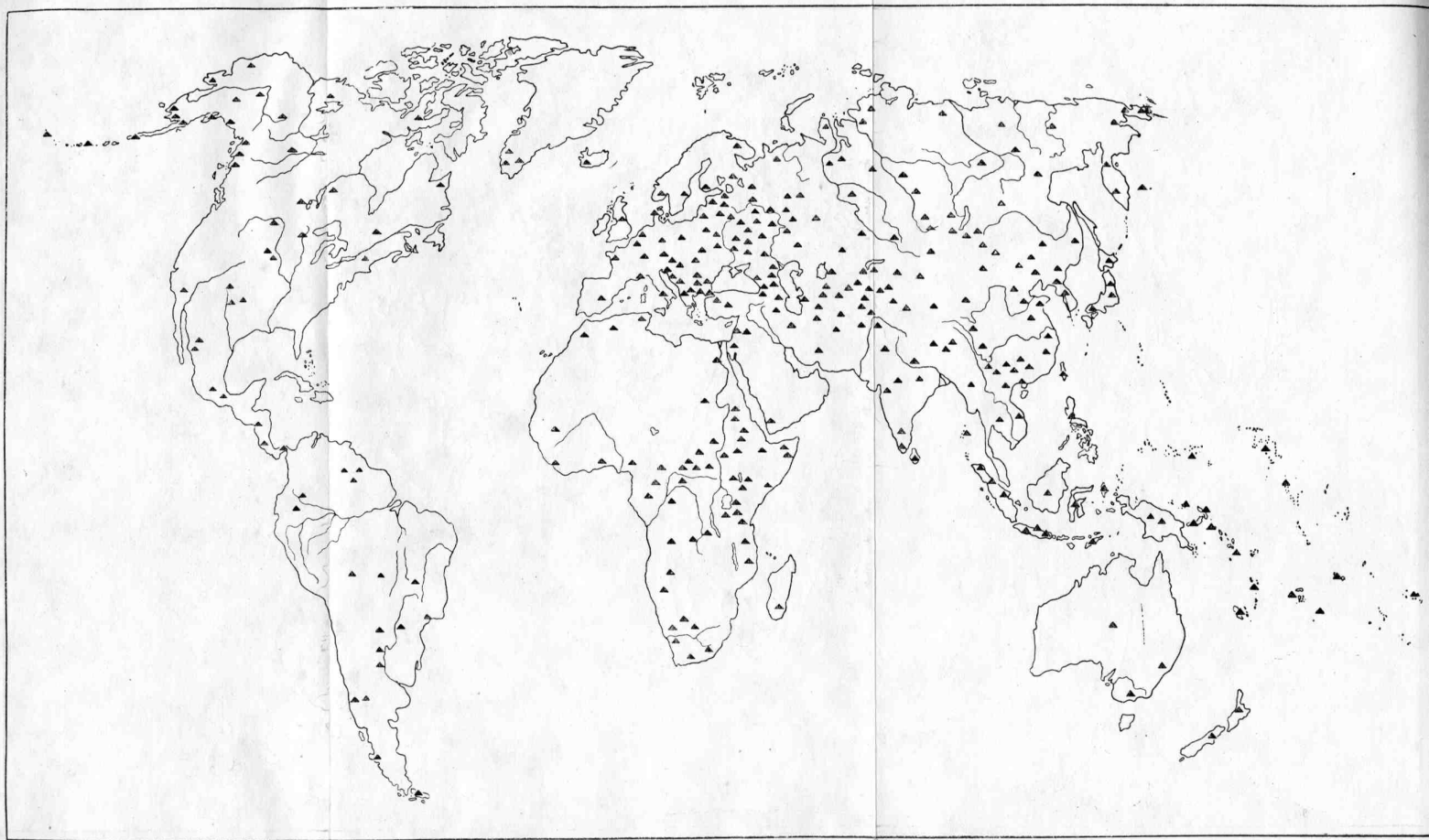
²⁶ Там же, колл. 6108.

²⁷ В. Ч. Дар мексиканских ученых МАЭ. СЭ, 1947, № 2, стр. 216—217.

Сб. МАЭ, т. XXII

Карта антропологических (■) и археологических (●) коллекций МАЭ (по местам сбора). Составлена Л. Г. Нечаевой.

Карта этнографических коллекций МАЭ (по местам сбора). Составлена Д. А. Сергеевым.

Азии, Казахстана, Западной, Южной и Восточной Сибири, в том числе Тувинской и Бурятской АССР. На краниологическом материале Музея написан сотрудниками Института ряд капитальных работ по расогенезу, палеопатологии, морфологии.²⁸

Фонды отдела археологии пополнились за послевоенный период примерно 18 000 предметов, поступивших из комплексных и специальных экспедиций Института этнографии и Института археологии АН СССР. Большая часть этих поступлений демонстрируется во Вводном и этнографических отделах Музея.

Уникальные собрания, характеризующие неолитическую и средневековую культуру Древнего Хорезма и Приаралья, экспонируются в Музее в виде выставки «Древний Хорезм». Эти коллекции собраны и по сей день дополняются новыми находками из Хорезмской комплексной археолого-этнографической экспедиции, работающей с 1937 г. под руководством С. П. Толстова. На выставке представлены материалы по древней оросительной системе, планировке жилища и крепостей, памятники искусства (скульптура, фрески), образцы письменности, бытовая и культовая керамика.²⁹

В целях помощи местным музеям за последние годы вводится в практику передача материалов, собранных экспедициями Института этнографии (после их обработки и изучения),³⁰ республикам, на территории которых они обнаружены. Так, например, материалы Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции (работающей с 1957 г. по настоящее время под руководством профессора Л. П. Потапова, возглавляющего работу Ленинградского отделения Института этнографии и Музея антропологии и этнографии) передаются Тувинской Автономной Республике.

Эта работа — не единственная форма помощи местным музеям. Институт этнографии широко привлекает к участию в своих экспедициях работников Государственного музея этнографии народов СССР и местных исторических и краеведческих музеев, передает им накопленный опыт научно-исследовательской и собирательской работы, привлекает к участию в научных сессиях.

Работники института рецензируют, а в ряде случаев и разрабатывают историко-этнографические разделы экспозиций краеведческих музеев. Спорные вопросы, связанные с принципами экспонирования этнографических коллекций, обсуждаются на совещаниях, примером чему может служить специальная сессия, проведенная Институтом этнографии совместно с Институтом музееведения в Риге (1962 г.), посвященная современным задачам этнографии и этнографических музеев.³¹

Богатые и разнообразные фонды Музея антропологии и этнографии служат важнейшей источниковедческой базой Института этнографии и только частично используются для экспозиции Музея. В 1963 г. коллекции

²⁸ Описание поступлений см.: В. В. Г и н з б у р г. Краниологическое собрание Музея антропологии и этнографии; см. также в настоящем сборнике статью: Б. В. Ф и р ш т е й н. Краниологические коллекции Музея антропологии и этнографии.

²⁹ Материалы по археологии и этнографии, собранные в этой экспедиции, публикуются: Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, тт. I—VI, М., 1959—1963; Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, тт. I—IV, М., 1952—1959.

³⁰ Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1960.

³¹ Г. С. М а с л о в а, Т. В. С т а н ю к о в и ч. Сессия, посвященная современным задачам этнографии и этнографических музеев. СЭ, 1962, № 5, стр. 138—143.

распределялись между фондами и постоянной экспозицией следующим образом:

	На экспозиции (в %/о)	В фондах (в %/о)
Этнография	5.89	94.11
Антропология	1.04	98.96
Археология	1.30	98.70

Значительный процент экспонатов используется для временных и передвижных выставок.

В послевоенный период научно-просветительная работа Музея, ставящая своей целью широкую пропаганду научных знаний среди населения, была развернута особенно широко. Богатые коллекционные собрания, в значительной мере уникальные, постоянное участие в работе Музея высококвалифицированных научных сил страны по специальностям, близким профилю Музея, контакт с различными институтами Академии наук (Институтом археологии, Институтом народов Азии и др.), пристальное внимание к работе Музея партийных и общественных организаций города, значительные денежные ассигнования, приток молодых научных сил (аспиранты) — все это способствовало развитию и обогащению методов научно-просветительной работы.

Как уже отмечалось выше, в дореволюционное время Музей был мало доступен для народа. Попытки, предпринятые в предреволюционные годы рядом прогрессивно настроенных работников Музея, превратить его в научно-просветительное учреждение, доступное для народа, так, по существу, и остались попытками.

С приходом Советской власти картина резко меняется. Музей широко открывает свои двери для народа. В соответствии с распоряжением Комиссариата народного просвещения с 1918 г. он начинает функционировать не два дня в неделю, как до революции, а шесть дней. Одиночки и группы учащихся и красноармейцев, политработников и рабочих были столь многочисленны, что «одновременное скопление многочисленных экскурсий мешало рациональному осмотру коллекций и подвергало риску ценные витрины и шкафы».³²

Наиболее массовой и систематической была работа Музея с одиночками и организованными экскурсиями. Цифровые данные говорят о все увеличивающейся популярности его среди населения:

В 1925 г. Музей посетило	20 560 человек
В 1931 г. » »	31 432 »
В 1935 г. » »	87 700 »
В 1963 г. » »	203 365 »

Неукоснительно росло и количество экскурсий: в 1921 г. было проведено 136 групп, в 1926 г. — 1217 групп, и т. д.

В последнее же время количество групп превышает 1800.

Первоначально для оживления экскурсий в Музее был выделен особый зал показа экспонатов (ряд предметов вынимался и приводился перед публикой в действие, например перчаточные и теневые куклы народных театров и т. п.).³³

Другим интересным начинанием экскурсионного дела был «Портфель экскурсовода», содержащий четко выполненные карты, диаграммы, ви-

³² Архив АН, ф. 2, оп. 1 (1908), № 8, л. 34—34 об.; ф. 142, оп. 1 (1927), № 3, л. 9.

³³ Э. В. Краснуха. Из опыта политпросветработы Музея антропологии и этнографии. Сов. музей, 1934, № 2, стр. 49—54.

довые фотографии, а также фотографии антропологических типов и бытовых сцен. Эти материалы экскурсоводы (по мере надобности) вынимали из папок и демонстрировали посетителям.³⁴ Портфели экскурсовода были порождены вещеведческим характером экспозиции и в 30-х годах, с появлением в ней текстов, вводных стендов и концовок, прекратили свое существование.

Занятия кружка «Юных этнографов» (1963 г.).

Применялась также демонстрация научных фильмов и живая демонстрация народного искусства, активное участие в которой принимали студенты Института народов Севера (нанайцы, эвенки, ханты), показывавшие экскурсантам бытующие или недавно бытовавшие народные пляски, обрядовые танцы, фехтование. Нередки были выступления и созданного студентами корейско-китайского ансамбля.³⁵

В середине 20-х годов в Музее стали функционировать кружки для учащихся старших классов школы — любителей Музея, юных этнографов, юных археологов и др. Из числа участников кружка юных этнографов вышел Б. Г. Кудрявцев, который увлекся историей культуры Южной Америки, а позднее стал известен своими успешными попытками расшифровать письменность острова Пасхи.³⁶

На базе Музея систематически устраивались семинары для рабочих, пропагандистов-антирелигиозников и преподавателей средних школ —

³⁴ Э. В. Краснуха. Из опыта политико-просветительного отдела. СЭ, 1937, № 6, стр. 130.

³⁵ Сов. этнография, 1936, № 1, стр. 150 (Хроника).

³⁶ Б. Г. Кудрявцев. Письменность острова Пасхи. Сб. МАЭ, т. IX, 1949, стр. 175—221; Д. А. Ольдерогге. Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с острова Пасхи по неопубликованным данным Б. Г. Кудрявцева. Сов. этнография, 1947, № 4, стр. 234—238.

историков, литературоведов и географов.³⁷ Участниками одного из таких кружков был написан под руководством сотрудников Музея «Сборник экскурсионных материалов по Музею антропологии и этнографии АН СССР», представляющий собой расширенное описание и методическое руководство по экспозиции Музея и типовые экскурсии по отделам его. Он был издан в 1926 г.

Первоначально экскурсии проводились силами сотрудников Музея и преподавателей школ, для которых и устраивались упомянутые методические семинары, затем (в 1932 г.) был организован научно-просветительный отдел Музея. Наличие специального штата для работы с посетителями позволило наладить ряд новых контактов: усилились связи с городским отделом народного образования, в силу чего в экспозиции Музея получил освещение ряд тем по истории и этнографии из программ старших классов школ, техникумов и вузов, увеличилось количество передвижных выставок, главным образом по антирелигиозной тематике и вопросам национальной политики Советского Союза; возросло количество лекций, прочитанных сотрудниками на предприятиях, в дворцах культуры и на семинарах пропагандистов.³⁸ Выездные лекции часто сопровождалась передвижными выставками. Тематические циклы и семинары иногда приурочивались к временным выставкам Музея. Так, например, в 1927 г. состоялся цикл лекций по истории театра, приуроченный к выставке «Театр народов Востока»³⁹ (со средней посещаемостью 150 человек);⁴⁰ в 1929 г. — по современному быту различных народов⁴¹ и по истории первобытного общества;⁴² в 1930 г. — серия бесед по материалам новых экспедиций Музея; в 1932 г. — на базе Вводного отдела — цикл антирелигиозных лекций; в 1935 г. — в связи с Абиссинской выставкой — цикл лекций по истории и этнографии Эфиопии,⁴³ и т. д. и т. п. Организация лекций на базе Музея превратилась в традицию, которая продолжает бытовать и в наши дни. В последние годы эта традиция осуществляется в виде «Воскресных чтений», посвященных новейшим достижениям отечественной науки, полевым исследованиям, исторической проблематике и т. д.

Зимой 1959—60 г., например, состоялись лекции: Ю. В. Кнорозова — «Древние цивилизации Центральной Америки» и «Культура острова Пасхи», Н. А. Кислякова — «Культура и быт Ирана», Т. В. Станюкович — «Музей антропологии и этнографии — сокровищница этнографической науки», В. В. Гинзбурга — «Современное состояние вопроса о происхождении человека» и «Человеческие расы и расистские теории империа-

³⁷ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (1918), № 73, л. 119; оп. 1 (1923), № 1, л. 17; оп. 1 (1922), № 5, л. 9; оп. 1 (1926), № 9, л. 61, и др.

³⁸ Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 47, лл. 5—11; Архив МАЭ, 1929, сколка № 13.

³⁹ В числе их можно назвать лекции проф. В. М. Алексеева «О китайской драме, ее связи с конфуцианской культурой и мировоззрением Китая» и «О китайском актере»; Е. Э. Бертельса — «О персидском театре (шиитская мистерия Газне и скоморошный театр Персии)»; проф. Н. Конрада — «О японских театрах „Но“ и „Кабуки“»; А. М. Мерварта — «Об индийском театре. Народный театр, в особенности культовые действия в честь Вишну»; Л. А. Мерварт — «О малайском театре»; проф. А. Н. Самойловича — «О турецком театре „Карагез“», и др.

⁴⁰ Архив АН, ф. 142, оп. 1 (1927), № 1, л. 3.

⁴¹ Например, лекция В. Г. Богораза «О современных народах полярных стран», А. М. Мерварта — «О современной Индии», А. Е. Глускиной — «О современной Японии».

⁴² Например, лекция Б. Н. Вишневого «Вопрос о происхождении человека в свете новейших исследований», А. В. Шмидта — «Доисторическое прошлое человека», и др.

⁴³ Е. В. Таланова. Абиссинская выставка Института. СЭ, 1936, № 1, стр. 151—153; Д. А. Олдерогге. Выставка абиссинских коллекций. Краткий путеводитель. Л., 1935.

лизма», Д. А. Ольдерогге — «Египет, его народы и культура» (по личным впечатлениям), О. Л. Вильчевского — «Национальный вопрос в Ираке», В. В. Матвеева — «Независимые государства Африки», В. Р. Кабо — «Первобытные верования по этнографическим материалам народов Австралии и Океании», С. В. Иванова — «Изобразительное искусство бурят» и др.

Цикл 1961—1962 гг. включал лекции А. И. Собченко — «Конго», А. Д. Дридзе — «Куба», А. И. Мухлинова — «Лаос», В. В. Матвеева — «Алжир», Н. А. Бутинова — «Западный Ириан», Д. А. Ольдерогге — «Личные впечатления о поездке в республику Мали», Д. Д. Тумаркина — «Национально-освободительное движение Океании», и др.

Сотрудники музея ведут большую научно-атеистическую и просветительную лекционную работу⁴⁴ в подшефных воинских частях и на предприятиях, активно работают в обществе «Знание». Особенно большое количество лекций за последний год было прочтено сотрудниками сектора Америки и Африки в связи с событиями в Африке и на Кубе, а также сотрудниками отдела зарубежной Азии по Турции и Ирану.

Хранящиеся в фондах коллекции позволяют Музею устраивать в своих стенах, а также вне их (главным образом в павильонах городских и пригородных парков Ленинграда) временные и передвижные выставки на самые различные темы: «Этнографические рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая», «Великий русский путешественник Миклухо-Маклай» — выставка к столетию со дня его рождения (1946 г.), «Происхождение человека, расы и расовая дискриминация» (1949 г.), «Культура и быт народов колониальных и зависимых стран и их борьба с колониализмом» (1951 г.), «Китайский лубок» (1951 г.).⁴⁵ К 50-м и началу 60-х годов относятся такие выставки, как «Наука и религия о происхождении человека» (ЦПКО, 1952—1955 гг.), «Индонезия» (Москва, 1956 г.), «Культура и быт народов Африки» (1958 г.), «Искусство народов Японии, Индии и Индонезии» (г. Пушкин, 1957 г.), «Новые коллекции по народному искусству Индии» (г. Пушкин, 1959 г.), «Новые поступления Музея антропологии и этнографии» (Летний сад, 1959 г.), «Культура и быт народов тропической и южной Африки» (г. Пушкин, 1958 г.), «Происхождение религии» (Кронштадт, 1958 г.), «Эфиопская выставка» (1959 г.),⁴⁶ «Культура и быт народов Африки» (Москва, 1960 г.), «Искусство Цейлона» (1963 г.) и др. Посещаемость этих выставок в среднем составляет 25 000—30 000 человек.⁴⁷ Контингент посетителей Музея очень широк. В него входят рабочие и служащие, учащиеся старших классов школ (в программу которых включено обязательное ознакомление с экспозицией Музея), студенты техникумов и вузов. Школьники V—VIII клас-

⁴⁴ В 1958 г. Музей получил почетную грамоту «за активную пропаганду естественнонаучных и атеистических знаний среди частей Краснознаменного военно-морского флота»; в 1959 г. — Почетную грамоту от Ленинградского военного округа; в 1962 г. — от Советского Комитета защиты мира.

⁴⁵ Н. В. К ю н е р, Г. А. Г л о в а ц с к и й. Выставка китайского лубка. СЭ, 1952, № 1, стр. 196—202.

⁴⁶ В память посещения этой выставки император Эфиопии Хайле Селасе I преподнес директору Института этнографии АН СССР профессору С. П. Толстову и заведующему Сектором Африки профессору Д. А. Ольдерогге памятные золотые медали.

⁴⁷ Г. С т р а т а н о в и ч. Выставка Института этнографии АН СССР в Центральном парке культуры и отдыха им. С. М. Кирова (Ленинград). СЭ, 1951, № 1, стр. 187—192; Е. К л о ч к о в а. Культура и быт народов Африки. Выставка в «Оранжерее». Заря коммунизма, 1958, №№ 71 и 79; Путеводитель по выставке «Происхождение религии». Кронштадт, 1958; А. Д. Г р а ч. Этнографическая экспозиция «Индонезия» в Москве. СЭ, 1957, № 2, стр. 168—172; З. П. А к и ш е в а. Этнографическая выставка по Эфиопии, стр. 140—143, и др.

сов знакомятся с помощью экспозиции с основными этапами развития первобытнообщинного строя; ученики IX класса, учащиеся медучилищ и техникумов — с происхождением человека и с этнографией народов тех стран, с которыми они знакомятся по курсу истории и географии в период обучения; студенты — историки и экономисты изучают по материалам экспозиции экономику первобытного общества и этнографию народов мира; геологи и техники — условия залегания палеолитических стоянок, первобытные орудия и способы их обработки; слушатели партшкол и университетов атеизма получают широкий материал по происхождению религии,

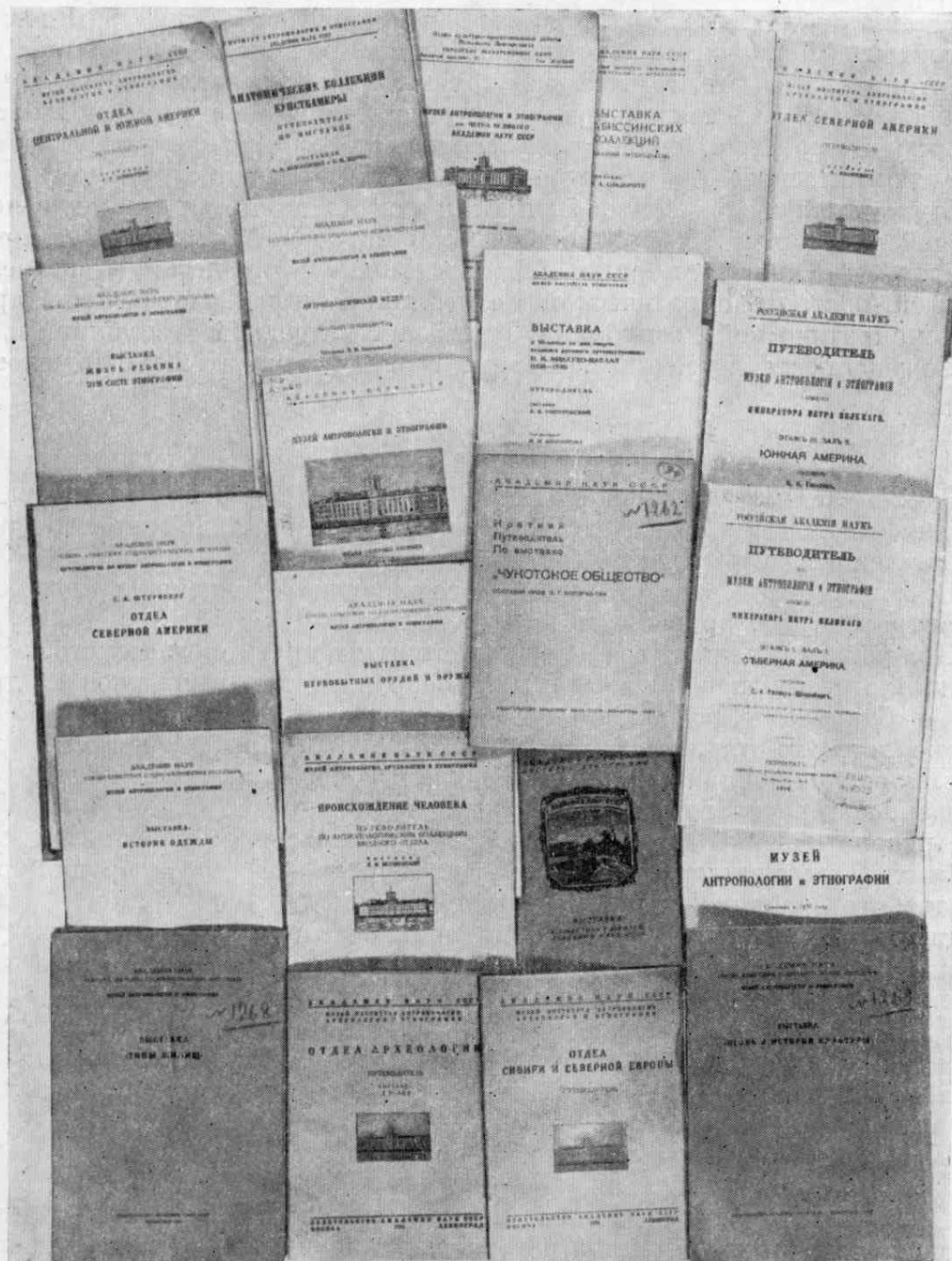
Выставка «Искусство Цейлона» (1963 г.).

первобытным верованиям и современным культам; художники-декораторы, деятели кино на материалах Музея изучают одежду, интерьер и другие предметы быта различных народов; художники-текстильщики — ткани; специалисты по народному искусству — продукцию народных мастеров, и т. д. и т. п. Часто посещают Музей иностранные делегации. Только за 1963 г. в нем побывало 214 гостей из-за рубежа из 31 страны. В числе их — государственные и общественные деятели, работники искусства и науки.

Большой популярностью Музей пользуется среди советских и зарубежных ученых. Многие из последних не только знакомятся с экспозицией, но и изучают богатейшие фонды Музея.

В числе их можно назвать таких известных ученых, как вице-президент Академии наук Германской Демократической Республики В. Г. Штейниц, председатель Национальной Комиссии Академии наук Кубы А. Нуньес Хименес, вице-президент Академии наук Ганы У. Абрахам, профессора А. Грдличка (США), Я. Немешкери (Венгрия), Масао

Ока (Япония), Х. Ульрих и Вернер (ФРГ), Сумарджо (Индонезия), П. Боев (Болгария), М. Докладал (Чехословакия), Н. Волянский (Польша), П. Грациози (Италия), Г. Сикард (Швеция), Ш. и А. М. Тубиана

Путеводители, изданные в советское время.

(Франция), М. Кебеде (Эфиопия), В. Ф. Вертхейм (Голландия), Т. Хейердал (Норвегия), Б. Довидсон и Цойлер (Англия), К. Фердинанд (Дания), и многих других. В книге отзывов Музея имеются записи ученых, общественных деятелей и туристов из демократических стран и капиталистического мира, показывающие, как высоко они оценивают богатейшие собрания Музея антропологии и этнографии и передовые принципы, на которых строятся его экспозиции.

Научно-просветительный отдел Музея в настоящее время обслуживается сотрудниками Института. Это — этнографы с высшим специальным образованием. Они ведут экскурсионную, музейную и научную работу: разрабатывают методические руководства к экскурсиям, руководят кружками юных этнографов, проводят специальные занятия с различными контингентами учащихся, принимают участие в описании и научной регистрации коллекций, занимаются научными исследованиями.

В Музее проводятся обзорные и тематические экскурсии («Происхождение человека», «Первобытные верования», «Основные этапы развития первобытнообщинного строя», «Великий русский путешественник Миклухо-Маклай»), а также экскурсии региональные, знакомящие посетителей с историей, культурой и бытом народов Австралии и Океании, Северной и Южной Америки, Африки, Индии, Индонезии, Передней и Средней Азии, Демократической Республики Вьетнам, Корейской Народно-Демократической Республики, Китайской Народной Республики и др.

Посещаемость Музея в последние годы превышает 200 000 человек.

* * *

За 250 лет своего существования Музей антропологии и этнографии сложился как крупнейший этнографический музей нашей страны и один из богатейших этнографических музеев мира.

В фондах его сосредоточены многочисленные ценнейшие коллекции по антропологии, археологии и этнографии.

Коллекции отдела антропологии состоят из краниологического, остеологического и палеопатологического собраний, характеризующих древнее и близкое к современному население — главным образом СССР. Кроме того, в отделе имеется анатомическое собрание, ядро которого составляют коллекции знаменитого голландского анатома Ф. Рюйша, и отечественное тератологическое собрание первой половины XVIII в.

Археологический отдел Музея обладает богатейшим собранием памятников культуры четвертичного периода. В числе их имеются орудия труда ашельского времени (найденные на территории СССР, Франции, Англии, Индии и Палестины), мустьерской эпохи (характеризующейся главным образом отечественными находками), орудия и памятники искусства верхнепалеолитического периода (в числе которых имеются уникальные женские статуэтки), мезолитической эпохи (находки из Крыма); неолитическая эпоха представлена керамикой и другими коллекциями, главным образом из северных районов РСФСР и Сибири, а также из юго-западных областей СССР.

Имеются также значительные коллекции изделий из бронзы и железа (скифо-сарматские собрания и др.).

Особенно богаты и многочисленны коллекции по археологии Средней Азии, освещающие различные исторические периоды, начиная от неолита и кончая поздним средневековьем, которые характеризуют занятия населения, жилище, быт, искусство, письменность и др.

Этнографические фонды Музея представляют своими коллекциями народы всех континентов мира. Гордостью Музея являются редчайшие коллекции по искусству, культуре и быту Японии и Китая, Полинезии, Африки, Австралии, Северной и Южной Америки. Достаточно назвать хотя бы такие уникальные собрания, как коллекции изделий из бронзы и слоновой кости из Бенина; коллекцию абиссинской живописи; собрания, характеризующие культуру, быт и искусство североамериканских индейцев, а также труд, быт, искусство и религиозные представления поли-

незийских народов, народов Китая, Японии, Индии, Индонезии и многое другое.

Коренное население Северной Америки характеризуется коллекциями по этнографии аляскинских эскимосов и тлинкитов (орудия труда, одежда, предметы искусства и культа), гренландских эскимосов (охотничье снаряжение, одежда и утварь), алеутов (одежда, оружие и орудия, шляпы для плясок и маски, пластическое и орнаментальное искусство), атабасков (коллекции замшевой одежды, охотничьего и праздничного вооружения, вышивки, плетений и гравировки), тлинкитов (орудия, старинное вооружение, одежда, украшения из кости и бисера, предметы религиозного культа), калифорнийских индейцев и др.

Коренное население Южной Америки представлено собраниями по этнографии ботокудов (предметы быта, народное искусство и др.), индейцев кадиувео (скульптура, керамические изделия), каингангов, шавантов и шеренте (охотничье снаряжение, украшения), индейцев племен Чако (орудия труда, предметы быта, перьевые украшения), арауканов Чили (утварь, ткачество, быт), индейцев Мексики (верования), Перу (керамика) и т. п.

Культуру и быт народов Африки освещают коллекции по народам хауса, йоруба, экои, фульбе, мандиге, калика, бонго, баганда, баньеро, азанде, баконго, монго, бангала, балуба, мангбету, пигмеям и некоторым другим племенам и народам. Коллекции содержат образцы орудий охоты и рыболовства, оружие, одежду, утварь, музыкальные инструменты, предметы искусства и культа.

Коллекции по народам Океании характеризуют культуру и быт папуасов, меланезийцев, микронезийцев, маори, гавайцев, рапануйцев.

Аборигены Австралийского континента представлены коллекциями орудий труда, оружия, чуринг, резьбы и росписи по дереву и др.

В числе интереснейших собраний по народам Индии (тамилам, телугу, малаяли) можно назвать коллекции по религиям Индии, изобразительному и театральному искусству и художественным промыслам этих народов.

Аналогичные коллекции имеются и по народам Цейлона (сингалам, тамилам) и некоторым народам Индонезии (яванцам). Этнография народов Суматры (батаков, минангкабау) освещается собраниями, характеризующими промыслы и занятия населения; Молуккских островов (амбойнцев, серамцев) — собраниями рыболовной снасти, предметов для добычи и обработки саго и образцами народного искусства; коренного населения о. Калимантан (даяки) — коллекциями оружия, одежды, ткачества, а также резных изделий из бамбука.

Большой интерес представляют коллекции по культуре и быту народов Вьетнама (ман, мяо, тхай и бонар).

Коллекции по народам Восточной Азии характеризуют некоторые стороны культуры монголов (собрания по народному театру, доламаистским культам и др.), китайцев (коллекции фарфора, скульптуры, резьбы по камню и другим материалам, а также собрания, характеризующие быт этого народа), тибетцев, уйгур, дунган, маньчжур, буи, мяо и др.

Уникальна коллекция корейского фарфора, производство которого было полностью разрушено во время японского вторжения (XVI в.).

Коллекции по народам Ближнего и Среднего Востока характеризуют главным образом иранские народы. В числе их имеются собрания по персам (принадлежности быта, народный театр, предметы культа и др.), афганцам, афганским таджикам и нуристанцам (кафирам).

Кочевые народы (джемшиды, белуджи) характеризуются коллекциями предметов быта и жилищ.

Оседлые тюркские народы представлены коллекциями по малоазиатским и европейским туркам (главным образом оружие, одежда и утварь); культура и быт в прошлом кочевых и полукочевых тюркских народов Средней Азии — казахов, киргизов, каракалпаков и туркмен — характеризуются народными художественными изделиями из войлока, тканей и др. Об этнографии оседлого населения Средней Азии (узбеков, таджиков) дают представление собрания вышивок, поливной расписной керамики, тканей домашнего производства, бухарского шелка и др.

Коллекции по этнографии народов Сибири разносторонне освещают культуру и быт долганов, нанайцев, якутов, кетов, нганасанов, хантов, тофаларов и енисейских эвенков, хакасов, алтайцев; значительную ценность имеют собрания по искусству и культу ульчей и бурятских онгонов, коллекции чукотских, корякских и эскимосских художественных изделий из кости, а также предметы, характеризующие религиозные представления нивхов, алтайцев, эвенков и др.

Коллекции по народам, населяющим европейскую часть СССР, в частности по народам финской группы, содержат собрание вышивок тверских карелов, мордовских вышивок и костюмов.

Из собраний по западным славянам наибольший интерес представляют экспонаты, характеризующие занятия, одежду, народные промыслы и искусство поляков (богатейший набор образцов тканей, вышивки, керамики) и болгар. Особенно ценной является коллекция одежды, головных уборов, вышивок, украшений, ткачества и утвари из различных районов Болгарии, поднесенная болгарскими в дар русскому правительству в 1897 г.

За 250 лет со дня своего основания Музей пережил несколько стадий развития. Каждая из них отражала состояние науки и просвещения в стране. Крупнейшие ученые и рядовые труженики-энтузиасты музейного дела способствовали созданию этой богатейшей сокровищницы и знакомили с ней, по мере своих сил и возможностей, народные массы.

Но только в советское время можно говорить о том, что коллекции Музея действительно становятся широко известными народу. Знакомство с ними способствует расширению кругозора, повышает общеобразовательный уровень советского человека, укрепляет материалистическое мировоззрение, помогает формированию художественного вкуса и прививает уважение к национальной культуре больших и малых народов.

Работники Института этнографии и Музея антропологии и этнографии вносят весомую лепту в крупнейшее международное движение современности — борьбу за мир.

Свидетельством плодотворной работы Музея на этом поприще является почетная грамота, врученная ему Советским Комитетом защиты мира. Экспозиции Музея способствуют взаимному пониманию, уважению и дружбе народов, вне зависимости от цвета их кожи, от особенностей культуры и религии, содействуют укреплению мира во всем мире.

